

РОМАН-4
1900-1945
ГАЗЕТА

Сергей Семанов

ПОД ЧЕРНЫМ ЗНАМЕНОМ

Борис Олейник

КОНЕЦ ТЬМЫ

Сергей Николаевич Семанов

Под черным знаменем

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157841

«Роман-газета», №4: 1993;

Аннотация

Жизнь и смерть Нестора Махно. О знаменитом повстанческом атамане написано немало сочинений. К сожалению, истинный облик его нередко вольно или невольно исказили. Только сегодня, когда обнаружены многие сокрытые ранее документы и воспоминания, мы можем узнать, каким он был на самом деле. В основу книги легли сведения, полученные автором во время бесед со вдовой и единственной дочерью Нестора Ивановича.

Содержание

Сергей Семанов

Под черным знаменем

Жизнь и смерть

Нестора Махно

Для начала процитируем письмо, отправленное 4 апреля 1968 года в город Ленинград из города Джамбула. Этот небольшой городок в южной казахской степи назывался до тридцать шестого года Аулие-Ата, до тридцать восьмого – Мирзоян (бывший партийный шеф Казахстана, позже расстрелянный). Затем разросшийся уже город накрыло имя «акына», прославлявшего убийц прежнего своего начальника.

Ну, переименование городов, улиц, площадей и мостов – дело знакомое, это так, для справки...

Данное письмо приводим полностью, опустив только фразу, где упомянута фамилия: пусть она ненадолго останется не известной читателю. И еще добавим: письмо это, отправленное чуть ли не четверть века тому назад, публикуется впервые.

«Мы жили тогда в пригороде Парижа Венсене в маленькой меблированной квартирке, состоящей

из одной небольшой комнаты с кухней. Семья наша состояла из трех человек: меня, мужа и одиннадцатилетней дочери. Осень 1933 г. Я безработная, муж довольно тяжело болен, дочь ходила в школу. Муж болел туберкулезом легких еще со времени заключения в Бутырской тюрьме в Москве, где он отбывал каторгу, закованный по рукам и ногам, и где провел девять лет и откуда его как политического заключенного освободила революция. Из тюрьмы он вышел без одного легкого, и теперь изнемогало и второе его легкое, также пораженное туберкулезом. Кроме того, его мучил последние пару лет и туберкулез костей. Были поражены два ребра, на которых постоянно образовывались большие болезненные шишки, наполненные гноем. Еще беспокоила его незаживающая рана на ноге, простреленной в одном из боев разрывной пулей. На эту ногу он хромал. Из раны время от времени выходили осколки разрывной пули.

Однажды в русской газете «Последние новости»¹ я прочла объявление, что в один русский детский пансион-интернат требуются работницы. Я пошла по указанному адресу и устроилась на работу в качестве прачки в пансион для русских девочек в Кенси, а муж больной остался один дома. По воскресеньям я его изредка навещала. Часто навещали его многие товарищи. Зимой ему стало хуже, и приблизительно в

¹ Газета выходила в Париже с 1920 по 1940-й, редактором с 1921-го был П. Н. Милоков

марте месяце 1934 года мы его поместили в один из французских госпиталей в Париже.

По воскресеньям я часто навещала его в госпитале. Здесь я встречалась с многочисленными его товарищами, как русскими, так и французами. Часто бывал у мужа один эмигрант из бывших белогвардейцев из войск Юденича, некто Яков Филиппович Карабань. А познакомились мы с ним, живя в одном отеле на одном этаже в Венсене. Он частенько заходил к нам, подолгу беседовал с мужем и был всегда желанным гостем.

Несмотря на пребывание в госпитале, здоровье мужа не улучшалось. В июне месяце врачи решили сделать операцию – (вынуть) удалить два пораженных туберкулезом ребра. В конце июня однажды вечером я зашла к нему в госпиталь. Он был очень уставший, измученный и ослабевший. На мой вопрос: «Ну, как?» он ничего не ответил, только из глаз его покатались слезы. Я тоже заплакала. Говорить нам больше было не о чем... Я поняла, что ему тяжело, что жизненные силы покидают его, что он уже больше не жилец на этом свете. А через несколько дней ко мне на работу в Кенси приезжает на такси один товарищ, Максим, и говорит: «Собирайся, Галина, сейчас же едем в Париж, Нестор умирает».

Я взяла дочь, спустилась к заведующей и заявила ей, что я сейчас с дочерью уезжаю в Париж, так как отец моей дочери и мой муж умирает. Мы сели в такси и поехали. Часов в пять вечера мы были

уже в Париже, в госпитале. Муж лежал на постели бледный, с полузакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от остальных большой ширмой. У него было несколько товарищей, которым, несмотря на неурочный час, разрешили здесь присутствовать. Я его поцеловала в щеку. Он открыл глаза, и обращаясь к дочери, слабым голосом произнес:

– Оставайся, доченька, здоровой и счастливой! – Потом закрыл глаза и сказал: – Извините меня, друзья, я очень устал, хочу уснуть...

Пришла дежурная сестра. Спросила его:

– Как чувствуете себя?

На что он ответил:

– Дайте ужин. Принесите кислородную подушку.

– Сейчас, – ответила сестра и принесла ему кислородную подушку.

С трудом, дрожащими руками, он вставил себе в рот трубочку кислородной подушки, и сестра попросила нас всех удалиться и прийти завтра утром.

На следующее утро, когда мы зашли в палату, то увидели, что кровать, на которой лежал муж, пуста и ширмы у кровати не было. Один из соседей больных сказал, что сегодня утром около шести часов муж перестал дышать. Пришла сестра, закрыла ему лицо простыней, и вскоре его вынесли в мертвецкую. Это было 6-го июля 1934 года. Сестра сдала мне одежду мужа, его часы и прочие мелкие вещи, и мы пошли в мертвецкую. Здесь лежал покойник с восковым, очень спокойным лицом. На груди его сочилась рана после

операции. Один из товарищей снял с лица мужа маску, и через пару дней мы его хоронили на кладбище Перля-Шез. Тело его было сожжено в крематории, и урна с прахом замурована в стене».

Грустно... Смерть каждого человека трагична, каким бы он ни был в грешном своем бытии. И все же попытаемся предположить: кто же это? Кто так мирно и кротко рассчитался с жизнью в нищей больнице, в одиночестве и неприкаянности? Скромный служащий, работяга-неудачник, запутавшийся в жизни интеллигент, разорившийся предприниматель?...

Нет и нет. Имя героя письма когда-то, не так уж задолго до его кончины, гремело по всей России, отголоски аж по всему миру разносились. Имя пахло порохом, кровью, потом боевых лошадей, ружейным маслом, ременной сбруей боевых тачанок. Оно, это имя, стало символом нашей гражданской войны – кровавой и беспощадной друг к другу. Символом русской лихости и удали, презрения к своей и – к великому нашему несчастью – чужой жизни.

Имя это – Нестор Иванович Махно. О нем, а главное – о делах, с ним связанных, и пойдет рассказ в нашей книге.

Вернемся, однако, к письму, ибо не случайно именно с него началось наше повествование. Тут нужны кое-какие пояснения, которые потребуют некоторого авторского присутствия: недолгого, впрочем, весьма недолгого.

В начале шестидесятых годов я, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, как и ряд моих молодых сверстников-историков, с головой окунулся в изучение истории гражданской войны. Время для того было, по нашим понятиям, благоприятное. архивы, ставшие доступными так широко в конце пятидесятых, еще не успели «закрыться», в академических институтах и изданиях сохранялось еще известное свободомыслие.

Чего только не выволакивали мы из богатств, благополучно пролежавших десятилетия в «спецхранах», чего только не переписывали – так, на всякий случай, бескорыстно, а уж как горячо и свободно обсуждали прочитанное! Кое-кому из нас это потом пошло впрок. Мне, как я теперь понимаю, особенно повезло. Ощупью я наткнулся на ряд острейших сюжетов в переломный период истории России, о чем позже удалось кое-что написать и даже опубликовать. Один из этих сюжетов – о Махно.

В самом конце шестьдесят пятого, будучи в Москве, я робко заявился в солиднейший академический журнал «Вопросы истории». В ту пору периодических изданий было у нас куда меньше, чем сейчас, почти всякая публикация вызвала общественное внимание. Смущаясь своей дерзости, я зашел в комнату, где помещался отдел отечественной истории (все там ныне, как было!). Едва ли не запинаясь от робости, предложил: статья, мол, о Махно... Надо сказать, что в ту пору такое предложение выглядело не только неожидан-

ным, но и странноватым, я на успех почти не надеялся. И вдруг молодой заведомо, красивый и голубоглазый, быстро и строго сказал: «Пишите и присылайте как можно скорее!» Решительным и смелым этим редактором оказался Андрей Николаевич Сахаров, ныне известный академический историк и писатель. Сейчас-то легко говорить, но тогда решиться на такое мог только отважный человек.

И я погрузился в забытые, с трудом читавшиеся, замшелые, по большей части запрятанные за железной дверью источники. И разворачивалась жуткая картина... Кровь, казалось, капала с выцветших страниц книг и газет, смертный запах поднимался с неряшливо составленных документов, людские стоны звучали за корявыми текстами приказов. К какому же выводу меня, молодого русского интеллигента, могло это привести?.

Вспомним время – середину шестидесятых, во многом переломную эпоху в идейной жизни страны. «Оттепель» отмерла, снятие Хрущева подавляющее большинство народа и интеллигенции встретило с чувством облегчения и не без злорадства даже. Померкло постепенно обаяние двусмысленного XX съезда, ибо выяснилось, что Хрущев собирался без Сталина жить почти по-сталински (кукуруза – вместо «великих строек», расстрелы в Новочеркасске – взамен «жертв сталинского террора»). Да, конечно, при Хрущеве стало несколько «теплее», но и только, суть общественного уклада не изменилась.

И вот тогда-то перед молодой русской интеллигенцией встал вопрос о ценности революции как таковой, не о конкретной даже, русской ли, французской, какой иной, а по сути – может ли революция, то есть насильственное изменение сущего, стать благом для общества? Годны ли сегодня подобные методы для решения положительных задач?

Тогда же автор этих заметок, склонный в молодые годы к решительным обобщениям, сформулировал: «Нет такого режима, который бы стоил революции!» Что ж, сказано крепко, хотя к широте и истинности этого афоризма нам предстоит вернуться. В ту пору многие становились ненавистниками всяких революционных действий и насильственных переворотов. Отсюда мое тогдашнее отношение к Махно и махновщине – «бунт бессмысленный и беспощадный». Оценка в духе давних традиций русской мысли, долгое время почитавшихся вредными. Статья же о Махно была написана быстро и горячо, с ходу опубликована, получила большой отклик у нас и за рубежом. Тут же мне стали пенять на погрешности в «классовых оценках» и т. п. (особенно тут свирепствовали украинские товарищи), но дело было сделано. Статье повезло: узкая щелочка тогдашней гласности вскоре вновь и надолго прикрылась; и то сказать, за четверть века, прошедшего с той публикации, в нашей печати не появилось ни одной (!) более или менее серьезной работы о таком крупном и знаменитом историческом явлении, каким, несомненно, была махновщина.

Но... вскоре публикация в малотиражном ученом журнале получила неожиданное продолжение. В марте 1968 года в институт пришло письмо из казахского города Джамбула. Письмо очень сухое и осторожное – некая Г. Кузьменко хотела бы связаться с С. Семеновым, автором статьи в «Вопросах истории», для уточнения некоторых подробностей по затронутой им теме. Кузьменко? Эта фамилия была мне знакома. Неужели?... Я тут же ответил, и выяснилось, что написала мне небезызвестная в истории Галина Андреевна Кузьменко, вдова и соратница Нестора Ивановича Махно, мать его единственной дочери Елены. Кстати, от нее я впервые узнал и о том, что истинная фамилия Махно – Михненко.

...Большой лист стародавней бумаги в линейку густо исписан с обеих сторон, даже полей нет. Вверху заголовок: «Моя биография», а строкой ниже (видимо, по подсказке) «Автобиография». В углу есть приписка тем же почерком, но иной ручкой и чернилами (явно позднего происхождения): «По возвращении для ОВИРа». Почерк угловатый, резкий, правописание грамотное, но рука водила пером явно с большим напряжением, отсюда даже некоторая корявость в написании отдельных букв и слов. Заметно бросается в глаза преувеличенность высоты прописных букв и строгая закрытость округлых («а», «о», «б», «д»); согласно графологии это соответственно означает: честолюбие, доходящее до деспотизма, а также скрытность. Не знаю, как вообще, но в данном случае графология не солгала. Итак, цитируем без

малейших изменений первую половину документа (о другой половине – позже):

«Родилась я, Галина Андреевна Кузьменко, в городе Киеве 28 декабря 1896 года (все даты в документе до 1917 года даны по старому стилю. – С. С). Отец мой, крестьянин Андрей Иванович Кузьменко, служил тогда на железной дороге. Мать, Доминикия Михайловна Ткаченко, по происхождению крестьянка. Когда мне было лет десять, отец бросил службу и переехал с семьей в родное село Песчаный Брод Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, взял у братьев свой надел земли, шесть десятин, и стал заниматься земледелием. По окончании двухклассной школы я поступила в Добровеличковскую учительскую семинарию, которую и окончила в 1916 году. Первое учительское место получила в селе Гуляйполе Екатеринославской губернии в двухклассной школе. Учительствовала здесь один учебный год 1916 – 1917. На следующий учебный год уехала в Киев и поступила в Университет св. Владимира. Одновременно работала в Министерстве труда в качестве заведующей столом личного состава Министерства. Через год вернулась снова в Гуляйполе и стала преподавать украинский язык, физику и естествознание в гимназиях мужской и женской. Весной 1919 года сошлась с Нестором Ивановичем Михненко – Махно, который в то время был командиром Повстанческой армии и держал фронт

белых под командованием Деникина».

Так она представлялась сама сотрудникам МВД в пятидесятых годах.

С весны 1968-го мы вступили с Галиной Андреевной в оживленную переписку, но она сообщала о себе, а главное – о Махно и махновщине – очень скупо, сказывалась осторожность, приобретенная ею за долгие годы заключения в советских лагерях (понять ее можно, тут и объяснять нечего). Значит, надо было ехать из Ленинграда в Джамбул, за несколько тысяч верст, и там попытаться выяснить у этой единственной свидетельницы необходимые сведения, иначе они навсегда погибли бы для нашей истории, и без того обездоленной подлинными источниками.

В ту пору директором нашего института был Николай Евгеньевич Носов, крупный специалист по средневековой России, человек широкий и благодетельный. Я откровенно доложил ему суть дела, и он – не то что многие его коллеги на подобных постах – охотно и твердо поддержал меня. Конечно, обозначить в официальном приказе командировку к вдове Махно было по тем временам совершенно невозможно, поэтому мы вместе придумали: еду для работы в историческом архиве Джамбульской области.

Получив казенную подорожную, я общался с Галиной Андреевной уже телеграммами. Вот последняя моя: «Прилетаю 27 (сентября 1968) срочно телеграфируйте возможность

встречи...» Ответ: «Буду ждать вас у кассы аэропорта. Кузьменко».

Взял у своего друга магнитофон (по нынешним временам неудобный и дурацкий) и... оказался наконец в джамбульском аэропорту, крошечном, как автобусная станция.

Естественно, что всякий человек, знакомый лишь по переписке или телефонным разговорам, как-то вырисовывается в нашем представлении. Так и я пытался представить себе мою героиню. Ну, все мы рабы традиций, не нами рожденных. Так вот, перед войной вышел в свет кинофильм «Александр Пархоменко», имел он тогда огромный успех, а покажи его по ТВ сейчас – успех был бы, уверен, не меньший (да чего там – большой, учитывая очевидную убогость нынешнего экрана).

Какие актеры предстали тогда! Пархоменко играл Хвеля, воплощавший образ народного героя без страха, упрека и корысти; самого Махно – великий (и неблагодарно забытый ныне) Чирков – он слепил такой образ Стеньки Разина XX века, что до сих пор Нестора Ивановича большинство народа воспринимает по его канве. Однако главное тут для нас в ином – жену Махно сыграла ослепительная киноактриса Окуневская, опять же роль ее здесь оказалась столь же блистательной, сколь и далекой от исторической правды. Что ж, высокое искусство всегда превосходит историографию, вот почему до конца дней своих человечество будет воспринимать Ричарда III по Шекспиру, а Кутузова – по Льву Толсто-

му. Сколь бы ни протестовали тут положительные историки-профессионалы. Образ выше факта.

У крошечного помещения кассы затерянного в казахской степи аэропорта встретил я сухую, худощавую женщину – того типа, что уже давно, невзирая на возраст, не заботятся о своей внешности: простенький платочек, кое-какое платьице домашнего изготовления, кофточка не первого года носки, стоптанные туфельки. Все это выглядело просто, естественно и уж никак не нарочито.

Галина Андреевна значительно превосходила средний женский рост (в молодости она явно возвышалась над своим низкорослым, согбенным после каторги, а позже – хромым от ранения мужем). Обращали на себя внимание высокий лоб, крупные, правильные черты лица, но особенно глаза – темно-карие, глубоко сидящие, с внимательным и сосредоточенно-настороженным взглядом. И сразу же, сквозь полувековой исторический туман, после перемен стольких жизненных декораций, становилось ясно: да, в такую женщину мог влюбиться, а главное – прислушиваться к ней знаменитый, лихой и беспощадный атаман! Нет, красотка Окуневская явно не дотягивала в своем киношном образе.

Впоследствии подтвердилось и первое заочное впечатление от почерка: Галина Андреевна была натурой сильной и незаурядной, неопишимо тяжелая жизнь не сломила ее характера, цепкий природный ум не ослабел и к семидесяти годам, а подозрительная осторожность была истинным по-

рождением той жуткой эпохи, в которую ей довелось жить.

Начали мы работать с Галиной Андреевной. Длилось это с неделю, не меньше, беседовали ежедневно по несколько часов. Иногда я записывал ее слова на приятельский магнитофон, но по большей части делал собственный конспект, приближенный к стенографии. И хоть мы были взаимно дружелюбны, ее не покидала настороженная сдержанность, скупость в подробностях и характеристиках. Убежден, что некоторые сведения, и немаловажные, остались сокрыты, но обвинять мою собеседницу я никак не могу: пережившая столько тягот, обманов и разочарований, как она могла довериться так вдруг незнакомому человеку, совсем иной среды и другого поколения?...

Да, к тому же имелись у Галины Андреевны не только прошлые, но и нынешние основания к сдержанности. Еще в самом конце пятидесятых, в разгар «оттепели» обратилась она с обычной тогда просьбой о реабилитации. Но и в «оттепель» с немалым отбором «реабилитировали». 30 июня 1960 года из Киева на бланке Прокуратуры Украины пришел ей ответ, вот он (цитирую по подлиннику):

«По Вашему заявлению Прокуратура УССР изучила дело, по которому Вы были осуждены. Материалами дела виновность Ваша доказана, и оснований для реабилитации не усматривается.

Заместитель начальника отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Г. Малый».

Вот так и доживала свой век больная старуха, еще на восьмом десятке остававшаяся «контрреволюционеркой», то есть преступницей на «законных» основаниях... Только в середине семидесятых родственники некоторых махновцев после долгих хлопот стали наконец получать справки «об отсутствии состава преступления» – спустя полвека после событий.

Так же сдержанна и еще более своенравна была и дочь Нестора Ивановича – Елена Несторовна. О ней, впрочем, будет рассказано в конце книги, судьба несчастной женщины того вполне заслуживает, но это – сюжет особый, боковой. Здесь же не удержусь лишь от одного замечания: уж очень сильно была похожа Елена на отца – и внешне, и, полагаю, характером.

Но всего не сделаешь и всего не наберешь. Свою работу историка, как теперь видится, я провел добросовестно, хотя прекрасно понимал, что публиковать полученные материалы в ближайшее время никак невозможно. Впрочем, в ту пору многие работали, как говорилось в интеллигентском быту, «в стол», в надежде на будущее, так что я не был тут исключением. Бумагам пришлось пролежать без всякого применения более двадцати лет.

К счастью, все сохранилось: письма Галины Андреевны и некоторые документы, мои записи, несколько фотографий даже. Теперь я благодарю Судьбу, что именно мне, не ведавшему в молодости, по каким ценнейшим историческим рос-

сыпям я тогда гулял, довелось собрать это богатство и сбесречь. Ну, а переписка наша вскоре естественным образом заглохла: о чем больше говорить, о чем спрашивать? Она дряхлая, я был занят делами, казавшимися мне тогда чрезвычайно важными. Что ж, дело житейское. И только теперь, когда Галина Андреевна давно скончалась, а мне довелось заново вернуться к истории махновского движения, я понимаю, какое богатое наследство я получил из ее рук. Воздаю искреннюю признательность ее памяти.

* * *

Имя Нестора Махно широко известно. Оно постоянно упоминается в энциклопедиях и исторических трудах, несколько раз возникает в «Тихом Доне», а в «Хождении по мукам» дано подробное описание его самого и его окружения. Ну, а разного рода повестушки, кинофильмы, журналистские рассказы – все это в оные годы хлынуло могучим потоком, который, впрочем, уже давно иссяк: старая схема исчерпана, а для нового, то есть объективного, освещения этой темы требовалась гласность, а также безопасность авторов. Теперь такое время, кажется, наступило. Попробуем...

Нестор Махно стал вожаком, а вскоре и подлинным символом народного движения Юга России и Украины. Долгое

время разрозненные отряды повстанцев, именовавшие себя махновцами, сопротивлялись войскам интервентов, красных, белых, петлюровских националистов, многих прочих, и, несмотря на слабое вооружение и неважную организацию, сопротивлялись весьма успешно, порой одерживая даже впечатляющие победы. Махновщина обросла преданиями, фольклором, крепко осталась в народной памяти, особенно -, на Левобережной Украине, родине их бывшего атамана.

Начинать осмысление этой народной стихии, понять ее и правильно оценить – дело нелегкое, как, впрочем, можно сказать о всех крупных явлениях российской истории XX столетия. Омертвелые схемы и догмы слишком долго закрывали от нас подлинность, к тому же не раз и не два сменяясь новыми «антисхемами» и «неодогмами». Не станем никого ругать, но вот себя осудить не грех, даже полезно. В заключение моей нашумевшей когда-то статьи давался четкий и недвусмысленный приговор: «Четыре года бушевал пожар махновщины на Левобережной Украине. Жестокий огонь ее обжигал и другие районы страны. Ограбленные города, свернутые в спираль железнодорожные рельсы, разоренные заводы и кровь, море человеческой крови – вот то наследство, которое оставила махновщина народам России и Украины, не принеся ничего взамен». Жестокий приговор, ничего не скажешь.

Да, так-то оно так... Только вот известно все же, что кровь

лили в ту пору красные и белые, зеленые и желто-голубые, анархисты и монархисты, свои и чужие. И города грабили. И рельсы и водокачки портили. Значит, дело не только в жестокостях – сколько их пережила тогда несчастная наша страна?! Надо разобраться во всем тут спокойно, только это позволит нам понять пройденный путь, а следовательно – оценить современность. Попытаемся же. И конечно – начинать следует с выяснения личности того человека, что дал имя махновщине.

Облик Нестора Махно в истории до сих пор не познан, а первые тридцать лет его жизни скрыты в историческом тумане, который уже вряд ли удастся развеять. Вот – дата рождения. В первых наших справочниках (1930-й) указывался 1889 год. Затем появилась новая дата – 1884-й. Это отразилось и в изданиях зарубежных. Так, в немецкой энциклопедии 1939 года (Лейпциг, том 7) уточнено: 27.10.1884. То же повторялось в справочниках на многих языках довольно долго. В своей статье я указал обе названные даты, и вот – приходит вскоре письмо из тех, которые любят получать все историки – то лучшие отклики на наши публикации. На этом нельзя чуть-чуть не задержаться.

Писал мне редактор издательства «Энциклопедия» Юрий Шебалдин – талантливый и образованный историк. После вежливого комплимента в адрес моей статьи он сделал исключительно ценное фактическое дополнение: «Хочу обратить твое внимание на то, что Н. И. Махно родился не в 1884

и не в 1889 г. Недавно мы получили справку Гуляйпольского загса, согласно которой Нестор Иванович Махно родился 27 октября 1888 г. Родители: отец – Махно Иван Родионович, мать – Махно Евдокия Матвеевна. Оба православные». Ценнейшие сведения, они вполне могли бы затеряться!

И еще. Галина Андреевна подробно рассказала мне в свое время, что настоящая фамилия ее свекра была Михненко (а не Махненко – популярная тогда среди малороссов), но уличная кличка Ивана Родионовича почему-то стала именно Махно, а по простоватым обычаям той поры дети именовались именно так. Вдова не могла тут ошибиться, ибо слышала рассказы о том не только от покойного мужа, но и от многочисленной его родни, которую хорошо знала.

Итак, установлены дата рождения Нестора Махно и его родовое происхождение. Теперь очень важно описать место, где он родился, и общественную среду, где вырос и получил основы воспитания, что так важно для любого человека. Тут нам поможет забытый ныне, но поистине бесценный источник природы и быта России начала нашего века. О нем – хоть несколько слов.

Крупнейший в России и известный всему миру географ Семенов-Тянь-Шанский в начале века издавал капитальную и совершенно своеобразную энциклопедию: «Россия, Полное географическое описание».

В 1910 году вышел в свет четырнадцатый том: «Новороссия и Крым».

Нашлось в нем место и описанию скромного, но вскоре столь знаменитого села. Вот оно: «По грунтовому торговому тракту лежит волостное село Верхнеднепровского уезда Гуляй-Поле (раньше бытовало такое написание. – С. С.) с населением в 500 душ». Это крошечный отрывок из главы с описанием Екатеринославской губернии.

Уточним, что сведение это, как точно указано в книге, относится к 1900 году. Но в десятых годах – время, которое нас сугубо интересует, – Гуляйполе необычайно разрослось: там появились предприятия, обрабатывающие продукцию сельского хозяйства, две гимназии, земская больница, многочисленные ремесленные мастерские. Но сколько всего их было и какова численность населения – точных данных за этот период не сохранилось: архивы погибли в гражданской, а потом в Отечественной войне... а позже их совсем уж не сберегали.

Важнейшей характеристикой той южной части Екатеринославской губернии, где находилась родина Нестора Махно, была чрезвычайная социальная и национальная пестрота. Это очень важно для понимания духовного воздуха, который вдыхал с детства будущий вождь махновщины, поэтому дадим краткие пояснения. Бурное хозяйственное развитие края сопровождалось всеми классическими пороками, присущими раннему капитализму: наглое высокомерие новоявленных богачей, униженное положение бедных и обездоленных слоев, обнаженное насилие как способ решения всех во-

просов.

Резко выступали пережитки старых помещичьих времен и нравов: громадные имения – и забытые, малограмотные батраки, а на службе у хозяев – вооруженная стража. Казалось, правды искать негде, отчего решительные и смелые люди, особенно молодые, тоже тянулись к насилию – ответному, как они сами думали. Добавим, что теплые края нижнего Приднепровья, где продукты питания были обильны и баснословно дешевы, привлекали множество неудачников с иных мест России и Малороссии в поисках хлеба насущного. Ясно, что пришлые парни никак не разряжали социальной напряженности: напротив, они сгущали предстоящий общественный взрыв.

Почти все население данной местности состояло из переселенцев, основное ядро – украинцы и выходцы из России, но имелись устойчивые поселения немцев, болгар, греков; по всему краю проживало много евреев – по большей части в рассеянии, но подчас и относительно большими группами, сосредоточиваясь в так называемых «местечках». Здесь, как и во всей Южной России, отмечалась невиданная в других частях страны чересполосица языков, нравов, обычаев и вер. В целом до начала гражданской войны межнациональные отношения складывались тут довольно мирно, острых столкновений на этой почве не наблюдалось, в отличие, скажем, от Правобережной Украины, Белоруссии и Прибалтики, и в особенности – «Царстве Польском», то есть в российской

части Польши.

О семье, детстве и юности Махно почти ничего не известно. Еще при его жизни в Париже малым тиражом опубликовал он воспоминания, о них стоит рассказать, тем паче что ныне во всем свете сохранилось их, видимо, с дюжину, не более. Называлась небольшая книга, напечатанная на плохой бумаге, «Нестор Махно, Русская революция на Украине (от марта 1917 г. по апрель 1918 г.) Кн. 1». А затем указаны издатели – «Федерация анархо-коммунистических групп Северной Америки и Канады, Париж, 1929».

Мемуары не вызвали никакого общественного интереса, даже откликов в русской зарубежной печати, весьма разнообразной в ту пору. Но вот что характерно: ни слова о своем происхождении и юности Махно не написал. И дело не в том, что слабограмотный атаман повстанцев писать связно не мог, – Галина Андреевна спокойно рассказывала мне об этом и о том, что составляли мемуары мужа совсем иные лица. Отметим общее: в революционной среде главным считалось общественное, прежде всего – сама революционная деятельность, о ней и полагалось говорить или вспоминать, а семейное, личное – это от лукавого, безусловно буржуазного.

Сам Нестор Иванович о своем родовом происхождении ничего не рассказал. К счастью, у него нашелся биограф. Человек он столь важный в сюжете нашей книги и о нем столько еще будет говориться, что представить его необходимо.

То был известный в революционных кругах анархист, он звался и подписывал свои печатные произведения как «Петр Аршинов», но в скобках порой ставил затем фамилию «Марин»; что тут было кличкой или псевдонимом, не ясно (да и обе могли быть кличками, у профессиональных революционеров их имелось порой несколько). Был он ровно на десять лет старше Махно, происхождения неизвестного, в 1906-м примкнул к анархо-коммунистам, взорвал полицейский участок в Екатеринославе, потом стрелял в начальника железнодорожных мастерских, попал под арест, но бежал. С 1907 по 1910 год жил в Париже, вернулся в Россию, здесь его поймали. За старые грехи полагалась бы ему петля, но гражданская напряженность уже несколько спала: дали ему двадцать лет каторги, посадили в Бутырскую тюрьму. Там и встретился с молодым Нестором Махно, сделал его своим воспитанником, обучил анархистским теоретическим вершкам и стал его мрачной тенью на всю жизнь. Видимо, это был сильный и неглупый человек – даже полвека спустя Галина Андреевна отзывалась о нем весьма уважительно.

Аршинов прошел с Махно всю гражданскую войну, затем перебрался в Берлин, где гнездились остатки российских анархов. Здесь он выпустил в 1923 году свою известную книгу «История махновского движения (1918 – 1921)». К содержанию книги и ее автору еще не раз придется возвратиться, но отметим тут вот что, важнейшее сейчас: там приведены краткие данные о ранних годах Нестора; несомненно, Арши-

нов, не раз бывавший в Гуляйполе, многое знал. Его сведения – основной тут источник, а также – скуповатые подробности Галины Андреевны. Есть и множество разного рода сплетен бульварной печати, нашей и эмигрантской, но это надо просто-напросто отбросить.

Например, даже в солиднейшем эмигрантском издании «Архив русской революции» (Берлин, 1921) о Махно печатались такие пошлые байки, будто он убил «из корыстных целей» своего брата, за что, дескать, и получил каторгу... Или в годы нэпа издали брошюру некоего Н. Герасименко, где о Махно рассказывались страшные истории, а о всем движении с размахистой решительностью говорилось: «Вечно пьяные, покрытые паразитами, страдая кожными и иными болезнями, разнося всюду заразу, они бессмысленно гибли...» Пили махновцы вряд ли больше других, а тифозные вши ели их равно, как красных, так и белых. Есть основания полагать, что брошюра Н. Герасименко была выпущена заведомо для очернения махновского движения, а для вящей убедительности ее снабдили подзаголовком: «Мемуары белогвардейца». (Любопытно, что в 1990 году один московский кооператив переиздал эту желтую книжицу, продавая ее по бешеной цене, – а ведь имеются и весьма серьезные старые книги о Махно, и его собственные воспоминания, кстати.)

Вот сводка достоверных сведений: Нестор родился четвертым сыном в семье бедного селянина. Братья рано оси-

ротели: когда Нестору исполнилось всего одиннадцать месяцев, Иван Родионович скончался, был он не старых лет и, по некоторым догадкам, не безгрешен: леноват, не пренебрегал горилкой. Ни достояния, ни доброго имени своим четверем наследникам не оставил. Всех своих старших братьев Нестор Махно пережил: один в юности отравился вишневыми косточками и умер (имя его неизвестно), Савелий и Григорий в гражданскую сражались в его отрядах и оба погибли – первый от красных, другой – от белых.

Что дальше – не известно ровным счетом ничего достоверного, но представить не трудно: нищенское детство, крохи образования, незавидные перспективы. Действительно, в двенадцать лет Нестор окончил начальную школу, а дальше пришлось ему зарабатывать на пропитание поденным трудом. Так встретил он первый год XX столетия. Нестор, несомненно, был натурой одаренной и страстной, а такие качества в людях проявляются рано; горячий и вспыльчивый, он остро чувствовал несправедливость, а природная отвага толкала его на действия прямые и резкие. А тут наступил грозный девятьсот пятый год, когда Россия словно сорвалась с места и покатилась по кручам и пропастям. Нестор Махно, как и многие его сверстники, стал одновременно и героем, и жертвой начавшегося неслыханного катаклизма. Судьбе его суждено было определиться рано.

Грозными предвестниками будущих бурь стали крестьянские волнения в Восточной Украине в 1902 году. Предыду-

ший год оказался неурожайным, хотя тяжкого голода не случилось, но многие селяне попадали в кабалу к богатым, продали запасы, резали племенной скот. Давнее раздражение накапливалось, а в марте 1902-го, с приближением весеннего сева, начались захваты крестьянами помещичьих земель. Тут же неизбежно возникали пожарища и разгромы имений с сопутствующим этому хаосом и взаимным озверением. Власти ответили как обычно: ввели войска, и хоть крови не пролилось, до тысячи мужиков посадили (не надолго, правда), а еще больше – просто побили нагайками или чем придется. Войска ушли, и все пошло по-старому.

Гуляйполе и его окрестности оказались на окраине волнений, но и там кипели страсти, накалялась взаимная вражда. Тринадцатилетний Нестор, впечатлительный и нервный, не мог на все это смотреть хладнокровно. Тщедушный и малорослый подросток, сирота, живущий в бедности, – ясно, какие чувства он должен был тогда испытывать, какая пружина ненависти сжималась в его душе: ах, вы так... ну, постойте же!... А кто эти «вы», в чем олицетворяется мировое зло, у него сомнений не имелось: офицеры и чиновники в форменных мундирах, богачи (мужчины и женщины в нарядных одеждах) и вообще все те, кто стоит за эту постылую власть.

Нестор продолжал поденщичать, занимаясь чем придется. Никто им не интересовался, ничему не учил и не наставлял, мать с утра до ночи пеклась о хлебе насущном, братья перебивались, как и он, а от православной веры Нестор от-

стал с детства. Почему, как – можно только предполагать, но о том дружно говорят все свидетельства. Некому было ни пожалеть бедного юношу, ни приласкать, ни просветить, ни успокоить. Зато вкрадчивые наставники нашлись...

Много лет занимаясь данным сюжетом, перечитав множество книг и документов, все крепче убеждаюсь, что в России воцарилось с того самого 9 января тысяча девятьсот проклятого пятого года какое-то безумие, общественное помешательство, социальная эпидемия. Все слои общества загалдели каждый по-своему, но друг друга не слышали, взаимно раздражались и, вспомнив не ко времени совет одного известного кабинетного революционера, стали «звать Русь к топору».

На зов, к сожалению, откликнулись, да еще как! Впрочем, топор за полвека со дня памятного революционного манифеста технически устарел: его успешно заменили динамит, многозарядный пистолет и даже броненосец, захваченный возбужденной матросней. Места нет рассказывать обо всем подробно, но одно, очень важное для определения судьбы гуляйпольского юноши Нестора Махно, надо отметить. С краткой до гениальности простотой это выразил один из безымянных героев «Тихого Дона», подлинный «глас народа», словно из самых глубин прозвучавший: «Подешевел человек за революцию». Отчеканено было уже на исходе гражданской, когда опыт топора и восставших кораблей накопился предостаточный.

С конца девятьсот пятого года стрельба из-за угла и взрывы динамитных бомб-самоделок сделались в России некой привычной повседневностью. Революционно-террористическое безумие охватило целые слои незрелой молодежи, а многие образованные дяди одобрительно хлопали и даже помогали «потерпевшим». Убивали мелких чиновников, рядовых полицейских...

Из этого нетрудно определить действия молодого и вспыльчивого Нестора. Тут и встает важнейший нравственный вопрос: а кто шептал в ухо молодому чернорабочему призывы и указывал на адреса жертв?

К счастью для нашего повествования, сохранилась публикация в журнале «Каторга и ссылка» за 1927 год о гуляйпольской группе анархо-коммунистов, точнее – о процессе над ней. Публикация сумбурная, бестолковая, но сводку достоверных фактов по ней можно составить. Летом 1906-го в Гуляйполе сложилась террористическая группа. Во главе ее стали Вольдемар Антони (он и снабдил мальчишек оружием) и Александр Семенюта (любопытно, и это, кажется, общее правило в таких делах, что оба они после арестов своих сподвижников благополучно укрылись в Париже). Группа ставила своей целью борьбу со всеми «богатыми» за «свободу народа». И пошло-поехало.

В суховатом тексте обвинительного заключения перечислялось: 5 сентября 1906-го трое юношей с лицами, измазанными сажей, отняли у торговца Брука 151 рубль и золотые

часы... 13 сентября того же года у промышленника Кригера – 425 рублей и слиток серебра... В августе 1907-го напали (в масках) на купца Гуревича, но неудачно – племянник поднял тревогу... Ну, и так далее. Наконец, 19 октября 1907-го попытались ограбить почтовую повозку, ничего не взяли, однако убили двух человек. Разумеется, вскоре всех выследили и взяли, отдали под военный суд: пятнадцать молодых людей.

Юного Нестора Махно, деятельного сподвижника террористической группы, тоже схватили, ему вменили в вину участие в бандитском нападении на Брука, Кригера и Гуревича, что было по тогдашним законам преступлением весьма тяжким. За это, конечно, не отвечали эмигранты, призывавшие «бить всех под корень», которые благополучно отдыхали на берегах швейцарских озер...

В 1910 году в Екатеринославе состоялась долгая и томительная для подсудимых волокита судебного заседания (тогда еще не изобрели стремительных «троек» или жутких «ОСО»), преступление было злодейским, приговор ясен: смертная казнь через повешение. Но... в момент преступления Нестор еще не достиг совершеннолетия, то есть ему не исполнился двадцать один год. Приговор пошел на пересмотрение, он попал – ирония судьбы – к ново-назначенному военному министру Сухомлинову (личность столь же известная, сколь и темная), тот, согласно закону, заменил казнь бессрочной каторгой. Позже в правой эмигрантской печати

20-х годов Сухомлинова – тоже эмигранта – упрекали за «либерализм»; упрек несправедлив: в данном случае он, авантюрист и гешефтмахер, поступил по закону.

В 1910 году, более точных данных нет, Махно отправляют в Москву, в Бутырскую каторжную тюрьму. Судьба его отныне определилась окончательно – он стал, как с гордостью говорили тогда о себе многие ему подобные, профессиональным революционером. Здесь довелось ему провести около семи лет.

Итак, Нестор Махно получил «бессрочную», то есть пожизненную, каторгу – этой мерой наказания заменялась смертная казнь, полученная по приговору суда. В 1910 году по всей России насчитывалось 28 742 каторжника, но большинство их составляли уголовники, совершившие наиболее тяжкие преступления. «Политических» насчитывалось около пяти тысяч – одним из них стал в том же году Махно. В подавляющем числе то были участники вооруженных и террористических выступлений: эсеры, анархисты, члены большевистских боевых дружин, воинствующие националисты, прочие деятели крайне революционного толка.

Махно был в том ряду не первым, а главное – не последним. Получилось так, что зажженное им пламя обожгло не только его самого «со товарищи», но много позже воронка разросшегося тюремного ада всосала туда его жену и дочь...

В тюремной среде тяжесть наказания в немалой степени определяет для заключенного положение в своеобразной

иерархии внутри узилища: Махно осудили на «бессрочную», и, хоть он был молод, это придавало ему соответствующий «авторитет». В описываемое время среди каторжан пожизненное заключение среди всех прочих имели только восемь процентов. Так он изначально оказался на вершине внутри-тюремной пирамиды, что давало ему некоторую нравственную опору – важнейшее приобретение той жизни, а также материальную поддержку сокамерников: для бедняка, каким он был, это уже немало.

Зато в смысле образовательном и идеологическом Махно, безусловно, числился среди последних. Согласно приблизительным прикидкам историка М. Н. Гернета, автора «Истории царской тюрьмы», среди каторжан преобладали люди низших социальных слоев, вот данные тогдашней отчетности судебного ведомства: «земледельцы» (крестьяне) – 28,5%, чернорабочие (к ним, надо полагать, причислили Махно) – 12,6%, фабрично-заводские рабочие – 20,5%, ремесленники – 19,0%, итого по всем четырем категориям – более четырех пятых узников, подавляющее большинство. Ясно, что почти все они были малограмотные, а так как тогдашние революционеры очень почитали теоретические предметы (доступные им по преимуществу в «популярных» брошюрах), то авторитет «теоретиков» был среди того своеобразного общества весьма высок.

Из кого же состояла, по тому же источнику, каторжная «элита»? Преподаватели и учащиеся (большинство, конеч-

но, из последних) – 5%, аптекари и фельдшера – 0,8%, врачи – 0,1%. Выразительная арифметика! Убивали приставов, городских и служащих банков «низшие» – молодые работяги и прочие, они и кончали потом жизнь на виселице или томились на каторге: «образованные» же, как правило, благополучно скрывались на аккуратных берегах Швейцарии или сопредельных пространствах, столь же благополучных. И вот весьма любопытно: среди «политических» Гернет не помнит ни одного университетского приват-доцента и ни единого гимназического учителя. «Образованность» в той среде понималась именно как осведомленность в содержании тощих эмигрантских брошюр и – особенно! – умение вести по поводу них бесконечные споры, «дискуссии» – высшую степень революционно-идеологической подготовки.

Каторжанин представляется нынешнему читателю прежде всего как «человек с тачкой», «человек с кайлом». Неточное весьма перенесение современности на прошлое. В Бутырках каторжане не отягчались никакими принудительными работами, трудились они сугубо добровольно. Да, тюрьма – не сахар. Распорядок был строг, тюремщики – люди ожесточенные, охотно и не всегда справедливо применяли разного рода внутритюремные наказания – чаще всего карцер, а также ручные и ножные кандалы, некоторые ограничения в пище и т. п.

Нет слов, тяжело все это... Но все же... Библиотеки в политических каторжных отделениях были превосходны и –

что удивительно – содержали даже нелегальную литературу, включая пресловутые революционные брошюры. Переписка с родными и близкими по сути не ограничивалась, любым литературным изысканиям и записям не ставилось препон, существовала и не пресекалась без крайних поводов каторжанская «самодеятельность» (как сейчас бы сказали): хорошее пение и т. п.

В тюрьме, особенно каторжной, все заключенные строго делились по «мастям». Последнее слово «блатное», из воровского жаргона, но по сути у «политических» подобная разноголосица была куда разнообразнее и строже: разделялись они по многим партиям и их бесчисленным оттенкам. Перегородки бывали тут весьма строги и ревниво оберегались, но при любых различиях всех объединяло одно – принадлежность к Революции. Это понятие очень глубоко въелось в души всех «старых революционеров».

Во время гражданской, когда ожесточение и кровопролитие доходило до немыслимых, казалось бы, пределов, враждовавшим меж собой левым партиям не полагалось все же казнить «своих», то есть из числа тех же «профессиональных революционеров». Так, чекисты спокойно отправили восво-яси меньшевика Мартова, эсера Чернова, множество иных, менее известных. Сурово карали только тех, кто сам преступал «закон» и проливал «свою» кровь.

То же самое проводили и различные другие левые группы, боровшиеся с большевиками, хотя исключения тут тоже,

разумеется, случались. Словом, революционеры не должны были проливать кровь революционеров, и сколько бы ни случилось тут исключений, высший принцип в общем и целом соблюдался. Поначалу гражданской «старый политкаторжанин» Махно тоже соблюдал «закон», и даже был обласкан большевиками, но вскоре преступил его и тотчас же был, как мы увидим, сам объявлен «вне закона».

...Внезапно грянула Февральская революция, круто развернувшая жизнь России. Она оказалась совершенно неожиданной и для правительства, и для консервативных сил, и для самих революционеров. Вдруг переменялась и судьба политкаторжанина Нестора Махно, который из двадцати восьми лет своей жизни девять провел в тюремных камерах. Дата его победного оставления Бутырок известна совершенно точно: 15 марта 1917 года ².

В Гуляйполе Махно вернулся, как он сам написал в своих воспоминаниях, «спустя три недели после освобождения из тюрьмы». Он, видимо, не очень спешил в родные места, где его ждали мать, братья и друзья. Почему же? Безусловно, убежденный анархо-коммунист, вырвавшись на волю, связался со своими товарищами по движению – Москва и Петроград стали тогда главнейшими их центрами. Где-то здесь и осел сразу после революции наставник Махно Аршинов

² Как известно, так называемый новый стиль был принят по декрету от 26 января 1918 г., в нашей книге все датировки будут приводиться в соответствии с этим календарным рубежом.

(Марин) – революционный чин у него был повыше. Получив от старших товарищей наставления и, по обычаям тех времен, какое-то число анархистских брошюр, Махно наконец выехал на родину – «углублять революцию», как тогда выражались.

Прибыл он в Гуляйполе приблизительно 23 марта и сразу же развернул бурную деятельность. То был уже не юноша-поденщик, угловатый и робкий; он вернулся истинным профессиональным революционером, решительным и властным, он твердо знал, куда и зачем вести за собой народ. Уже 25-го состоялось первое собрание местных анархов, и хоть они, по своей теории, бдци против всяких вождей, Нестор Махно становится их безусловным главой. Основной их общественной опорой стали батраки, рабочие мелких предприятий округа и всевозможная голытьба, «босяки», которые в изобилии наполняли тогда цветущий тот край, но и среднее украинское селянство им тоже тогда сочувствовало. Сам Махно запомнил и рассказал позже, что 28 – 29 марта был избран Комитет крестьянского союза, объединивший подобного рода люд, вожаком которого он стал уверенно и прочно.

Лозунги его были самыми-самыми левыми, «сверхреволюционными». Весной 1917-го только что потянувшийся к политической жизни народ России, неопытный и доверчивый, упивался идеей Учредительного собрания: оно, мол, будет законно избрано, соберется в столице и все по-доброму решит. Махно же с мрачной решительностью, опережая со-

бытия, заявлял: «Учредительное собрание – это картежная игра всех политических партий» (нельзя не признать теперь, своя правда тут была).

Вскоре обнаружилось, что наладить правильный парламент в России было делом трудным, требующим терпения, взаимных уступок, навыков политических соглашений. Но и левые круги, и низы народа, на которые те опирались, ждать не хотели. Махно и ему подобные такие настроения не только выражали, но и подталкивали горячность митинговых толп. Для начала, например, в Гуляйполе разогнали местное земство – этот древнейший орган народного самоуправления, простоявший на Руси века: он был, по мнению левых, «буржуазен», а что его законно избирали местные граждане, так то ведь было при «проклятом царизме». Словом, надлежало все вопросы решать немедленно, прямым волеизъявлением трудящихся, снизу, безо всякого участия государства, как то и завещали пророки анархизма.

Нестор Махно являлся убежденным и стойким анархистом, оставшись таковым до конца дней своих. Но кто же такие эти самые анархисты и что такое анархизм вообще? Современный гражданин России и Украины воспринимает эти явления по кинофильмам и простенькой беллетристике: тут все очевидно – черные знамена, длинные волосы, крутые речи про обобществление имущества и жен. Да, бывало и такое, еще основатель анархизма Михаил Бакунин носил столь замысловатую прическу, что нынешние рок-певцы позави-

довали бы, да и общность жен водилась, и черное полотнище, украшенное зловещими надписями, действительно, есть частая примета анархических организаций и групп.

Но главное, конечно, не в этих внешних проявлениях, далеко не всем участникам движения свойственных. Важно отметить тут другое: с середины прошлого века анархизм сделался вождеденной мечтой всего обездоленного человечества прошлого века, в этом все его обаяние, хотя и оказалось оно бесовским. У истоков русского, а потом и всего международного анархизма обозначились два столпа – родовитые дворяне Бакунин и Кропоткин. Про обоих написано много, восторженного и ругательного, итог жизни их хорошо известен. Оба – талантливые, яркие, необычайно одаренные, но они были словно полюсами, олицетворяя противоречивую природу анархизма.

Первый – истинный революционер, классический в том смысле, что «все дозволено» (для блага народа, разумеется, хотя мнение этого самого народа он не запрашивал, а решал за него). Отсюда и вседозволенность средств: смерть сотни невинных ради какого-нибудь одного врага, подлоги, двурушничество, поклепы и наветы – цель есть самая наивысшая, то есть установление рая на земле, причем немедленно, сегодня.

С другой стороны, Кропоткин, русский князь по рождению, был истинно русским мечтателем-идеалистом, таким политическим Ленским из «Евгения Онегина». Пролитие

крови вызывало в нем ужас, никогда он к тому не призывал и в гнусных заговорах бакунинского типа отродясь не участвовал.

Он словно воплощал собой вековую мечту обездоленных и униженных о всеобщем братстве, о том, чтобы не мытарили людей богатые и сильные, чтобы вообще насилие исчезло.

Испанские анархисты XX столетия, поклонники обоих русских учителей, ввели меж собой знаменательное приветствие: «Салют и бомба». Да, так оно и звучит по-испански, как и по-русски, а сочетание-то смысла слов прямо-таки ужасно: «салют» есть древнелатинское выражение, означающее пожелание человеку здоровья, ну а «бомба» – это на всех европейских языках однозначно. Хорош лозунг – сочетание здоровья и символа массовой смерти! Горячие испанцы словно бы довели до конца противоречивые идеи своих русских прародителей. И кажется, нет более краткого и выразительного определения сути анархизма, чем то, испанское.

Обездоленные и озлобленные социальные низы мечтали о земном рае, а молодые – они всегда торопятся, хотят получить все сразу. Анархизм подкупал их своей прямоотой и простотой планов. В 1917 году Московская федерация анархистских групп выпустила брошюру своего единомышленника В.Гордина «Как мужик попал в страну „Анархия“». Сюжет простоват до убогости, но важен тут финал: жил да был

бедный пахарь, все его унижали, ни в селе, ни в городе не мог добыть он счастья трудом, побежал куда глаза глядят, пришел к реке, перешел ее, а там страна Анархия – нет начальства и властей, всех кормят бесплатно, а всякий трудится по своим способностям, но и без всякой оплаты...

Конечно, нам, выросшим в царстве развитого социализма, хорошо известно, что значит трудиться бесплатно, получая бесплатную же кормежку, говорить о том не станем. Но то – сейчас. А в начале века для тысяч таких бесправных париев, как Нестор Махно, сомнительная эта мечта выглядела желанной и осуществимой.

И еще, что немаловажно для понимания описываемой революционной эпохи. У нас даже в серьезных книгах нередко пишут об анархистах как о «партии». Это грубая ошибка. Они всегда отрицали политическую партийную организацию с ее жестокой подчиненностью, как и государство. Вот почему российские анархисты времен гражданской войны делились на множество самых разнообразных групп, начиная от бомбистов и кончая вегетарианскими проповедниками мирного труда. К сожалению, первых было куда больше и запомнились они в отечественной истории гораздо крепче.

Нестор Махно без остатка погрузился в бушующую стихию революции. Изучение истории, хотя бы тогдашних газет или резолюций бесчисленных митингов, говорит о громадном напряжении тогдашней жизни, она словно бы выплеснулась на улицы. Порой возникает наивная мысль: а как

же тогда воспитывали детей, учились, работали на полях и в цехах? Как-то все же воспитывали и трудились, ибо не всех охватила революционная горячка, но сейчас-то видно, что исполняли важнейшие эти дела очень плохо.

Постепенно, с лета 1917-го, Махно становится приметной личностью на Екатеринославщине. Имея прочную опору в родном Гуляйполе, он уже выступает и действует в таких крупных городах, как Александровск (Запорожье) и Екатеринослав (Днепропетровск). Как и положено истинному анархисту, он выбирает себе кличку – «Скромный» (сам он пояснял в мемуарах: «Мой псевдоним с каторги»). Да, каторжные клички бывают точны и образны! Таким и был Нестор Махно: бескорыстным, честным, лишенным всякого властолюбия (недаром лихой атаман стал подкаблучником своенравной супруги), то есть истинно скромным – прекраснейшее человеческое качество, очень российское, кстати! Так-то оно так, но знамя, под которое судьба затянула Махно, требовало совсем иного: воли и жестокости.

В Гуляйполе сильная группа анархов во главе с Махно, по сути, стала править в местном Совете. Никаких указаний из Центра, то есть от Временного правительства, они не принимали, можно полагать, что с мая месяца это уездное местечко на Екатеринославщине сделалось независимым от Петрограда. По тем временам ничего тут особенного не было, подобных «независимых республик» – от уезда до хутора – наплодилось уже немало: Россия разваливалась. Уже в августе

Махно и его присные проводят в Совете решение о конфискации помещичьих земель – за два месяца до знаменитого декрета Октября.

Ясно, что такая жизненная повседневность требовала от всех ее сознательных участников громадного напряжения сил. Человек прямой и цельный, Махно отдавался делу революционной перекройки мира полностью, но как раз физических-то сил ему было отпущено от рождения немного, а в Бутырках здоровье его, естественно, не укрепилось... От постоянной суетни на людях и митингового перенапряжения у него случались нервные припадки. Он рассказывал в своих мемуарах, как однажды на каком-то митинге чуть не потерял сознание. О его нервной неуравновешенности, доходившей до приступов, намекала мне и Галина Андреевна.

Как бы ни захватывала политика Нестора Махно, он был молод, и романтические переживания не могли не затронуть даже его. Где-то летом 1917-го произошла, как всегда в таких случаях невзначай, встреча его с человеком, ставшим ему единственным спутником на всю жизнь. Полвека спустя Галина Андреевна рассказала об этом так (привожу по записи, где чувствуется ее суховатая точность и сдержанность оценок):

«Летом семнадцатого года я служила учительницей в Гуляйполе, было мне двадцать лет. Я увлекалась тогда, как и многие молодые, учением анархистов. Приходила к ним в помещение, помогала разбирать почту и литературу: многие

были малограмотны. Однажды в комнату, где я работала, вошел Нестор с кем-то еще, его я уже видела. Получилось тесно, я уронила со стола стопку каких-то листовок (или брошюр, не помню). Нестор закричал на меня: „Поднимите сейчас же!“ Я рассердилась на его крик: „Не подниму“.

– Подними, – кричит, – это написано кровью!

– Не подниму.

– Он выхватил пистолет из кобуры, наставил на меня и снова говорит: «Поднимите». Я ни за что не подняла бы тогда. Хлопцы успокоили его, он извинился и вышел из комнаты. Вот так мы познакомились, потом стали изредка встречаться, потом я уехала в Киев...»

Маленькое, доселе никому не известное Гуляйполе постепенно становилось довольно заметным политическим центром на всей многолюдной Левобережной Украине, а признанным его главой – Нестор Махно. То был случай необычный даже в то необычное время! Да, такие малые города, как Кронштадт или Севастополь, тоже гремели наряду со столицами, но причина тут очевидна, как и в случае со скромным Могилевым – тогдашним местопребыванием Ставки. Но чтобы небольшое местечко стало оказывать влияние на огромную Украину... это по любым меркам нечто неожиданное! В чем тут дело?

А в том, что Махно возглавил некое своеобразное политико-национальное движение, хоть и находившееся тогда в младенческом возрасте. Во-первых, здесь вкладыва-

лась, как выразились бы теперь, крайне левая популистская идеология. Главный лозунг такого направления мыслей и чувств выразил знаменитый герой повести Булгакова Шариков: «Взять все, да и поделить...» Увы, идея всеобщего передела и неукоснительного равенства широко бытовала в тогдашней России, а на Екатеринославщине, раздираемой острыми социальными противоречиями, особенно. А тут ба-трацкой неустроенной голытьбе, босякам, бродягам, а также городским и сельским идеалистам, которых в ту пору имелось в изобилии, предлагают столь решительную меру! Да, поделить, действительно, все, а кто против – под корень. Эта мысль многим тогда казалась вполне справедливой и моральной.

И еще. На Украине национальный вопрос приобретал особо острое значение (в отличие от большинства губерний Велikorоссии). В Киеве, Житомире, Виннице и на Волыни начали складываться украинские националисты, развернувшие желто-голубой флаг и лозунг самостийной Украины. Во главе их встал бывший семинарист Симон Петлюра. Движение отличалось резкой враждебностью к другим народам, прежде всего – русофобией и антисемитизмом. Ясно, что это сильно сужало социальную основу петлюровщины, однако им все же удалось в Киеве весной 1917-го создать зыбкое подобие временного правительства Украины – Центральную Раду. Окружение Махно состояло в основном из украинцев, однако высказалось недвусмысленно: уже в июле в Гуляй-

поле на большом митинге была принята резолюция, резко осуждающая Центральную Раду: за буржуазность и национализм. Ясно, что в условиях национальной чересполосицы Екатеринославщины это укрепляло популярность Махно.

К слову сказать, анархистская теория, которую номинально исповедовали батько и его ближайшие соратники, требовала сугубого, истинно космополитизма в самом точном смысле этого слова. В газете петроградских анархов «Буревестник» в ноябре 1917-го недвусмысленно провозглашалось: «Для нас нет вопроса об отечестве, нет вопроса о мире, для нас нет ни России, ни Германии, ни Италии и проч., и проч. Для нас нет ни родины, ни отечеств». Что ж, по крайней мере, откровенно... Трудно сказать, разделял ли Махно эти крайние взгляды, но несомненно, что ни украинского, ни тем паче общероссийского патриотизма он не ведал.

Тут же надо решительно опровергнуть бытующую до сих пор легенду об антисемитском характере махновского движения. Это в корне неверно, а закреплено в общественном сознании популярной когда-то поэмой Багрицкого «Дума про Опанаса». В ней якобы по приказу Махно убивают начальника продотряда по имени Коган, это некоторыми толкуется в духе сугубо национальном. Но характерно, что именно такую фамилию носил как раз заместитель председателя Гуляйпольского совета в годы гражданской войны, убитый деникинцами (об этом свидетельствует Аршинов-Марин). Сохранилось немало воззваний махновского штаба в

разные времена против антисемитизма. О том, что Махно жестоко расправлялся с участниками насилий над евреями подробно рассказала мне Галина Андреевна, причем она и тогда горячо оправдывала суровость тех мер. Вот запись ее рассказа, дата события отсутствует, но речь идет, видимо, о самом разгаре гражданской войны на Украине:

«Остановились мы в Добровеличковке близ станции Помошная (узловой пункт на железной дороге Черкассы – Одесса. – С. С.), еврейское местечко, там меня знали, пришел один еврей, сказал, что махновцы грабят евреев. Я бросилась к Нестору, сказала, что надо прекратить; он сказал: да, надо немедленно. Верхом поехали Петренко (один из махновских атаманов. – С. С), Махно и я. Действительно, бойцы собирали одежду, в том числе женскую, варенье какое-то, которое один из бойцов жадно ел из банки. Некоторых тут же разложили и выпороли. Помню, Петренко отчитывает какого-то бойца, говорит мне: «Ну, что же с ним, Галина, делать?» Я говорю: «Стреляй, раз он ничего не понимает». Петренко и застрелил его. Потом был устроен митинг».

Примеров подобного рода множество, в том числе и в опубликованных источниках, но отметим еще одно весьма существенное обстоятельство: «идейные анархисты» из ближайшего окружения атамана в большинстве своем состояли из евреев (имена их будут названы по ходу развития нашего сюжета). Коммунист с Украины М. Равич-Черкасский еще

в 1920-м прямо заявил, что «отрядам Махно чужды всякие шовинистические настроения»; здесь ему можно поверить.

Октябрьский переворот 1917-го (позже его стали именовать Великой Октябрьской социалистической революцией) вызвал в Гуляйполе – среди окружения Нестора Махно – восторг и одобрение. Тому есть множество свидетельств, но вот важнейшее, продиктованное самим вождем махновщины для первого тома воспоминаний: «Я утверждаю из жизненного опыта районов, за которыми я серьезно следил, что в первые два месяца – именно ноябрь и декабрь – торжество Октябрьского переворота в России украинскими тружениками на местах было только приветствовано». Высказывание исключительно важное и безусловно достоверное, здесь требуются пояснения.

Действительно, приход к власти правительства, сформированного из большевиков и левых эсеров в Смольном 26 октября, поддержали многие крайне революционные группировки-, в том числе и анархистские. Им казалось, что теперь-то и начнется, во-первых, полное всевластие трудящихся на местах, а во-вторых – беспощадная борьба с «эксплуататорами». Сразу после Октября последнее осуществлялось очевидно и бесспорно: захват банков и помещичьих имений (сопровождавшийся порой бессмысленным расхищением ценностей), погром хуторских хозяйств («кулаков») и магазинов, лавок, товарных складов – всего не перечислишь. Что же касается первого, а именно передачи всей власти на

местах трудящимся, то, окрепнув, большевистское руководство Совнаркома не стало тут спешить. Но это – дело будущего, хоть и ближайшего, а пока анархо-коммунист Махно и его товарищи были всецело за Октябрь.

Полвека спустя Мао Цзэдун скажет: «Винтовка рождает власть». Неученый сирота Нестор Махно в политических афоризмах был не силен, но лучше нельзя выразить суть той линии, которую он нащупал своим революционным чутьем. Точных данных не сохранилось, но безусловно, что уже на исходе лета 1917-го Махно создал в Гуляйполе вооруженные отряды. Это было полностью незаконно, но кто же слушал тогда полупарализованное Временное правительство? Легко можно назвать составляющие этих еще зыбких вооруженных сил: молодые хлопцы из социальных низов Екатеринославщины, горячо почитавшие своего вождя за славное революционное прошлое и решительность намерений и планов.

В декабре 1917-го на съезде Советов в Гуляйполе Махно был избран на губернский съезд в Екатеринославе. Там он впервые познакомился с молодыми большевиками, впоследствии весьма известными: Эммануилом Квирином, одним из руководителей Украины, и Яковом Эпштейном (Яковлевым) – будущим вершителем жуткой коллективизации в СССР. Украинские националисты, осевшие тогда в Киеве, тоже создавали вооруженные отряды своих «сичевых стрелцов», боролись с большевистским правительством за гегемонию на Украине. Махно решительно поддержал большеви-

ков: уже в январе 1918-го его нестройное воинство выступило против Центральной Рады – вместе с такими же пестрыми отрядами большевиков, левых эсеров и прочих левых.

С начала 1918-го кровавые вакханалии все шире и шире разливались по «всей Руси великой». Убийство человека, да чего там – десятков, сотен людей, свершалось среди бела дня, сперва в истерической взвинченности (дело все же непривычное для «исполнителей» – стрелять в безоружных), а вскоре стало будничной работой. Ужасающая трагедия миллионов людей тех лет еще ждет своей «Капитанской дочки» и «Войны и мира». Сейчас судить вроде бы просто: «Кровавый Махно»... Но сколько в эту простецкую формулу можно подставить других имен?...

Объективное наблюдение над историей гражданской войны таково: кровь лилась повсюду, от Прибалтики до Камчатки. Но, как всегда в жизни, имелись отличия и переливы. Ну, например, все области одиннадцати казачьих войск подверглись со стороны советской власти подлинному геноциду, а с другой стороны – относительно мало пострадали ряд центральных губерний Великороссии: Вологодская, Владимирская, Нижегородская и несколько прочих соседних – там не наблюдалось ни восстаний, ни резни и прочего подобного не происходило. Разные были тут обстоятельства, но среди них немаловажным стало одно существенное – однородный национальный состав населения. Да, на все обстоятельства имеются свои причины, и они объяснимы, но для нашей те-

мы главное вот в чем: кровища, которую враждующие силы сотворили на Украине, была поистине безмерной, и хоть до сих пор нет никаких достоверных подсчетов, да и трудно их теперь провести, но нет сомнений, что страшный тот счет пришлось бы вести на миллионы.

Махно во всех видах «революционного насилия», как это одобрительно оценивалось в его среде, принимал самое страстное участие. Скупые свидетельства сообщают о легкости расстрелов, которые производились его хлопцами, да и им самим тоже, как на железных дорогах разоружали и отнимали имущество у бегущих с фронта казачьих частей, как «конфисковывали» ценности в банках, как убили в Гуляйполе местного лидера украинских националистов... Случаи такие были бессчетны, а имена жертв никем не учитывались и не записывались, не до того было...

Напомним, что на западных границах России уже четвертый год велась ожесточенная война с Германией и Австро-Венгрией. В конце 1917-го русская армия начала распадаться, солдаты бежали в тыл, сперва в одиночку или группами, потом толпами или даже целыми частями. Германская военщина не преминула воспользоваться легкой и богатой добычей: 18 февраля 1918 года австро-германские войска начали наступление по всему фронту – от Риги до Бессарабии. И вот с началом весны Гуляйполе, отстоявшее за тысячу верст от фронта, оказалось перед нашествием внешнего врага.

В левых политических партиях и группах произошел тогда великий раскол. Ленин и другие политики-практики не побоялись пойти на уступки «проклятому кайзеру» – пусть, мол, временно поживится, а мы пока укрепим власть в России, потом посмотрим... Решение это нарушало основные нормы классической социал-демократии, но ведь Ленин совсем недавно уже назвал социал-демократию «грязным белым», которое необходимо сбросить. Иное дело – левые политические романтики, от Бухарина до Махно. Как, пойти на уступки кайзеру?! Нет, лучше умереть... (Заметим, однако, что Бухарин и ему подобные головы свои под пули не подставляли, а вот Махно и множеству иных, «простых», эта возможность вскоре представилась.)

Различные левые группы на Украине попытались было начать «революционную войну» с оккупантами, отряд махновских анархистов в том числе. Но куда там! Разве могли эти плохо управляемые и кое-как вооруженные толпы задержать продвижение регулярных германских боевых частей? И еще немаловажно: весной 1918-го большинство украинских крестьян встретили приход чужеземных войск вполне бесстрашно. Об этом единодушно свидетельствовали все тогдашние наблюдатели: люди измучились от потрясений, которым не виделось конца, а от немцев поначалу ничего худого не ждали.

Перед Махно возник вопрос, который впоследствии жизнь поставила перед ним еще не раз: отступить вместе

со своим отрядом или остаться в родных местах? Большинство вооруженных сторонников «революционной войны» отошли с Украины, и довольно далеко – аж до Царицына. И вот здесь-то и определился характер социальной стратегии Нестора Махно: он остался с народом, которому он хотел служить и на который опирался: то были бедные селяне Екатеринославщины, ремесленники, всякого рода голытьба и босяки, пришлые и бродяги, солдаты

и матросы распавшейся русской армии, застрявшие вдали от родного дома, но с винтовкой и патронами. Слой этот многочислен и полон боевой решительности, Махно было тут на кого надеяться...

Бойцы махновского отряда разошлись по домам, а ему самому пришлось скрыться. Немцы создали марионеточное «правительство» Украины во главе с бывшим генералом армии Павлом Скоропадским – его «избрали» на подставном «съезде хлеборобов» в Киеве 26 апреля. Оккупанты помогли создать ему даже кое-какие военно-полицейские силы – «варту». Политика оккупантов была прямолинейно грабительской – везти хлеб в голодные Берлин и Вену. «Политика» Скоропадского – и того проще: сохранить все старое, в том числе и помещичье землевладение. Вот тут-то украинские селяне зачесали затылки и вспомнили о своих прежних заступниках, включая лихого Нестора.

Но Махно не спешил, проявляя несомненную здравую осмотрительность. Оккупационный режим был тогда отно-

сительно мягким, пересечь «границу» с Советской Россией не представляло большого труда. С решительностью, всегда ему присущей, Нестор отправился в Москву, столицу Советской России, где заседало еще двухпартийное правительство из большевиков и левых эсеров. В опасный путь Махно отправился, само собой, конспиративно, используя разветвленную сеть анархистских явок.

Аршинов-Марин четко свидетельствует: Махно находился в Москве в июне 1918 года. Подробности его пребывания в красной столице есть только в одном источнике – его собственных воспоминаниях. Они опубликованы в Париже два года спустя после кончины автора: «Под ударами контрреволюции. Т. П. Апрель-июнь 1918 г.». Книга издана неряшливо и небрежно. Кто за него писал – не ясно. И хотя Галина Андреевна заверяла, что у мужа до конца дней сохранялась «прекрасная память», доверять такому посмертному изданию следует все же очень осторожно. Дат в его воспоминаниях нет, ссылок на документы тоже, однако общий исторический контекст свидетельствует в пользу Аршинова: Махно побывал в Москве именно в июне, то есть до левоэсеровского мятежа и тем паче до покушения на Ленина и начала «красного террора», когда политическая обстановка в Советской России резко обострилась. Иначе плохо бы ему там пришлось...

Махно подробно описывает свои посещения Кремля и беседы с Лениным и Свердловым. Несмотря на попытки пере-

дачи прямых диалогов, что вообще чрезвычайно сложно в мемуаристике, в тексте книги есть множество иных обстоятельств, вызывающих некоторые сомнения. Скажем, у Махно якобы не спрашивали никаких документов и ручательств, даже именем и партийностью не интересовались, допуская к руководителям Советского государства, которые доверчивостью никак не отличались. Можно заключить, что Ленин и Свердлов действительно интересовались сведениями очевидца о положении на оккупированной Украине, причем в ее сельской глубинке, но, как видно из простоватой книжечки, ничего существенного посланцу не сказали и своими планами, по сути, не поделились.

Это похоже на правду. Махно жил в Москве у старых знакомых анархов. ВЧК тогда уже пристально следила за нами, поэтому конспирация Махно могла выглядеть просто наивной. Но, как известно, любые союзники полезны, а лихой Нестор мог вполне пригодиться большевикам против кайзера и белогвардейцев – почему бы не обласкать его и не заверить? Видимо, Махно не лгал на склоне лет своих, и описанные встречи действительно произошли, но советские источники о том глухо умалчивают, поэтому всему данному сюжету придется давать сдержанную оценку. Конечно, соблазнительно цитировать его пространные беседы с вождями большевиков (что уже делается в нашей печати желтоватого оттенка), но мы этим заниматься не станем.

Ясно, что какие-то переговоры Махно одновременно вел

в Москве и с анархистами разных толков; исходя из дальнейшего течения событий можно уверенно предположить, что связи эти остались крепкими, но главное все же в том: он был прежде всего практиком, а реальная жизнь призывала его на родину, где вся Украина бурлила, а трудящиеся томились в поисках разрешения своих бед. Известно, что в июле Махно возвратился в Гуляйполе, причем так же тайно, как недавно покинул его.

* * *

Революционное время – быстрое очень. За недолгое вроде бы отсутствие Махно летом 1918-го обстановка в его родных местах и окрест резко переменилась. Во-первых, исчезли надежды в отношении оккупантов – те нагло и беззастенчиво грабили хлебородную Украину. Во-вторых, потомок древнего украинского дворянского рода Скоропадский безоговорочно доказал свою преданность чужеземным грабителям. Селяне начали доставать припрятанное оружие, стихийно стали образовываться мелкие вооруженные отряды. Как всегда в подобных случаях, нужен был вожак, атаман – смелый и популярный. Тут-то и выкинул свое революционное черное знамя Нестор Махно.

На Екатеринославщине не было и нет ни гор, ни лесов,

ни болот – классических обиталищ для партизанских войск. Однако Махно природным чутьем опять нашел выход, как в таких вроде бы невыгодных условиях бороться с регулярными армейскими частями, будь то германцы, белые или красные. Сутью его тактики стали подвижность, стремительность и неожиданность действий, в этом смысле Махно оказался истинно гениальным партизанским военачальником.

В Гуляйполе он легко и быстро нашел себе сподвижников: командирами стали его земляки, друзья, а в рядовых недостатка не было, множество хлопцев горело жадой бороться с угнетателями. На исходе жаркого украинского лета Нестор возглавил небольшой, кое-как вооруженный отряд, но цели у него были весьма решительны: бороться не только с оккупантами и их прислужниками, но и разом решить наболевшие общественные вопросы – освободить всех трудящихся от всякого гнета, создать царство справедливости и мира без всяких там властей предержажших. Призыв яркий и горячий, люди охотно на него откликались (потом, правда, довольно быстро приходило разочарование, но... это потом).

Отметим, что на юге Украины в ту пору среди оккупантов преобладали не германские, а австро-венгерские войска, последние же состояли по большей части из чехов, словаков, поляков, венгров и иных народов, которые совсем не желали умирать за империю Габсбургов. Значит, и службу они несли кое-как, и сражались соответственно (вспомним тут «Бравого солдата Швейка»). Воевать с таким противником

плохо вооруженному отряду Махно было относительно легко. Еще легче – со слабыми частями «варты» незадачливого гетмана, те вообще готовы были сдаться при первом выстреле. Естественно, это облегчало военные операции махновского отряда, но никак не принижало решительность и смелость его командира. Он понимал или чувствовал: для подъема духа бойцов отряда нужны успехи, хоть бы и незначительные. И вот нападают на сохранившиеся еще помещичьи имения, убивают хозяев и прислугу, не щадят и членов семей, а имущество и скот делят среди окрестных селян. Слава гремит окрест...

Дальше – больше, пришел боевой опыт и уверенность в себе. Разоружают жалкие отряды «варты», а кое-кого и пускают «в расход» – боремся, мол, с угнетателями трудового народа... В конце лета 1918-го года стало ясно, что австро-германский блок вот-вот потерпит поражение: хиреют регулярные войска, смелее и удачливее делаются партизаны. Никаких тут точных сведений нет, есть множество пошловатых легенд. Но есть один примечательный факт, описанный в достоверном источнике. В августе махновцы окружили отставший австрийский отряд, те особенно уж сражаться не стали, сдались. Победа Махно по тем меркам была впечатляющей: взят ценнейший трофей – пулеметы, а также 83 пленных солдата. Махно поступил тут как истый народный вожак: солдат обезоружил, но всех отпустил, более того – каждому дали по 50 рублей и бутылку водки (источник тут

чуть грешит, водка в России не производилась с 14-го года, речь шла, видимо, о самогоне).

5 октября 1918 года Германия, разбитая на Западном фронте, запросила у Антанты перемирия. Немного позже капитулировала и Австро-Венгрия. Части германо-австрийской армии на Украине стремительно покатались на Запад, теряя порядок и воинскую дисциплину. Теперь солдаты из недавних оккупантов превратились в толпы беглецов, желающих только одного – поскорее добраться до родины. Тут Махно и его отряды сумели хорошо использовать благоприятную обстановку.

Уже тогда тридцатилетнего Нестора стали называть уважительным званием «батько», а он с конца 1918-го именно этим титулом начал подписывать свои многочисленные приказы и воззвания. По позднейшим данным ГПУ Украины, отряд его насчитывал тогда около 400 человек, но это было ядро, гвардия, из которой вскоре развернулась многотысячная армия. Подчеркнем иное: вокруг Махно сложился круг его ближайших соратников, разделивших с ним судьбу до конца. Всех их следует назвать, источник тут имеется достоверный.

В берлинском издании книги Аршинова-Марина приведен список 28 махновских командиров, некоторые даже с минимальными биографическими подробностями и характеристиками. Здесь мы перечислим двенадцать из них – самых боевых и известных. Перечислим их в той прихотливой

последовательности, которая указана в источнике.

Семен Каретник (иногда в литературе его упоминают как Каретников) – батрак из Гуляйполя, анархо-коммунист, образование начальное, расстрелян в Мелитополе красными в 1920 году.

Марченко – крестьянин с Гуляйполя, анархо-коммунист с 1907 года, образование начальное, убит красными в январе 1921 года в Полтавской губернии.

Григорий Василевский – крестьянин с Гуляйполя, образование начальное, убит красными в Киевской губернии в декабре 1920 года.

Б. Веретенников – крестьянин с Гуляйполя, потом рабочий в Петербурге, эсер, с 1918-го анархо-коммунист, в июле 1919-го убит белыми.

Петр Гавриленко – крестьянин с Гуляйполя, анархо-коммунист с 1905 – 1907 годов, расстрелян красными в Мелитополе в 1920 году.

Василий Куриленко – крестьянин села Новоспасовки, образование начальное, убит красными летом 1921 года.

Виктор Белаш – крестьянин села Новоспасовки, анархист, взят в плен красными в 1921 году.

Калашников – образование низшее (городское училище), прапорщик мировой войны, с 1917-го секретарь организации анархистов в Гуляйполе, убит красными в бою летом 1920 года.

Михалев-Павленко – крестьянин из Великороссии, в Гу-

ляйполе с начала 1919-го, у махновцев занимался саперными работами, расстрелян красными 17 июня 1919 года.

Щусь – крестьянин села Б. Михайловка, бывший матрос, в июне 1921-го убит красными в Полтавской губернии.

Иван и Александр Лепетечко (как уточняла настойчиво Галина Андреевна, правильное произношение их фамилии Лепетченко) – крестьяне с Гуляйполя, анархисты, Александр расстрелян красными в июне 1920 года в Гуляйполе.

Большинство из этих махновских атаманов еще не раз будут помянуты в нашей книге, но здесь следует сделать некоторые важные обобщения. Прежде всего, как отчетливо видно, ближайшее окружение Махно состояло из его земляков. Заметим, что это обычная примета социально-национальной группы крайнего толка, так или иначе связанного с насилием (тут вспомним известного «Крестного отца» – социальное там определялось противозаконной деятельностью гангстерского синдиката, а вербовался он по национальному признаку – эмигранты из Сицилии, перебравшиеся в Америку). Махно как вождь революционной группы, поставивший себе и присным решительные и опасные задачи, тоже должен был подбирать в число приближенных людей исключительно доверенных, «своих». Вот отчего десять из двенадцати атаманов – его земляки. Подчинялись они своему «батько» беспрекословно, а ведь известно, что Куриленко, Щусь и некоторые иные сами ранее были вожаками независимых партизанских отрядов; без колебаний слились с Махно и остались

верными ему до конца – важнейший показатель авторитета главы повстанческого движения.

Второе: низкий образовательный уровень их (включая, разумеется, самого Махно). Это общая примета всех народных вожаков времен гражданской войны, назовем тут разных: Чапаев, Буденный, Думенко, Петриченко, Григорьев, Антонов – список можно продолжать. Только «своим» покорялись народные низы, в особенности – молодежь из низов, вовлеченная в гражданскую войну. «Чужим» не доверяли, будь то деникинские офицеры или красные комиссары.

Третье: среди названных двенадцати по крайней мере восемь принадлежали к анархам. Ясно, что все они (исключая, видимо, самого Махно) Бакунина и Кропоткина не читали, в глаза их сочинений не видели, но... простым своим умом неуклонно верили в благость уравнительного социализма, умереть готовы были за него (что и произошло).

И четвертое, последнее: десять из двенадцати погибли в боях с красными и белыми или были казнены (расстреляны по обычаям того времени). Двое – Белаш и Иван Лепетченко – были взяты в плен красными, о судьбе их – позже. Итак, выражаясь военно-историческим языком, былые потери составили среди них сто процентов. Чудовищная величина.

С осени 1918 года батько Махно во главе своей армии, состоявшей из бедняцкой молодежи с немалой примесью бывших солдат и матросов, разбросанных тогда тысячами по всей России, начал войну за «освобождение трудового на-

рода». Прежде всего запаслись оружием и воинским снаряжением у отступающих австро-германских частей: иногда отбирали силой, иногда покупали или выменивали, чаще просто-напросто подбирали брошенное. Отряд стремительное разбухал, начались попытки создания каких-то воинских подразделений – сотен, рот, пулеметных команд, даже захваченные пушки сводили в нечто похожее на батареи. Сколько насчитывало то нестройное воинство – никто никогда не узнает, ибо и тогда не знал никто, включая самого Махно: даже подобия штаба у него тогда не имелось. Однако, по прикидкам свидетелей, вооруженные махновцы исчислялись на исходе 1918-го уже тысячами.

Общеполитическая обстановка на Левобережной Украине была в ту пору невероятно запутанной. С юго-востока действовали регулярные армии донских казаков и белогвардейцев в общем направлении Ростов – Донбасс, но они были пока слабы и отбивались от наступающих с Харькова советских войск. С запада, из-за Днепра, наступали разрозненные отряды петлюровцев – украинских националистов. А на многолюдной Екатеринославщине царила полная неразбериха, сопровождавшаяся насилием-

ми и погромами всех и вся. Единственной крупной силой там стали отряды Махно. Он сделал правильный вывод в отношении той общественной силы, на которую опирался: петлюровцы – враги, они несут на своих штыках капитализм и национальное чванство. «Армия» Махно, похожая

на огромный цыганский табор, двинулась к левому берегу Днепра, имея целью Екатеринослав. В ту пору это был индустриальный центр с населением в 217 тысяч человек – по тем временам один из крупнейших городов тогдашней России, а Украины – тем паче.

Накануне Екатеринослав быстрым налетом заняли петлюровцы – они были малочисленны, но относительно хорошо сплочены и организованы. Население города встретило их весьма враждебно. Все левые организации города объединились и подняли восстание против непрошенных самостийников – случилось это 26 декабря. Повстанческий комитет, включавший и большевиков, связался с махновцами, прося о помощи. Кстати, в комитете по тому поводу возникали примечательные споры, раздавались голоса, что Махно следует считать «простым разбойником», но... порой союзников не приходится выбирать. Утром следующего дня махновские авангарды под видом рабочего поезда переехали железнодорожный мост через широкий Днепр, смяли петлюровские слабые заслоны, захватили вокзал, а затем и весь город. Здесь впервые выявилась боевая тактика батько Махно: недостаток сил и воинского порядка он восполнял отчаянной смелостью и решительностью действий.

Но недолго радовались освобожденные от петлюровцев граждане Екатеринослава. Лихие хлопцы, составляющие махновское воинство, понятия не имели о дисциплине, слова такого не знали, но уже отлично усвоили, что такое есть

«буржуазия», а с ней надо обращаться... понятно как. Начались грабежи, нелепые и жестокие расправы. Ужасом веет от сохранившихся воспоминаний. Махно и его присные менее всего имели к этому отношение, носились по городу с маузерами, но «армия» превратилась в сборище вооруженного сброда. Пристрелили несколько громил, но это уже ничего не решало. Один екатеринос-лавский интеллигент записал тогда примечательные слова некоего рядового махновца: «Махно каждому позволяет взять по одной паре всего, сколько нужно на себе носить. А кто возьмет больше, так расстреливает». Какая замечательная картинка к писаниям Бакунина! Как часто радикальные теории о переустройстве мира оборачиваются подобной практикой!

Личный авторитет Махно тем не менее сохранялся, и ревком, включая большевиков и эсеров, сделал его командующим всеми войсками Екатеринославщины. Сохранилось впечатляющее описание свиты Махно, составленное очевидцем: «Все они одеты в самые живописные костюмы, здесь и черкесская бурка с чекменями, и казацкая папаха, и штатская шуба, и матросская куртка». Разумеется, создать какое-либо даже примерное сходство с регулярной армией Махно и его атаманам не удалось. Случилось неизбежное: через несколько дней петлюровский полковник Самокиш с небольшими силами взял Екатеринослав, вновь с налета, причем махновские отряды бежали в полном расстройстве, увлекая за собой подразделения других партий и групп.

Поражение, казалось бы, не только полное, но и постыдное, однако... В период общественного возбуждения, доходящего до истерии, репутации политических вожаков порой остаются весьма устойчивыми: сторонники и поклонники верят, что называется, «вопреки всему»: все неудачи и обличения есть происки врагов, чего с них взять, зачем верить... Репутация Махно как боевого народного командира несколько не пострадала, напротив, зимой 1918 – 1919 годов он стремительно наращивает свое воинство, формирует уже полки, создает конные части, появляются и знаменитые в нашей истории тачанки. Вот здесь необходимо опять остановиться для кратких пояснений.

Тачанки времен гражданской войны у нас широко описаны в беллетристике, отсняты в кино, изваяны в многочисленных памятниках. Как в популярной когда-то песне: «С налета, с поворота по цепи врагов густой застрочил из пулемета пулеметчик молодой...» Не желая никого обидеть – ни создателей, ни поклонников этой легенды, – придется хладнокровно сказать: в реальной боевой обстановке той поры только умалишенный мог выехать на тройке в чисто поле и «с налета, с поворота» открыть пулеметный огонь по вооруженному противнику. Попробуем спокойно представить: вражеская цепь (даже не очень «густая») заляжет и начнет палить из винтовок, а тогда из них можно было вести прицельную стрельбу до двух с половиной километров, сохраняя убойную силу пули. Ясно, что попасть в столь крупную цель, как

повозка с несколькими людьми и лошадьми, да еще на открытом пространстве, дело-пустяк. Теперь вообразим ранение одной из лошадей: она начинает биться в упряжке – ни стрелять, ни уехать...

Спрашивается, а были вообще тачанки? Конечно, и у махновцев, и у красных, у всех, но для чего? А для того лишь, чтобы на равнинной местности (в северных, лесных и горных районах тачанки не использовались) быстро доставлять пулеметы к месту боя, там команда снимала пулемет, ставила его на более или менее выгодную позицию, а повозка, то есть сама тачанка, немедленно отходила в укрытие. Именно так махновские командиры и применяли тачанки, причем не только для переброски пулеметов, но и пехотинцев. Маневр, отвага, решительность – вот тактика Нестора Махно и его партизанской армии; несомненно, что создание подобной тактики – именно его личная заслуга.

23 января 1919 года махновские отряды выбили петлюровцев из Александровска – значительного промышленного и транспортного центра на Левобережье. Примерно в то же время махновцы вышли на юге к Азовскому морю, заняв небольшие городки Бердянск и Мариуполь. Итак, с петлюровцами и белогвардейцами у них шла непримиримая борьба, но с красными поначалу сложились мирные, даже союзнические отношения. 27 января дивизия Красной Армии под командованием знаменитого матроса Дыбенко заняла Екатеринослав. Впервые махновские и большевистские ре-

гулярные вооруженные силы сошлись. Встреча оказалась самой радушной, даже братской – понятно, с обеих сторон трудовая молодежь сражалась, как ей казалось, за вечное царство социальной справедливости против «старого мира». Но то шло лишь снизу, большевистские и махновские верхи имели свои виды, а с этим лишь вынуждены были считаться.

Ну, тут все просто: Ленин и его партия не терпели никаких политических соперников, даже половинчатых левых эсеров распылили и отправили в небытие, еще в начале 1918-го разгромили в Москве центры буйных анархистов – Махно знал о том хорошо, но стерпел, ибо те действительно вели себя дико и разнузданно. Но и сам Махно, и его окружение тоже не желали подчиняться коммунистам: они сами почувствовали прелесть винтовки, которая рождает власть, а во-вторых – имелись твердые обоснования в старой анархистской теории, не признававшей власти никакого государства (тем паче такого жесткого, как Советское). Ясно, что союз был непрочен, но давлением снизу он был скреплен: в феврале махновское ополчение преобразовалось в третью бригаду советской Заднепровской дивизии (комдив – тот же Дыбенко), решая общую цель – борьбу с белогвардейцами, которые, окрепнув, начали тогда наступление по линии Ростов – Донбасс. Словом, обе стороны примирял пока общий враг – белая гвардия, пытавшаяся восстановить былую Россию, однако нож за голенищем держали и те, и другие...

В феврале – марте махновская «бригада» (назвать ее ре-

гулярной армейской частью все же нельзя) выдвигается на рубеж Мариуполь – Волноваха и держит общий с красными фронт против деникинцев (пока еще слабых); участок был второстепенный, но протяженный: от Азовского моря до важного транспортного узла на Южной Украине. Тогдашний главком красного Украинского фронта Антонов-Овсеенко нацеливал войска Махно на Таганрог – ближайший подступ к Ростову, опорному центру белых армий на Юге России.

О делах Махно той поры сохранилось интересное свидетельство: воспоминания бывшего анархиста, а потом большевика Степана Дыбеца, записанные в 1935 году. Приводим небольшой отрывок:

«Примерно в январе или в первых числах февраля 1919 года у белогвардейцев в Бердянске началась паника. Они принялись грузиться на пароходы. Пулеметы трещат по всему городу, а они срочно грузятся с имуществом и лошадьми. И уходят в неизвестном направлении, оставив город совершенно без власти.

Пока пулеметы трещали, мы собрали за городом фракцию, то есть главным образом рабочих, о которых мы знали, что они, как говорится, большевистски настроены. На собрании постановили, что, как только последний пароход отойдет, нужно хватать власть и создать ревком. Делегаты в ревком выбирались на заводах. Наш заводик делегировал меня...

Примерно через неделю после того, как 'мы провозгласили власть ревкома, к городу подошли махновские отряды. Нестор Махно тогда был в такой ипостаси: командир третьей советской крымской бригады имени батько Махно. Нам ничего другого не оставалось, как его приветствовать: все же советские войска.

Каков он был из себя? Ну, что сказать? Был среднего роста. Носил длинные волосы, какую-то военную фуражку. Владел прекрасно всеми видами оружия. Хорошо знал винтовку, отлично владел саблей. Метко стрелял из маузера и нагана. Из пушки мог стрелять. Это импонировало всем его приближенным – сам батько Махно стреляет из пушки...

Здесь надобно сказать, что Бердянск отличался от других городишек тем, что там подвалы были полны вина. Махновская бригада вошла к вечеру, а наутро мы увидели, что если армия постоит в городе еще два-три дня, то никакой армии не останется – просто перепьются.

Наутро, когда мы в ревкоме получили сведения о том, что делается в городе, я связался с махновцами и сказал, что мне нужно поговорить с Махно. Махно явился. Другие большевики, члены ревкома, как-то меньше с ним имели дело, а мне по наследству, как бывшему анархисту, главным образом и приходилось вести с ним переговоры. Я ему сказал:

– Ты войсками город занял зря. Если хочешь спасти свои войска, надо их немедленно выводить на фронт. А город будет вас снабжать обмундированием, продовольствием. В

пределах возможности поможем. Судя по сводке, которую я имею, твоя армия перепилась вдребезги. А присосавшись к вину, она не уйдет, пока все не высосет. Однако вина здесь столько, что твоя бригада будет пить целые месяцы.

Махно мне ответил, что в таких советах не нуждается. Сегодня его приказом будет назначен комендант города. Этому коменданту мы обязаны подчиняться, ибо когда армия занимает город, то все учреждения подчиняются армии, город переходит на военное положение.

Я ему заявил, что мы на это не пойдем, что мы собственными силами гарантируем здесь порядок.

– Мы не возражаем насчет коменданта, однако и у ревкома есть свои права. Если желаешь, будем об этом договариваться...

К вечеру Махно действительно вновь к нам приехал. Мы выступили с нашей декларацией. Он заявил, что ему такая декларация ни к чему. Он человек военный и признает только военную власть.

– Эдак не пойдет. Тогда арестуй нас сразу. Город мы не уступим никому. Тем более что надо насаждать советскую власть в селах. Что же, ты и в селах будешь военную власть организовывать, туда ставить комендантов? Смотри, тебе это невыгодно.

Такие аргументы на него подействовали, он пошел, что называется, на попятный:

– Да, зерно и фураж уездная власть должна нам дать. По-

этому, черт с вами, оставайтесь, будете нас снабжать. И надо найти контакт.

Было ясно, что ссоре с нами он предпочел компромисс...

Думается, Махно, обладал недюжинными природными задатками. Но не развил их. И не понимал, какова его ответственность. Ему льстило, что вокруг него собралась такая большая армия. Но что делать завтра – этого он себе не представлял.

Предотвратить грабежи, которыми то и дело занималась его армия, тем самым отталкивая от него крестьянство, он был не в силах. Иногда он карал грабителей, расстреливал десяток-другой своих приближенных, но затем опять давал волю стихии, поднявшей его на гребень, и грабежи возобновлялись. Он не мог систематически с этим бороться, будучи противником организованности.

Никак не удавалось превратить бригаду батько Махно в регулярную воинскую часть. Надо сказать, что вся эта бригада имела весьма своеобразное строение. Ни полков, ни батальонов в ней не имелось. Были отряды. Отряд такого-то, отряд такого-то. При этом численность отрядов все время менялась.

Если, скажем, в отряде Щуся насчитывалось, по его словам, две тысячи человек, то, когда мы пошли проверять, оказалось, что сегодня в отряде налицо триста бойцов, завтра – пятьсот. Спрашиваем:

– Откуда появились двести человек, которых вчера не бы-

ло?

– Подошли из деревни.

– А куда девались остальные? Ведь у вас числится две тысячи.

– Ушли в деревню.

Более или менее постоянное ядро в этих отрядах состояло из командира и его штаба, а все остальное – текучий состав. Как набиралась эта армия? Объезжая уезд, я однажды в каком-то селе стал свидетелем следующей сцены. Пожилая крестьянка срамит парня, своего сына:

– Ты же ни черта не делаешь, да и делать сейчас по хозяйству нечего. Шел бы к Махно. Посмотри на ребят из нашего села. Вот Николай, вот Иван Федорович пробыли у Махно три месяца, привезли по три шубы, пригнали по Паре лошадей».

С весны 1919-го Махно и его сторонники и сподвижники оказались у власти во главе громадного и густонаселенного пространства Восточной Украины – от Днепровских порогов до Донбасса. В этом обширном районе тогда не признавалось никакой центральной власти – ни Советского правительства в Москве, ни Советского правительства в Киеве. Последним тогда руководил Христиан Раковский, «профессиональный революционер», так сказать, «международного класса». Довелось ему поработать на ниве революции в Болгарии, Румынии, Швейцарии, Германии, Франции, в начале 1918-го он оказался на Украине и тут же стал во главе

Верховной коллегии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК то есть); кто его туда поставил, почему, как – до сих пор точно не известно. С 1919-го сделался председателем украинского Совнаркома, премьер-министром, значит. Как свидетельствуют очевидцы, говорил с сильным акцентом, а украинским языком вообще не владел. Такой вот был тогда «премьер» Советской Украины.

Премьеру подобрали соответствующего «военного министра» – печально известный в нашей недавней истории Антонов-Овсеенко. По тем временам не очень уж молодой (35 лет), он тоже был из «профессиональных», в 1906-м приговорен к каторге, но легко бежал, долго жил во Франции. Прославился тем, что стал одним из руководителей взятия Зимнего дворца в октябре 1917-го (по сути-то, командовали Дзержинский, Свердлов, Сталин и иные, благоразумно державшиеся в тени). Настоящая фамилия его была Овсеенко, родился в Чернигове в семье младшего офицера, но с младенческих пор на Украине никогда не жил.

Однако в конце 1918 года прибыл из Москвы сюда именно из-за своей украинской фамилии («Антонов» – псевдоним, один из многих). Приехал по поручению Льва Троцкого, чьим яростным поклонником долго был, пока того не свергли (позже боролся со своими же прежними товарищами). Никаких военно-стратегических дарований за главкомом Советской Украины не обнаружилось, но жестокость он проявлял истинно троцкистскую, помноженную на полное

презрение к национальным, историческим и религиозным чувствам людей, среди которых ему довелось тогда «работать».

Итак, мы представили «премьера» тогдашней Советской Украины и его военного министра; не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что почти весь «кабинет» правительства в Харькове состоял из людей подобного порядка, патриотизмом – украинским ли, общероссийским – там не пахло. Ясно, что политика была соответствующей. Не зная и не воспринимая чаяний украинских селян, Раковский и его присные не разрешали передел помещичьих земель – по сути, как и при Скоропадском, но тот исходил из замшелой дворянской идеологии, а эти – от примитивно понятой марксистской: крупное-де производство предпочтительнее мелкого, всегда и везде... А кто не понимает, тому ЧК разъяснит.

И началось. В бывших имениях учреждались не только совхозы, то есть государственные предприятия, сугубо не привычные тогдашнему земледельцу, но даже пресловутые «коммуны», где общность курей и гусей как бы непосредственно подводила к скорой общности жен... А тут еще надругательства над храмами, «трудовая повинность», то есть бесправный полурабский труд на тяжелых работах, а попутно прикрыли гимназии и реальные училища, заменив их «единой трудовой школой», где внедряли «классовую» педагогику – с упором на воспитание будущих павликов Морозовых. Но хуже всего – пресловутая «продразверстка», на-

сильственное и безвозмездное изъятие у крестьян хлеба. Это вызвало естественное недовольство земледельцев, которое перерастало в стычки и кровавые столкновения. Землепашец не мог взять в толк, почему плоды его тяжелого труда забирались даром в пользу неясной для него «диктатуры пролетариата» (оба эти слова равно были ему непонятны).

Конечно, вся эта разрушительная вакханалия проводилась только в тех районах Украины, где Советская власть чувствовала себя сильной. Иное дело – в обширной сфере влияния Нестора Махно, Тут трудящихся оберегали: ни вывоза хлеба в адрес некой «диктатуры пролетариата», ни мобилизации молодежи в Красную Армию. По осведомленному свидетельству П. Аршинова, очевидца тогдашних событий в Гуляйполе, в начале весны 1919-го под властью Махно объединились 32 волости (это нечто вроде современных районов), но главное – на съезде представителей местных депутатов «был создан районный военно-революционный совет крестьян, рабочих и повстанцев» (то есть махновцев).

С начала 1919-го, после падения кайзеровской оккупации, к Махно начали стекаться видные анархисты самого крайнего толка. Появился поминавшийся Аршинов-Марин, а также другое примечательное лицо – В. М. Эйхенбаум, пожилой и весьма известный анарх по кличке Волин (простодушные махновские хлопцы так и именовали его «дядя Волин»; заметим для справки, что то был родной брат известного советского филолога Б. М. Эйхенбаума, друга В.

Шкловского и О. Брика, без потрясений прожившего долгую жизнь до 1959 года). Эти двое и иные анархи стали выпускать для Махно и его бойцов разного рода издания, они назывались газетами, но по сути были листовками. Названия были броские, из сугубо анархистского лексикона: «Набат», «Путь к свободе», «Вольный повстанец» и т. п. Сохранились редчайшие образцы этих изданий, да и то в основном в перепечатках. Читать и цитировать их не интересно: пустословная анархистская демагогия.

Вот с тех пор и до конца дней махновщины навис над ней черный анархистский флаг, а все это широкое народное движение стало именоваться анархистским. Внешне похоже, и поверхностная логика легко приводит к такому выводу. Ну, а на самом деле? Анархистская теория, как и почти все идеологии крайне революционного толка, была сугубо умозрительной, далеко отстоящей от подлинных интересов трудящихся, которых они якобы собирались «освободить». Махновские хлопцы, с оружием в руках пытавшиеся отстоять свои родные села и городки от красных, белых, немецких, петлюровских и прочих насильников, к этим теориям всерьез не относились, не знали их даже. Но в накаленных условиях гражданской войны, когда каждый миг грозил смертью, хлопцы твердо понимали одно: их батяно против красных с их «подразверсткой» и против белых с их «реквизициями». Оба заковыченные слова, отродясь им не знакомые, украинские селяне и ремесленники (русские, греческие, немецкие,

еврейские, всякие иные) дружно переводили как обычный грабеж. И, по сути, были правы. И потому держались твердо за батько, который со своими своевольными отрядами худо-бедно их оборонял. И относились к нему с истинно российским народным благодушием: мол, пусть малость чудит, но наш...

Действительно, поддержка Нестору Махно и его войску была единодушной со стороны большинства тружеников от Екатеринослава до Донбасса и Азовского моря. Уже 23 января 1919-го состоялся первый съезд представителей местных советов того региона, который дружно осудил петлюровщину и призвал к борьбе с ней. Вскоре положение изменилось, петлюровцы скукожились и отошли за Киев, а белогвардейцы-деникинцы вторглись в Донбасс.

События быстро развивались, и 12 февраля состоялся второй съезд в Гуляйполе, официальной столице махновщины, где постановлено было бороться с Деникиным и провести, как сформулировали анархистские комиссары Махно, «добровольную мобилизацию». Последнее выражение ярко свидетельствует о несоответствии анархистской догмы с реальной жизнью.

Но белые приближались, на Красную Армию надежда была плоха (за ее спиной продрозверстка с крутыми комиссарами), значит – надо посылать молодых участников недавней мировой войны и юных, необученных хлопцев в армию батько. Не все, конечно, хотели, многие уклонялись, но лю-

дей хватило. Сколько сошлось их под знамя «комбрига батько Махно», не ведали ни красная, ни белая разведка (это по обоюдным документам известно теперь совершенно точно), ни окружение самого атамана. (Как тут не вспомнить другого приметного персонажа гражданской войны Василия Чапаева, причем слова тут подлинные: «Я командовать приехал, а не с бумажками возиться!» да, народные вожаки «бумажонки» не любят, отчего так трудно порой изучать историю их деятельности.)

Итак, к началу весны 1919-го повстанческая крестьянская армия Махно в общем и целом сложилась. Ее бесспорный командующий, батько, уже представлен, как и его суровые атаманы, а также анархистские «комиссары». Ну, а сама-то армия, из кого она состояла, что собой представляла? И поскольку с весны того страшного для России рубежа махновцы начнут свою бесконечную междоусобицу, продлившуюся два с половиной года, неся жуткие потери и немислимые кровопролития, есть прямой смысл рассказать о том воинстве – каким оно было на самом деле, а не по кинотелебеллетристике, только и известной читателям.

Любая партизанская армия должна быть очень подвижной, иначе она недолговечна. В тесных горных ущельях еще как-то можно отсидеться, но на безлесных равнинах только быстрые и смелые действия оставляют партизанам надежду на успех против любой регулярной армии. Войско Махно было подвижным, основа тут – тачанки как средство пере-

броски бойцов и простейших видов пехотного вооружения (пулеметы, боеприпасы, гранаты и проч.). Конницу, как род войск, могущий вести, так сказать, правильные военные операции, Махно создать не удалось, исключая отдельные малочисленные группы, имевшие скорее не боевое, а охранное значение. Итак, основа боевых сил Махно – это пехота, посаженная на легкие повозки. Бывали в этих рядах и пушки, и даже порой бронепоезда или броневики, захваченные (у красных или у белых), но то частности, исключения.

Весьма пикантным вопросом для махновцев, официально исповедовавших анархизм, стала «демократия» в войске, прежде всего – пресловутая «выборность командного состава». Это была святая святых анархов; если привести воспоминания Аршинова-Марина или листы чудом сохранившихся махновских газет, то тут очень строго – никаких назначений!... Увы, то был просто вздор, ибо ни одна армия в мире не может вести боевые действия, руководимая «парламентами» – от ротного до полкового. Жизнь потребовала нарушения догм, и это неизбежно случилось: командиров частей и подразделений назначал сам батько или его приближенные, а кто не слушался, с тем разговор был краткий и решительный. «Комиссары» из числа анархов делали вид, что подобного не существует, и по-прежнему пописывали статейки о «вольной безвластной армии»...

В своем построении махновская вольница старалась как-то копировать правильное армейское устройство: роты, пол-

ки, порой даже «дивизии», создавались и подобия штабов и даже нечто вроде политико-пропагандистских органов. Много внимания, как и у всех противоборствующих сторон в гражданской, уделялось разведке и контрразведке. Возглавлял ее Виктор Белаш, близкий Махно человек и его земляк. Галина Андреевна его хорошо знала, рассказывала, что в качестве агентов он использовал преимущественно молодых женщин и девушек, хоть их числилось не так много, но сведения они добывали весьма ценные (подробностей тут она не привела).

В 1921-м, накануне полного краха махновщины, Белаш попал в плен к красным. С махновскими атаманами в ЧК расправлялись, как правило, быстро и беспощадно, однако тут сделали исключение: Белаша оставили в живых – видимо, ценными сведениями обладал. Впрочем, о дальнейшей его судьбе еще предстоит рассказать.

Никакого «тыла» у махновцев не существовало: оружие, боеприпасы и снаряжение пополнялись только из числа трофеев, нет никаких сведений, чтобы густонаселенная область что-то производила для махновских войск. Пестрота вооружения была необычной: винтовки и пулеметы имелись самых разных стран и систем – немецкие, английские, французские и даже итальянские и японские (ну, основная часть, понятно, – российского производства). Подобное обстоятельство заметно ухудшало боевые качества махновцев и тем более затрудняло снабжение боеприпасами.

Врачебно-санитарное дело находилось в плачевном состоянии: раненых и больных раздавали по хатам, а чаще всего – оставляли на произвол судьбы, особенно во время переходов или отступлений, судьба их оказывалась порой ужасной – и это никак не из преднамеренной жестокости, просто-напросто другого решения кочевая партизанская армия не имела и иметь не могла. В 1920-м всю страну поразила эпидемия тифа, страдали от нее и белые, и красные, и прочие войска, но потери нестройных махновцев были поистине страшными.

Но это мало беспокоило самого батько и его присных – недостатка в молодых, здоровых хлопцах пока не чувствовалось, истощение богатейшей Российской державы сказалось позже. Этот свой чудовищный порок отряды Махно долгое время использовали как свое некоторое преимущество, а именно – невероятную по тем временам подвижность и быстроту маневра.

Теперь документально доказано, что переход едва ли не в сотню верст за сутки был для них не редкость, хотя даже моторизованные колонны второй мировой войны с трудом преодолевали такие расстояния. Вот почему Махно и его штабные долгое время были поистине неуловимы равно для красных и для белых.

Мемуаристы, красные и белые, охотно писали о плохой дисциплине, грабежах и насилиях махновцев, повальном пьянстве и проч. Да, все это бывало, верно. Вспомним, однако, мемуары Деникина о любезных ему добровольцах или

рассказы красного политработника Исаака Бабеля о Первой конной – что же, там не описываются сцены насилий или по-поек? Во время любых военных действий во всякой армии случаются «эксцессы», в период гражданских войн – особенно, а уж в партизанских войсках – тем паче. О пьянстве и разгулах самого Махно написано много, но вот любопытно: чем далее отстоял описатель от места событий, тем эти сцены колоритнее и круче (смотри, например, сочинения Алексея Толстого).

Да, так. Однако реальные наблюдатели о подобном весьма редко свидетельствуют. Антонов-Овсеенко, побывавший в ставке Махно в Гуляйполе в конце апреля 1919-го, подробно описывает обед, за которым подавалась лишь «какая-то красная наливка», а хозяин, не моргнув глазом, сказал высокому гостю, что «не любит пить и пьянство преследует». Публиковал свои мемуары Антонов-Овсеенко пятнадцать лет спустя, во всеоружии всех позднейших фактов, но поправок тут не сделал. Не сообщал о том и тогдашний член Политбюро Л. Б. Каменев, побывавший чуть позже на Украине и тоже встречавшийся с Махно, так сказать, проездом. Они даже расцеловались на прощание – такую трогательную встречу уготовил Нестор Иванович Льву Борисовичу.

Л. Б. Каменев в сопровождении К. Е. Ворошилова приехал на встречу с Махно и его штабом в поезде под охраной отряда бойцов с пулеметами. Секретарь Каменева так описывал эту сцену:

«Гуляют на перроне в ожидании батько, которого ждут из Мариуполя. Наконец комендант станции сообщает: „Батько едет“. Локомотив с одним вагоном подходит к перрону, выходит Махно с начальником штаба.

Махно – приземистый мужчина, блондин, бритый. Синие, острые, ясные глаза. Взгляд вдаль, на собеседника редко глядит. Слушает, глядя вниз, слегка наклоняя голову к груди, с выражением, будто сейчас бросит всех и уйдет. Одет в бурку, папаху, при сабле и револьвере. Его начштаба – типичный запорожец: физиономия, одеяние, шрамы, вооружение – картина украинского XVII века.

Автомобили поданы. От станции до местечка около восьми верст. С комендантом условие – если к шести часам вечера экспедиция не вернется, послать разведку. Неподалеку от местечка окопы, следы боев. Махно показывает дерево, где сам повесил белого полковника.

– Как у вас с антисемитизмом? – спрашивает Каменев.

– Вспышки бывают, но мы с ними жестоко боремся. По дороге сюда на одной из станций вижу, какие-то плакаты расклеены. Читаю: погромного характера. Вызываю коменданта, требую объяснений. Он ухмыляется. Хвастает, что вполне согласен с тем, что сказано в плакате. Я застрелил его.

На главной улице Гуляйполя выстроены почетный караул повстанцев. Повстанцы кричат «ура». Серая, грязная улица, за ней площадь... Махно держит повстанцам речь о подвигах Красной Армии, пришедшей к ним на помощь. Говорит

о неразрывности судеб повстанцев и российских трудовых братьев. «Большевики нам помогут», – говорит он. Слушают его вооруженные винтовками парубки и пожилые. Один стоит в строю босой, в рваных штанах, офицерской гимнастерке и австрийской фуражке; другой в великолепных офицерских сапогах, замазанных донельзя богатых шароварах, рваной рубаше и офицерской папахе. Есть лица строгие, спокойные, вдумчивые, есть зверские челюсти, тупые глаза, безлобые, обезьяньи черепа. Есть острые вздернутые носы, закрученные усики, рты с полушечками по углам. Вокруг войска теснится толпа крестьян. Издали наблюдают несколько евреев. Настоящая Сечь. Последние слова Махно покрываются бурей оваций. После Махно говорит Каменев. От имени Советского правительства и российских рабочих и крестьян приветствует он «доблестных повстанцев», сумевших сбросить с себя чужеземное иго, гнет помещиков и белых генералов...

Пошли в дом Махно обедать. Обстановка вроде квартиры земского врача. Подавала обед старушка-крестьянка. Хозяйничала жена Махно – его личный секретарь, красивая, молодая украинка. Прогуливались по двору. В соседнем доме на террасе сидела еврейская семья и распивала чай. Махно с удовлетворением указал на эту идиллию расовой терпимости, говоря: «Вот как я всех евреев вырезаваю». Часам к четырем был созван сход главнейших сотрудников Махно для совещания с экспедицией Каменева...

Каменев начал свой доклад с приветствия и поздравлений с успехом на фронтах. В выражениях, сперва осторожных, затем все более выпуклых, Каменев указал на ряд фактов, дезорганизующих продовольственное, транспортное и военное дело, в которых провинилась бригада. Указывалось на самочинную мобилизацию, произведенную в Гуляйпольском районе военным советом Махно. Говорилось об отсутствии в районе комбедов, о спекуляции и преследовании коммунистов, «которые не меньше вас, товарищи, являются защитниками трудящегося народа и беднейших крестьян». Последние два слова вызвали ропот. Послышались возгласы. Махно был не в силах зажать всем рты. «Хотите крестьян разорить, а потом любить», «Крестьянин без лошадей не крестьянин, зачем лошадей отнимаете?», «оісе мы беднейшие крестьяне!». Каменев ярко рассказал ближайшие задачи Советской власти и так увлек аудиторию, что, как дошел до роли ЧК, раздалось лишь несколько не очень громких вздохов...

Перед отъездом в беседе зампреда Гуляйпольского совета Коган прямо спросил Льва Борисовича: «Зачем вы организовали эту постыдную травлю нашего революционно-го движения и наших действий? Ведь это настолько мелко и звучит так гадостно, что вы подрываете свой авторитет»...»

...По поводу же загулов грозного батько приведем еще одно свидетельство – человека в таких вопросах, пожалуй, наиболее сведущего, Галины Андреевны Кузьменко:

– Нестор никогда много не пил, как показывали в кино (тот же «Александр Пархоменко». – С. С). Помню, правда, он как-то крепко выпил, даже шатался пьяный по селу, его хлопцы привели домой, я его потом сильно ругала, а он стыдился. А вот до ранения в ногу хорошо танцевал, любил это очень.

Видимо, последнему следует верить больше, чем Алексею Толстому, пьянчуга и хулиган не смог бы надолго сохранить авторитет среди вооруженной и способной на все партизанской вольницы – такого они в конце концов просто бы прихлопнули, нужен он им такой... Хотя всякое случалось, о чем мы еще расскажем.

С конца 1918-го на Юге России немцев сменили вооруженные силы Англии и Франции, а также пролушные им контингенты греческих и сербских войск, их тогдашних союзников. Об их планах красноречиво сообщает документ, который приводит Антонов-Овсеенко, получивший его по секретным каналам из Франции (видимо, по линии Коминтерна) от 11 апреля 1919 года:

«В начале февраля этого года в Париже во главе с Ротшильдом образовалась компания по использованию богатств России в связи с окончательным поражением Германии... В число акционеров вошли видные члены палаты депутатов правого крыла, весьма солидное количество паев выпало и на долю Клемансо (глава французского правительства в ту пору. – С. С.). Были также посланы агенты в южные города

России для покупки акций русских банков, в частности была установлена связь с Рябушинским, который стал во главе комиссии, разработавшей план покупки всех земель Крыма, а также план установления сношений с группой английских банкиров, создавших акционерное общество по покупке земель по линии Черноморского побережья Кавказа... Ротшильдовская компания очень усиленно начала субсидировать газету Клемансо «Свободный человек», которая сильно подогревала в массах шовинистические идеи, требуя оккупации России как компенсации за неоплаченные займы» (имеются в виду прежние долги царского правительства. – С. С.). Ясно без пояснений, какая угроза нависала тогда над нашей родиной. Белогвардейцы-деникинцы знали или подозревали о подобных планах Антанты, относились к ним вполне отрицательно, однако деваться им было некуда, пришлось принимать их скудную, нищенскую помощь: винтовки, снаряды, патроны, обмундирование, ничего уже не стоившее после окончания мировой войны, все это потекло через Новороссийск, пополняя пустые склады Добровольческой, Донской и Кавказской (Кубанской) армий белых. Они несколько окрепли, перешли в решительное наступление.

На подступах к Донбассу численный перевес был на стороне красных и махновцев. Махновская «бригада» в конце марта начала контрнаступление на деникинцев, но значительных побед не добилась, бои шли с переменным успехом. Несмотря на это, советская пропаганда поспешила раздуть

их ненастоящие победы в пропагандистских целях. 3 апреля «Правда» в возвышенном стиле сообщала: «Махно получил задачу разбить добровольцев, которую выполнил блестяще. Добровольцы, лучшие гвардейские силы, разбиты».

Пропаганда в ту пору была совершенно беззастенчивой (со всех сторон). Кто из читателей коммунистического ЦО мог проверить, что Махно не удалось «разбить» ни одной части добровольцев, а также то, что среди последних не имелось никаких «гвардейцев»? Но незаслуженная эта слава кружила голову батько, а тем паче – его простоватым атаманам. Тогда же начались негласные столкновения махновцев с политкомиссарами Красной Армии, которые вскоре обернулись грозными последствиями для обеих сторон.

Советское военно-политическое руководство попыталось прибрать Махно к рукам, делалось это известным способом: направить к популярному народному вожаку комиссаров и, навязав ему нужную волю, повести за собой (вспомним классическую в этом смысле пару: Буденный – Ворошилов (сейчас во многих изданиях поносят Клима Ворошилова, но ведь человек-то он был отважный, и от пуля не прятался, и умел говорить с вооруженным народом, и настоять на своем, а конники Буденного были примерно одного теста с хлопцами Махно). К махновцам посылались комиссары и политработники, но успеха у рядовых бойцов не имели, а пробиться к душе батько не смогли.

Сперва красное командование попыталось одолеть мах-

новцев силой. 10 апреля Дыбенко, прямой начальник «комбрига» Махно, послал ему телеграмму: «Всякие съезды... считаются явно контрреволюционными, и организаторы их будут подвергнуты самым решительным мерам вплоть до объявления „вне закона“. Такова была попытка прикрыть махновский независимый Совет. Приказ грозный, но не из тучи гром: Махно и его атаманы знали, что по отношению к ним у красных пока руки коротки. В ответ в Гуляйпольском Совете провели резолюцию протеста против обвинений в „контрреволюции“ (и в самом деле – обвинение глупее глупого).

Итак, для гуляйпольского «Чапаева» своего Фурманова не нашлось. Махновские атаманы изгоняли комиссаров-коммунистов, видя в них посягателей на их собственную власть, а вокруг степных дорог оврагов много, иные посланцы политотделов сгинули без донесений... Однако на прямые обвинения в подобных делах Махно горячо и настойчиво оправдывался, даже протестовал. Одному из высокопоставленных коммунистов он по этому поводу дал такой вот впечатляющий отпор: «Преследование политко-миссаров? Изгнание их?! Только нам надо бойцов, а не просто болтунов. Никто их не гнал, сами поутикали». Ясно, что подобный аргумент был у батько уловкой – каково уж не оценить личные качества комиссаров гражданской, но все же в трусости их обвинить огульно никак невозможно.

Куда хуже обходились повстанцы с работниками ЧК, ко-

которые тоже появились в их рядах. Тут уж решительно и открыто действовал сам батько (все-таки комиссары-коммунисты – они тоже революционеры, на одних с ними нарах лежали...).

Тревожась за положение южного фланга советских войск на Украине, в Гуляйполе приехал сам Антонов-Овсеенко. 28 апреля он прибыл со свитой и охраной на станцию Поллоги (ближайшую тогда к Гуляйполю). Там, как вспоминал позже «комфронта Украины», его встретили «некоторые комиссары, бежавшие от Махно», они сильно жаловались на своенравного батько. Но Антонов-Овсеенко принял решение: «Среди переправы коней не перепрягают»; полагаем, что этот вывод Антонова-Овсеенко был в ту пору политически верен, хотя поздно уже хватились...

В позднейших воспоминаниях недолгого советского «командукра» приведена даже портретная зарисовка Махно, из немногих сохранившихся от тех времен: «Вышел малорослый, моложавый, темноглазый, в папахе набекрень, человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: „Комбриг батько Махно. На фронте держимся успешно. Идет бой за Мариуполь. От имени революционных повстанцев Екатеринослава приветствую вождя украинских советских войск“. Рукопожатие. Махно представляет членов Гуляйпольского исполкома и его штаба».

Но Махно тоже был не прост, он встретил советское начальство по высшему уровню: запорожские тройки, оркестр,

игравший «Интернационал», парад войск, приветствия... Любопытно произведенное впечатление от речи Махно на опытного большевистского комиссара: «Голос не сильный и слегка сиплый, говор мягкий – в общем небольшой оратор, но как его слушают!» Действительно, слушали своего батько хлопцы с огромным сочувствием.

Антонов-Овсеенко, считавший себя очень умным, был полностью одурачен малограмотным сыном гуляйпольского батрака. Все сомнения опытного коммунистического деятеля Махно поверг твердо отчеканенной фразой: «Пока я руковожу повстанцами, антисоветских действий не будет, будет беспощадная борьба с буржуйными генералами». Видимо, последовало еще рукопожатие, и не одно.

Антонов-Овсеенко уехал из Гуляйполя умиротворенный, вскоре он дал соответствующую телеграмму: «Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать, прекрасный материал». Да, знай об этом Нестор и его атаманы, посмеялись бы они, как запорожцы на известной картине Ильи Репина. Пятнадцать лет спустя тот же Антонов-Овсеенко скупно признался в «чрезмерной идеализации» Махно. Но поздно было: в том году Нестор уже скончался, а мемуаристу осталось доживать едва-едва...

В начале мая 1919-го Украину, а вместе с тем и южный фланг советских войск потрясло неожиданное событие: мятеж красного командира Николая Григорьева. Личность эта в высшей степени типична для времен революций и граж-

данских войн – честолюбивый авантюрист, лишенный всяких идейных основ, одержимый властолюбец; таких немало наплодилось в ту смутную пору, но этому поначалу предвещали крупный успех... Немолодой по тогдашним понятиям (за сорок), самого простого происхождения (то ли кацап, то ли хохол, а скорее – из смешанного населения тогдашней Новороссии), он закончил первую мировую войну в младшем офицерском чине. Служил сперва в Центральной украинской Раде, затем у Скоропадского, потом перешел к петлюровцам. Кондотьер гражданской войны, он вел за собой разномастное воинство, все более и более распаляясь своими легкими победами. Если у Махно была четкая социальная опора-то у этого никакой, о чем ясно свидетельствуют его метания: 2 февраля 1919-го в районе Александровска Григорьев опять круто переложил руль и перешел со своим отрядом на сторону Красной Армии.

Его обласкали (прежде всего тот же Антонов-Овсеенко), и вот итог: недавний петлюровец получил звание советского комбрига, а через два месяца, 25 апреля, стал начальником 6-й украинской дивизии. Порядок в его «дивизии» был куда хуже, чем в махновской «бригаде», но поначалу везло ему больше: в последних числах апреля его расхристанное воинство заняло Николаев, Херсон и Одессу. Поясним: эти приморские города оставили поспешно французские и иные интервенты, раздираемые собственными политическими распрями; «взять» их не представляло никакого особенного во-

инского подвига. Грабежи и насилия в тех местах не идут ни в какое сравнение с недавними деяниями махновцев в Екатеринославе, уже потому, что батько Махно боролся с погромщиками, а Григорьев, как всякий беспринципный политикан, был на поводу у своего воинства, хоть полагал, что именно он управляет им и событиями.

Верховное советское военно-политическое руководство Григорьеву, конечно, не доверяло (как Махно, Думенко, Миронову и всем подобным), но с силой приходится считаться, а еще лучше – ее использовать. Весной 1919-го в Венгрии произошла кратковременная коммунистическая революция, а в коммунистической Москве вызрела мысль направить буйных григорьевцев против Румынии (она тогда вела войну с Советской Венгрией). Сохранились свидетельства, что Григорьева уговаривали чем угодно: званиями, наградами и даже намекали на богатые имения, которые сделаются добычей победителя... Но пустоголовый авантюрист чрезвычайно переоценил свои силы: 7 мая он объявил себя «атаманом Херсонщины и Таврии» и порвал с Советами, ему захотелось стать... он сам, видимо, не знал – кем именно, однако метил в своих мечтах, надо полагать, весьма высоко.

Заметим, что Антонов-Овсеенко попытался увлечь и Махно походом на помощь Советской Венгрии и даже «прорывом в Европу», причем разговор происходил, как особо отметил позже большевистский деятель, «с глазу на глаз». Махно вроде бы охотно и горячо поддакнул такому заманчи-

вому предложению, но позже и пальцем не шевельнул, чтобы податься в указанном направлении, он-то знал четко, где и в чем его опора.

С началом мятежа григорьевской многочисленной дивизии весь красный фланг на Правобережной Украине рухнул. Основной удар Григорьев нацелил на Харьков, столицу Советской Украины, но путь туда был не прост. Силы у него имелись немалые, тысяч примерно двадцать. Но между ним и Харьковом стоял с юго-востока Махно со своим войском и громадным авторитетом, а последнее

тогда стоило куда дороже пулеметных тачанок. Возникло щекотливое положение. Ну, для Григорьева все было ясно: надо привлечь популярного батьку в союзники, а там... посмотрим. Иное дело – Нестор Махно, опиравшийся на силы, с которыми обязан был считаться. Простоватый Григорьев, недавний петлюровец, поставил на украинский национализм, что было делом явно проигрышным. Во-вторых, он отрицал не только Советскую власть как власть коммунистическую, но и советское народовластие, от него явно пахло диктатурой. Наконец, Григорьев, потакая самым низменным инстинктам украинских низов, попытался взять на службу антисемитизм в его самом грубом виде. Все эти обстоятельства Махно и его окружение принять не могли.

Итак, уже в начале мятежа политическая обстановка стала очевидной: Григорьев был крайне заинтересован в поддержке махновцев, но они этой поддержки ему оказывать не со-

бирались, хотя поначалу выжидали хода событий. Григорьев шел напролом, терять ему уже было нечего. К Махно пробирались его посланцы, отправлялись многочисленные телеграммы; красное командование перехватывало их, но одна дошла, очень выразительная: «Батько! Чего ты смотришь на коммунистов? Бей их. Атаман Григорьев».

Осмотрительного батько такие вопли оставляли равнодушным, он никак не отвечал. Более того, уже в первый день мятежа (дата в документе отсутствует) он дал телеграмму в столицу Советской Украины Харьков с текстом своего обращения к личному составу бригады: «Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта... Честь и достоинство революционера требуют от нас оставаться верными революции и народу, а распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас открыть фронт для кадетов и белогвардейцев, стремящихся поработить народ...» Отметим тут важнейшее: отмежевываясь от незадачливого авантюриста, Махно ставит его перед своими в один ряд с большевиками: те и другие, мол, чужды подлинной «революции»... То была, без сомнения, далеко нацеленная политическая стратегия. Нет, куда было атаману тягаться с батько!

Григорьев сделал своей опорой Елизаветград (ныне Кировоград, до 1934-го несчастливый город носил имя Г. Зиновьева). То был небольшой городок, но удобный транспортный узел; атаман намеревался идти на Екатеринослав, имея промежуточной целью Киев. Лозунги его были простейшие

и куда как неудачные: «Украина для украинцев», «Свобода торговли» и прочее подобное. Махно приходилось делать четкий политический выбор, и он сделал его прямо и решительно. Конечно, для махновцев очень подходило еще одно требование Григорьева: «Долой ЧК». Даже политкомиссар, прикомандированный к штабу Дыбенко, докладывал: «Красная Армия, состоящая в большинстве случаев из середняков, присоединяется к этому лозунгу. Случаи разгона ЧК на фронте, как всем известно, бывают очень часты». Махно у себя в войсках поступал так же, но соблазниться одним лишь этим и стать на сторону обреченного выскочки он, как осмотрительный политик, не мог.

Махновский штаб вскоре издал и широко распространил прокламацию «Кто такой Григорьев?». В этом пространном документе тот объявлялся «предателем», «хищником» и «врагом народа». При этом опять предусмотрительно намекалось, что «партия коммунистов-большевиков является не меньшим врагом труда»... Однако «коммунисты-большевики» удовлетворялись и этим: не до жиру, быть бы живу, ибо уже 9 мая григорьевцы расстреляли в Елизаветграде 30 партийных работников, вскоре подобные казни продолжились и расширились. Авантюрист Григорьев выиграть в политической борьбе не мог, во второй половине мая советские войска под командованием Ворошилова и Пархоменко рассеяли григорьевцев, мятеж был подавлен, а сам атаман с кучкой приближенных скрылся в украинских степях.

Григорьевский мятеж чрезвычайно ослабил боеспособность красных войск на Украине, этим не замедлили воспользоваться главнейшие противники Советской власти – белогвардейцы-деникинцы. Силы их были относительно малочисленны (на начало 1919-го – не более 100 тысяч, включая тыловые, резервные и учебные части), к тому же распылены на огромном пространстве от Кавказских гор до Волги и Донбасса. Но то были исключительно хорошо организованные войска, руководимые опытными и решительными командирами. В направлении главного удара Ростов – Харьков направлялась Добровольческая армия, состоявшая из отборных дивизий Корниловской, Марковской, Дроздовской, названных по имени погибших к тому времени белогвардейских генералов, а также конный корпус Шкуро, составленный из кубанских и терских казаков, отменных кавалеристов.

19 мая Добровольческая армия внезапно и решительно атаковала войска Махно и быстро опрокинула их. Слабо сколоченная махновская «бригада» попятилась, потом потеряла управление, распалась и обратилась в паническое бегство. Махно со своим штабом и несколькими верными отрядами поспешно отступил, предоставив своих хлопцев печальной судьбе: казаки Шкуро пощады им не давали... К концу мая уже весь красный Украинский фронт полностью развалился.

Тут нужно оговориться: Нестор Махно никак не может быть повинен в трусости и малодушии, свою отвагу он при-

людно доказывал неоднократно. Нельзя считать, будто он оставался равнодушен к участи своих хлопцев, – нет, он был истинным революционером в том смысле, что благо трудового народа почитал высшим долгом, причем это для него навсегда стало искренним чувством. Но дело-то в том, что сама революционная нравственность, заботясь о «массах», была совершенно равнодушна к судьбе каждого отдельного человека. А раз хак, то все очень просто: ранен, брошен на дороге, погиб от удара штыка в живот?... Ну, жаль, конечно, зато погиб ты за правое дело, а мы за тебя отомстим. И мстили. А в ответ мстили им. И так длилось до полного истощения всех народных сил России.

«Армия» махновцев развалилась, превратившись в бегущие толпы, но белоказаков было слишком мало, чтобы перебить всех. Сам Махно, его штаб и атаманы, анархи-«комиссары» отступили быстро, ушли из-под удара в глубь степного бездорожья. Махно быстро сообразил своим цепким практическим умом, что большая армия – это, конечно, хорошо, но надобно иметь армию хоть и малую, но «свою», надежную. Так появилась и долго просуществовала, часто меняясь составом, так называемая «батькова сотня» – отряд отборных хлопцев, конных или на пулеметных тачанках. Они были хорошо вооружены, сплочены и подтянуты и готовы защитить своего батько от кого угодно. А в гражданской войне врагов вокруг много, с разных сторон, в том числе, что немаловажно, и внутри своей собственной «стороны»...

Советское командование, оказавшееся на Украине, по сути дела, без сил, настойчиво требовало от Махно отступить на север, в направлении Харькова, где еще можно было построить оборону от победоносных белогвардейцев. Как всегда, применялись кнут и пряник. Начали, по-видимому, с «пряника». Существует стойкая легенда, многократно запечатленная в бульварной литературе, нашей и зарубежной, что комбрига Махно наградили орденом Красного Знамени. Никаких документальных подтверждений (или опровержений) до сих пор не обнародовано. В свое время я спросил о том Галину Андреевну, она ответила кратко, но безоговорочно:

– Нестор был действительно награжден орденом Красного Знамени, когда это случилось, я не помню, но сам орден помню очень хорошо, он был на длинном винте, его полагалось носить, проколов верхнюю одежду, но Нестор не надевал его никогда. Хранился он у меня, а во время бегства мы побросали все вещи, видимо, среди них и орден.

Пожилая вдова могла что-то спутать, когда-нибудь выясним это в открывшихся наконец-то архивах.

Но вот о «кнуте» достоверно известно. Махно понимал, что как только он оторвется от своей социальной опоры – крестьянства Левобережной Украины, то станет бессильным заложником красных. Он не пошел на север, не выполнив тем самым боевой приказ. 29 мая махновцы передали красным телеграмму, что они решили «создать самостоятельную

повстанческую армию, поручить руководство этой армией т. Махно».

Тем в условиях крайней опасности следовало бы проявить терпение, сыскать компромиссы, но тогда верховное советское командование, руководимое жестким и нервным Троцким, ответило с примитивной прямолинейностью: в тот же день Реввоенсовет Южного фронта объявил в адрес Махно все гражданские проклятия, которые сулили ему понятно какую судьбу. Любопытно: командующим фронта был тогда В. Гиттис, а комиссарами при нем Л. Колегаев, Г. Сокольников и И. Ходоровский – все они еще в нестарые годы погибли как поставленные «вне закона»...

Махно удалось ускользнуть: в пустынных степях нынешней Кировоградской области ни красным, ни белым он был недосыгаем. Весь июнь Махно со своими хлопцами укрывался среди малолюдных и бездорожных хуторов. Тем временем Добровольческая армия заняла Донбасс, а 25 июня овладела Харьковом. Наступление белых шло хоть и успешно внешне, но тоже являлось авантюрой, никакой прочной власти над основной махновской территорией – Екатеринославщиной – они не имели, слишком малочисленны были их гарнизоны. И тут-то батько Махно столкнулся лицом к лицу с атаманом Григорьевым. Исход был очевиден: если за Махно стояли мощные силы украинского селянства, то Григорьев с малой кучкой своих присных уже никого не представлял, кроме самого себя. Встреча их двоих и ее исход является одной из

самых выразительных картин кровавой гражданской войны.

В двадцатых числах июля (точная дата неизвестна) в селе Сеитово, что неподалеку от города Александрия, железнодорожной станции между Кременчугом и Елизаветградом, махновцы столкнулись с остатками григорьевцев. Для решительного Нестора все тут было ясно: от разбитого атамана надо освободиться, чтобы его прошлые грехи не легли тенью на возглавляемое им революционное движение. Вопрос был предрешен, но нынешнему читателю важно передать тут поразительные подробности той жуткой поры.

29 июля состоялась эта самая встреча. В своих мемуарах парадный историограф Аршинов-Марин описал ее в самых возвышенных тонах. Махно, дескать, «решил публично и революционно разоблачить Григорьева» и вступил с ним в переговоры лишь для того, «чтобы иметь к нему свободный доступ». Последние два слова являются типичным отрывком из речи адвоката, оправдывающего любой ценой убийцу. Но другой анархист, И. Тепер, чем-то обиженный Махно, публиковавший свои воспоминания в Киеве в 1924 году, объяснял куда проще и откровеннее. У Махно был свой оберпалач, небезызвестный в литературе Левка Задов (Зиньковский), из одесских уголовников, которые вообще охотно рядились в ту пору в «идейных анархистов». Так вот, Левка тогда же хладнокровно объяснял Теперу: «Он (Григорьев) мешал, и батько приказал его снять». Ну, что такое «снять» на блатном жаргоне, понятно и без «перевода». Так оно при-

мерно и произошло на самом деле, все парадные истории недобросовестны, это известно.

Фотографий Григорьева не сохранилось ни единой, но Галина Кузьменко видела его и оставила в рассказах мне краткую портретную зарисовку, присовокупив некоторые любопытные подробности:

– Григорьев был низкорослый (не выше Махно), коренастый, плотный, весь в ремнях, увешан оружием. В селах, где стояли григорьевцы, убивали евреев. Это очень не нравилось всем нам, и Нестору в частности.

...Примерно год спустя после того самого «свидания» одного из махновских приближенных, а именно Чубенко, взяли в плен красные. Его допросили в ЧК, потом, естественно, «пустили в расход», но он успел поведать кое-что интересное. В 1927 году в книге советского историка М. Кубанина отрывок показаний был опубликован из архивов Украинского ГПУ, тогда еще отчасти доступного. Итак:

29 июля на митинге, где собрались махновцы, местные крестьяне и отряд григорьевцев, Чубенко произнес речь, в которой обозвал атамана «контрреволюционером», «царским слугой» и т. п. После этого Григорьев и Махно со своими приближенными зашли в хату, где и произошли окончательные «переговоры».

Чубенко показывал, что он, «зайдя в помещение сельсовета, зашел за стол, вынул из кармана револьвер „Биб-лей“ и поставил его на боевой взвод. Это я сделал так, чтобы Григо-

рьев не заметил, и, стоя за столом, держал в руке револьвер. Когда зашли все остальные, то Григорьев стал около стола против меня, Махно рядом с ним с правой стороны, Каретников сзади Махно; с левой стороны Григорьева стали Чалый, Траян, Лепетечко и телохранитель Григорьева. Григорьев был вооружен двумя револьверами системы „Парабеллум“; один у него был в кобуре около пояса, а другой привязан ремешком к поясу и заткнут за голенище. Григорьев, обращаясь ко мне, сказал: „Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам“. Я ему стал по порядку рассказывать, на основании чего я говорил... Потом я ему еще сказал, что он действительно союзник Деникина... Как только я это сказал, то Григорьев схватился за револьвер, но я, будучи наготове, выстрелил в него в упор и попал выше левой брови. Григорьев крикнул: „Ой, батько, батько!“ Махно крикнул: „Бей атамана!“» Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил».

Все остальные григорьевцы были разоружены, а двое приближенных атамана убиты камнями. Весь ход этих «переговоров» напоминает классическую сцену из голливудского гангстерского фильма. Тем более характерно, что и махновцы, и анархисты из «Набата» впоследствии трубили на весь мир о «революционности» гуляйпольского «батько», который, мол, отомстил Григорьеву за измену трудовому народу... Обе стороны тут были обоюдно хороши.

Тем временем малочисленные, но хорошо сплоченные отряды деникинцев продолжали наступление в глубь Украины. Вели они себя, мягко говоря, сурово: виселицы, расстрелы, а главное – попытка восстановления старого строя никак не могли понравиться местному трудящемуся населению, куда уж там. Потянулись на правую сторону Днепра потоки беженцев: телеги со скарбом, семьями и детьми, с мычащей от голода скотиной. Куда им было деваться, у кого искать опору и защиту? Ясно, у батько Махно. И он опять выполнил свою роль народного вожака.

В начале августа деникинские войска перешли нижнее течение Днепра, а 18-го заняли крупный промышленный город и порт Николаев. Огромные обозы беженцев двинулись от Днепровских порогов на северо-запад. Они пошли, влекомые слухами о страшных расстрелах и поголовных казнях; ясно, что это было преувеличение, но в эпоху народных потрясений реальность повсеместно заменяется ирреальностью. Махно и его сохранившиеся отряды возглавили это стихийное шествие, а главное – составили его арьергард, который оказывал какое-то сопротивление деникинским конным частям, хоть и очень малочисленным, но настойчивым в преследовании тех, кого их генералы почитали врагами.

Жуткое это шествие бегущего народа, многократно происходившее на всех пространствах бывшего государства Российского, еще ждет своего изобразителя. Поистине гениальны сцены бегства казачьих семей в «Тихом Доне»: «В

проулке образовался затор. Так плотно стиснулись повозки, что потребовалось выпрягать быков и лошадей, на руках выносить арбы к мосту. Хряпали, ломались дышла и оглобли, зло взвизгивали кони, быки, облепленные слепнями, не слушающая хозяйских окриков, лезли на плетни. Ругань, крик, щелканье кнутов, бабьи причитания еще долго звучали около моста».

Люди бежали, бросая дома и все нажитое тяжким и честным трудом, лишь бы спасти себя и близких от надвигавшегося насилия. Кровавая пелена опускалась над Россией.

...Огромный табор, растекшийся на много верст по степным украинским дорогам, продолжал движение. В безумном и перепутанном том мире махновцы пересекли путь советских частей, поспешно отступающих из Крыма и Одессы. Расстроенные эти части, утомленные долгим отступлением, руководились Ионой Якиром. Сын провизора, этот двадцатитрехлетний человек не имел никакого военного образования и опыта, но волею революционных переменчивых судеб стал «комдивом», а летом 1919-го выводил разбитые соединения красных к Киеву. Они напоролась на отступающих махновцев. Есть достоверные сведения тогдашнего подпольного Екатеринославского губкома большевиков, что 17 августа отступавшие остатки красных были махновцами разоружены, а некоторые комиссары и командиры тут же расстреляны: жестокость гражданской войны нарастала. Многие источники свидетельствуют, что немалая часть рядовых крас-

ноармейцев добровольно влилась в махновские ряды.

К середине сентября махновцы и беженцы достигли района Умани – это было уже недалеко от Винницы, тогдашней «столицы» Петлюры. Между обоими лагерями имелись старые кровавые счеты, но с трех сторон их окружали самые главные, самые непримиримые враги – деникинцы и Красная Армия. Пришлось пойти на переговоры – тем и другим это сделалось в данный момент выгодно: петлюровцы слабы, а махновский походный табор смертельно устал, нужно хоть отдышаться, а там... Галина Кузьменко хорошо запомнила эти напряженные дни:

– На переговоры с Петлюрой послали Шпоту, нарочно яркого украинца, говорившего литературным украинским языком; договорились о перемирии, дабы не проливать украинской крови, раненых, больных и ослабевших оставили на попечение петлюровцев под их честное слово.

Нет, действительно, истинный народный самородок был Нестор Махно! Раз пошловатому националисту Петлюре приятна игра в «украинскую кровь» – пожалуйста, мы, дескать, тоже хохлы, а не кацапы. Но Махно-то был умнее и дальновиднее спесивого политикана из бывших недоучившихся бухгалтеров: одновременно с льстивыми переговорами он издал (успел! в тех-то условиях!) прокламацию «Кто такой Петлюра?». В ней, по штампам тогдашней примитивной пропаганды, утверждалось, что «головной атаман» является «врагом трудового народа» и хочет «установить поряд-

док, угодный буржуазии»... Это была классическая «революционная пропаганда»: для своих одно, для чужих – иное. И так, «чужим» (петлюровцам) обещали все что угодно, своих же предупреждали: погодите... скоро мы их... сами понимаете...

Переговоры прошли, как известно, на станции Жмеринка (это южнее Винницы, на «петлюровской» территории). Махно уступать умел, когда ему ничего не стоило. Немного лет спустя Аршинов-Марин утверждал в своих весьма взвешенных воспоминаниях с необычной для него прямоотой и откровенностью: «Конечно, и Махно, и все остальные в армии видели, что нейтралитет этот фикция», но – «важно было выиграть время». Раскаявшийся позже перед Советской властью анархист Тепер, очевидец событий, рассказывал, что Махно собирался даже убить Петлюру (по их самобытному лексикону – «украсть»), но ему это не удалось. Словом, совсем по Бакунину: высшая цель оправдывает любые средства.

К вечеру 25 сентября деникинские части подошли непосредственно к огромному и нестройному махновскому табору. То были конные полки – 1-й Симферопольский и 2-й Лабинский – неполного состава: сильно поредевшие и уставшие, все же они представляли собой грозную силу регулярной армии, очень опасную для рыхлых партизанских объединений. Уже давно они преследовали бегущих махновцев, не раз наносили им частные поражения и, как получается в

таких случаях, презирали противника (это, учит опыт истории, опасно прежде всего для самих презирающих).

Что махновцам оставалось делать? Бежать некуда, кругом враги, пощады ждать не приходится, смерть ожидает за каждым кустом, из-под каждого оврага. Множество людей, даже боевых, в подобных случаях смятенно поднимают руки вверх и предаются судьбе. Но не таков был Махно. Положение кажется безвыходным? Люди теряют веру? Вот-вот разбегутся? Значит, вперед! Опрокинуть самоуверенного противника! Превратить поражение в победу есть наивысшее достижение военного или политического руководителя; вперед, смелее!

И вот в ночь на 26 сентября 1919 года махновские отряды неожиданно напали на белогвардейцев и опрокинули их. Разгром был полный: к утру оба вражеских полка были рассеяны и сами превратились в бегущих. Тогда-то Нестор Махно с истинно природным чутьем оперся на свои сильные стороны и использовал полностью слабости противника.

О боевых особенностях махновцев говорилось: быстрота, решительность, отвага. Генеральная же слабость деникинских белогвардейцев состояла в том (перефразируем тут известное выражение), что «узок был круг этих контрреволюционеров». Деникин, одаренный военный, патриот и безусловно честный гражданин, узко смотрел на мятежную Россию и, к несчастью для него, имел таких же близоруких помощников. Армия – и все, сила – и все, и никаких попыток

союза или временных уступок, с таким политическим кредо победить было трудно. И получилось, что сильнейшая в боевом отношении Добровольческая армия, грозные казацкие полки, бронепоезда, руководимые смелыми и умелыми командирами, – все эти силы тоненькой цепочкой располагались вдоль фронта с многочисленными врагами (красными, махновцами, петлюровцами, зелеными, кубанскими самостийными, кавказскими националистами). А в тылу? А там не имелось никакой политической опоры, только мало-мощные комендатуры да ненавистная всем «контрразведка» – подобие старой жандармерии.

Прорвав тонкую цепь деникинских войск, Махно со своими подвижными отрядами начал стремительный рейд по Южной Украине. Громить слабые белогвардейские власти не представляло трудной задачи; потом историки установили, что даже в Екатеринославе, крупнейшем центре края, никаких войсковых частей белых не имелось. Ясно, что решительно действующему Махно не составило большого усилия взять с ходу Кривой Рог, Николаполь, переправиться через осенний Днепр и снова оказаться в Гуляйполе. Здесь Махно не остановился на отдых и уж, конечно, не загулял, не запил, что приписывали ему потом бульварные писаки, а стремительно двинулся дальше.

Скорость продвижения махновцев прямо пропорционально соответствовала росту их сил. К народному вожаку, победителю деникинцев, которые тогда вели неодолимое, как

казалось многим, наступление на Москву, с восторгом присоединялось несметное число селянской молодежи, а ружья были тогда в каждой хате. По данным советской разведки, в ту пору у махновцев имелось 28 тысяч штыков и сабель при 50 орудиях и 200 пулеметах – грозная сила, хоть плохо сколоченная. 23 октября отряды Махно заняли Мариуполь – это было не только смелое, но и стратегически правильное решение: в ста километрах по прямой степной дороге находился Таганрог – тогдашняя ставка генерала Деникина.

Это была серьезная угроза белогвардейскому командованию Юга России, которое всегда недооценивало силу местных партизан и повстанцев. Один из приближенных генерала поведал в поздней эмигрантской книге, что Деникину предлагали даже покинуть ставку, но тот совету не внял, и правильно сделал. Однако пришлось принимать серьезные меры: из скурых резервов белые направили против Махно несколько конных и пехотных частей, сам Деникин с огорчением рассказывал об этом в своих мемуарах: «Положение складывалось грозным и требовало мер исключительных». Против Махно направили Терскую, Чеченскую конные бригады, а также бригаду донцов и три пехотных полка и некоторые другие мелкие части под общим командованием генерала Слащева (и это – подчеркнем! – во время самых острейших столкновений белых с красными!).

Ясно, что регулярные войска белой гвардии на голову превосходили нестройных партизан, силы их оказались нерав-

ными, хотя и разночисленными. Части корпуса генерала Слащева вдребезги разбили махновские отряды и не только отбили Мариуполь, но даже отбросили их за Днепр, захватив, как свидетельствовал один из очевидцев, до 200 брошенных тачанок.

Военной силы у Махно от этого не убавилось, она постоянно пополнялась молодыми добровольцами, а вот у Деникина дело обстояло как раз наоборот: разбитые красными под Воронежем белые войска начали стремительно и безнадежно откатываться к Черному морю.

Красное командование понимало, какую выгоду приносят махновцы в борьбе с главным своим вооруженным противником – белой гвардией, даже, по-видимому, переоценивало их тогдашние возможности. В начале октября 1919-го авторитетный член Политбюро И.Сталин, много занимавшийся военными вопросами (в пику своему противнику Л.Троцкому), был назначен комиссаром (членом Реввоенсовета) Южного фронта – именно этот фронт нес основную тяжесть борьбы с добровольцами. Ознакомившись с положением дел, Сталин предложил нанести удар по Деникину через Донбасс, исходя, в частности, из того, что это оставит Добровольческую армию «на съедение Махно». Неважно, какую оценку следует давать этому сталинскому плану, важно, сколь высоко оценили боевые силы махновцев в советских верхах.

Бои между Махно и слабеющими белогвардейцами некоторое время шли с переменным успехом, пока махновцы в

ночь на 9 ноября вновь взяли Екатеринослав, в победный бой их вел сам батько. То было, несомненно, одно из крупнейших военных достижений Махно, ставших венцом его славы по всему Левобережью, главнейшей его социальной опоры. Людская молва по всей Украине разнесла славу о Несторе Махно как о победителе Деникина.

* * *

Итак, Махно оказался примерно в такой же обстановке, в какой был год назад – на исходе 1918-го: белые с красными дрались где-то в стороне, петлюровцы попыток наступления не делали, поэтому огромное, густонаселенное пространство вновь оказалось под властью махновских атаманов. Местные интеллигенты иронически называли тогдашний свой край «махновией», ее «столицей» на некоторое время стал Екатеринослав.

Прошедший бурный год не прошел даром для сметливого Нестора Махно, да и атаманы его и «комиссары» из числа анархов поднабрались кое-какого политического опыта. Несколько месяцев, не испытывая серьезного внешнего давления, правил Махно в своей «махновии», поэтому чрезвычайно важно присмотреться к этому, так сказать, «гражданскому строительству».

В нашей исторической литературе немало писалось о классовой природе махновщины – каково там было воздействие кулаков, середняков и все такое прочее (в своей прежней статье и мне отчасти пришлось разделить этот грех). Эти построения умозрительны, они шли от марксистской догмы, никаких реальных данных отыскать тут нельзя. В этом смысле совершенно точно выступил на Всеукраинской партконференции (1920 год) один из видных коммунистических деятелей Яков Яковлев (острота обстановки вынуждала к откровенности): «В махновском движении трудно отличить, где начинается бедняк, где кончается кулак. Это было массовое крестьянское движение».

Махно, вожак восставшего вооруженного народа, диктаторскими задатками явно не обладал. Конечно, он был крут, отправить человека на расстрел ему не стоило ничего, но... такое уж времечко, а он никак не хуже многих прочих. Вспыльчив бывал, гневлив, нервы его явно подводили. Вот, скажем, рабочие депутаты города Александровска резко оспорили какое-то решение махновцев. В ответ Махно за своей подписью публикует в газете повстанцев «Путь к свободе» грозное письмо в их адрес, называя рабочих-делегатов «ублюдками буржуазии», а в другом месте даже – «прислужниками Деникина» (1 ноября 1919). Обвинения хуже нет, и что же? Убили бедных работяг? Да ничуть не бывало, отправили восвояси. При товарище Троцком такие вольности даром бы не прошли и при генерале Слащеве тоже: один бы

всех непокорных расстрелял, другой бы повесил...

Уже 27 октября махновское командование созвало съезд делегатов из предводителей повстанческих частей, крестьян окрестных волостей и рабочих близлежащих заводов. Пытались управлять собранием присные Махно, анархи вроде Аршинова и «дяди Волина», но худо-бедно какое-то народоправство все же соблюдалось. Съезд принял решение о мобилизации в махновскую «армию» ни много ни мало как двадцати возрастов (от 19 до 39), призыв этот, опять-таки согласно анархистским догмам, объявлялся «добровольным и уравнительным»; решение было принято легко, ибо екатеринославским селянам с трех сторон угрожали красные, белые и петлюровцы, которых большинство местных крестьян и рабочих не принимали.

Было также проголосовано о создании повсеместно «вольных безвластных советов». Что означает второе из этих трех слов, никто из махновцев точно не знал, зато первое, напротив, воспринималось положительно, ибо на деле уже все поняли, как выглядят советы при большевистских ревкомах, белогвардейских и петлюровских комендантах. Разумеется, народоправство в «махновии» было далеко до совершенства, куда уж! При Махно тоже, по примеру большевиков и некоторых иных левых партий, образовался свой «революционный военный совет». Входили в него, помимо старших наставников Махно Аршинова и Волина, анархи самого бунтарского толка: И.Тепер, И. Эмигрант (Готман),

Я. Алый (Суховольский), А. Барон (Полевой) и еще некоторые. По свидетельству Галины Кузьменко, почти весь махновский «реввоенсовет» состоял из евреев. В свою очередь, Тепер жаловался позже, что через жену Махно на него, дескать, оказывали дурное влияние «украинские националисты». Это явное преувеличение, Галина Андреевна была и осталась до конца дней своих украинской патриоткой, но без всяких крайностей; кстати, с мужем и дочерью они говорили по-русски.

«Реввоенсовет» издавал газеты, выпускал листовки, устраивал митинги и проч. Никаких особых властных привилегий он не имел, а на авторитет батько его члены и не думали покушаться. Анархизм по-прежнему был лишь внешней приметой, махновцы отстаивали независимость

областей, им подвластных, являя образец некой новой пугачевщины со своими «енералами» в лице атаманов батько. Как бы то ни было, но, по свидетельству мемуариста М. Гутмана, печатавшегося в эмиграции и резко отрицательно относившегося к Махно, в Екатеринославе батьковы хлопцы вели себя куда пристойнее, чем недавно занимавшие город казаки Шкуро. Этому следует верить, ибо в «махновии» действовали многие партии, свободно существовали профсоюзы, даже местные большевики начали выпускать вполне легальную газету «Звезда» (правда, вышло лишь несколько номеров, но и сама «махновия» просуществовала недолго).

Конечно, власть всякой военщины, а партизанской тем

более, для людей не сахар. Сам Нестор Махно, не будучи злодеем или тем паче изувером, невольно порой поощрял произвол и насилие. Известно, например, из бесспорных источников, что начальнику Екатеринославского гарнизона махновцев он выдал охранную грамоту следующего своеобразного содержания: «Знаю Скальдицкого как честного человека. Всякий, кто ему не верит, – подлец.' Батько Махно». Сохранилось множество достоверных свидетельств о казнях, насилиях и грабежах (порой пышно называвшихся «экспроприациями»), но ведь напомним: «подешевел человек за революцию»... Наладить положительную гражданскую жизнь махновцы были, конечно, не способны. Вот одно лишь описание, довольно красочное. Очевидец рассказывает о сцене, которая наблюдалась им в небольшом городке Бердянске, в ту пору входившем в «махновию»:

«На площадке против комендатуры собралось человек 80 – 100 махновцев и толпы любопытных. На скамейку поднялся комендант города, молодой матрос, и объявил: „Братва! Мой помощник Кушнир сегодня ночью произвел самочинный обыск и ограбил вот эту штуку. – Он показал золотой портсигар. – Что ему за это полагается?“ Из толпы два-три голоса негромко крикнули: „Расстрелять...“ Это подхватили и остальные махновцы, как, очевидно, привычное решение. Комендант, удовлетворенный голосованием приговора, махнул рукой, спрыгнул со скамейки и тут же из револьвера застрелил Кушнира. Народный суд окончился, а махнов-

цы, только что оравшие „расстрелять“, довольно громко заявляли: „Ишь, сволочи, не поделили“; комендант же, опустив портсигар в карман брюк, отправился выполнять свои обязанности. Так осуществлялось на деле махновское „народное правотворчество“.

Заняв тот или иной город, махновцы считали необходимым разрушить тюрьмы, так как «свободному народу они не нужны». П. Аршинов подробно рассказал о подобных событиях, которые иногда превращались в настоящие театральные действия. Тюрьмы обычно взрывались, а находившиеся в них уголовники отпускались на свободу, часто пополняя собою махновские отряды. Гораздо хуже приходилось политическим противникам махновщины. К ним применялась только одна мера наказания – смерть. В Екатеринославе махновцы уничтожали не только пленных офицеров белой армии, но и членов их семей. Расстрелы происходили на берегу Днепра, а трупы бросали в воду. В этом принимал непосредственное участие и сам батько, а его лейб-палач Задов собственноручно душил людей.

Еще хуже обстояло дело в «махновии» с жизнью хозяйственной: помимо общих причин – разрухи, распада привычных экономических связей и т. п. – здесь сыграл роль убогий анархистский догматизм, вредный, как и всякий иной. Махновцы разрешили хождение всех видов денежных знаков, от царских и деникинских до советских, анархистские идеологи страшно гордились этой мерой как ар-

хиреволюционной. Не надо быть финансистом, чтобы понять: подобное привело к полному хаосу денежного обращения. В коллекции автора есть купюра времен Временного правительства («керенка») достоинством в пять рублей, на которой стоит грубая надпечатка, выполненная резиновым штампом на украинском языке: «Гоп, кума, не

журишь, у Махно гроши завелись». Если бы от махновской «экономической политики» осталась бы только эта ассигнация, добавлять уже ничего не надо.

Однако добавим. Один деятель профсоюзов Екатеринослава вспоминал по горячим следам событий, как в ноябре 1919-го к ним на заседание явился один из махновских атаманов (имя его в источнике не названо). Новоявленный Адам Смит заявил буквально следующее: «У вас есть заводы. Мы освободили „ас от золотопогонников, теперь устраивайтесь сами. На заводах есть железо, есть проволока, канаты, ремни; продавайте это или меняйте на хлеб. Мы вам мешать не будем, наше дело воевать“. Пояснять тут что-либо тоже нет необходимости...

Как всякие популисты, махновцы заботились о «простом народе». Они конфисковали все ценности банков, ломбардов, кредитных обществ, а «реввоенсовет» оказывал денежную помощь неимущим. Очевидец рассказывает, что к местам выдачи выстраивались тысячные толпы, решение принималось предельно просто, то есть по наитию раздающего, но суммы бывали порой немалые – до 1000 рублей, а фунт

хлеба стоил тогда на местном рынке 5 – 6 рублей. Зато яростно боролись с «золотопогонниками»: нескольких молодых людей, замеченных на улицах Екатеринослава в офицерских сапогах и галифе, убили без всяких разбирательств. Махновский съезд «безвластных советов» постановил, что правосудие должно быть «живым, свободным, творческим актом общезнания». То есть законов не надо, будем судить «по совести»; к чему подобное приводило в нашей стране, рассказывать не надо, будь то у махновцев или любых иных.

Тем временем обстановка в огромной стране быстро менялась. Южнорусская белая гвардия к исходу 1919-го потерпела от Красной Армии решающее поражение, 12 декабря белые оставили Харьков и покатались по двум направлениям – в Новороссийск и Крым. Генерал Слащев отступал с остатками белых войск к Перекопу. 8 декабря он прошел через Екатеринослав, но это был не захват города, а бегство через Днепр. В воспоминаниях, опубликованных в советской печати в 20-х годах, Слащев (он, кстати, быстро вернулся из эмиграции и стал служить в Красной Армии) весьма пренебрежительно отозвался о боевых качествах махновских войск. Конечно, с точки зрения военного-профессионала он прав, но эта правота все же поверхностна: как-никак, а отступать приходилось тогда не Махно, а самому генералу Слащеву.

Красные почти без боев занимали Украину вслед за бегущими белогвардейцами. И вот в самом начале нового 1920

года вновь состоялась встреча Нестора Махно и его воинства с наступающими советскими частями: в Екатеринославщину вступила 14-я армия советского Южного фронта.

И опять встреча рядовых красноармейцев с повстанческими хлопцами оказалась дружественной, даже убежденный антикоммунист Аршинов признал позже, что она была «теплая, товарищеская», обе стороны проводили совместные митинги и т. п. Немалое число бывших махновцев влилось в части Красной Армии, есть сведения, что целыми отрядами иногда переходили, особенно в бригаду популярного на Украине Григория Котовского. Все это понятно и естественно: трудовые низы России и Украины дружно не принимали белогвардейских реставраторов и наивно полагали, что сейчас, после падения белогвардейщины, начинается наконец мирная и свободная жизнь, которую им давно с разных сторон обещали. Но не тут-то было...

Красным дальнейшие события были ясны изначально. 7 декабря 1919 года Л. Троцкий выступил на VII Всероссийском съезде Советов. В настоящее время, откровенно объяснял он, махновцы «представляют опасность для Деникина», но предупреждал грозно: «Завтра, после освобождения Украины (то есть установления там ревкомов и комбедов. – С. С.), махновцы станут смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства». (Ну, сколько было в тогдашнем «государственном руководстве» подлинных рабочих и крестьян, вспоминать не станем.)

У Махно и его атаманов тоже не имелось никаких сомнений относительно будущих взаимоотношений с коммунистической властью. Никаких заявлений их по этому поводу скудные источники не сохранили, но действия были выразительны и однозначны: Махно и его штаб, анархистские «комиссары», а также наиболее сильные и сплоченные отряды распадающейся под обаянием «теплой встречи» махновской многочисленной и разноликой «армии» в том же январе отступили из городов и сосредоточились в степных пространствах вокруг Гуляйполя. Обе стороны ожидали обострения событий, и оно последовало незамедлительно.

Получив соответствующие директивы от Троцкого, реввоенсовет 14-й армии (командарм И. Уборевич, комиссары Г. Орджоникидзе, М. Рухимович) отдал приказ «товарищу Махно» со всеми его частями передвинуться на советско-польский фронт по маршруту Александрия – Черкассы – Чернигов – Ковель. Ну, всем понимающим было тут ясно: оторвать Махно и его гвардию от близкой социальной среды, а там... там посмотрим и решим. В истории гражданской войны происходило немало случаев, когда командиры народной вольницы шли на такие соглашения, ближайший пример – тот же Котовский, немало склонный когда-то к анархизму: перешел на сторону большевиков и был обласкан. Но не таков был Нестор Махно.

Природным своим умом он чувствовал, к чему его понуждают. А ведь он не ведал о тогдашних телеграфных перегово-

рах, которые за его спиной вело красное командование вполне откровенно (ибо секретно). В 1929 году один из комбригов 14-ой армии Ф. Я. Левинзон опубликовал тексты переговоров в январе 1920-го по прямому проводу между Уборевичем и комдивом Якиром:

«Уборевич: Соответствующее отношение Махно к этому приказу дает нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения.

Якир: Я лично, зная Махно, полагаю, что он ни в коем случае не согласится.

Уборевич: Приказ является известным политическим маневром, и только, мы меньше всего надеемся на положительные результаты в смысле его исполнения Махно».

Да, прекрасно знали отдавшие приказ, что он для Махно и его движения невыполним, отлично отдавали себе отчет, к каким кровавым последствиям это приведет, но... Примерно так же осуществлялись тогда политические решения в Бресте или в Версале, в Москве или Гуляйполе, и не важно, были то генералы в орденах, дипломаты во фраках, комиссары в скромных гимнастерках или атаманы в косматых папах. Короче, с обеих сторон разыгрывался совместный сценарий, как игра в четыре руки.

Набравшийся политического опыта Нестор Махно с ответом не спешил – мало ли что увидится на быстро изменяющемся горизонте... Его усиленно заманивали на переговоры к красным, но он отправил туда несколько своих второстепенных людей (вряд ли он и его приближенные сомневались в их дальнейшей судьбе). 22 января такая встреча состоялась, посланцы Махно повторили наказы своего батько, а тогда он сам и все его воинство поспешным декретом Всеукраинского ревкома были объявлены вне закона (это очень популярная мера Советского государства времен гражданской войны: с человеком, группой лиц и с целым общественным слоем после можно было творить что угодно).

Перевес в силах и организованности был у красных, они и нанесли первыми заранее подготовленный удар. Те махновские отряды, которые не успели ускользнуть в степи, беспощадно разгромили. Прикрыли все анархистские центры, а «дядю Волина» даже захватили в плен в Кривом Роге, где он пытался укрыться (и вот любопытно: не тронули старого революционера, отпустили даже за рубеж, а уж скольким простым хлопцам снесли тогда головы – про то один Господь ведает). Но силы у красных были слабоваты для решающей победы, к тому же их главные противники – белогвардейцы сохранили свой боевой костяк и закрепились в Крыму: опасность уменьшилась, но оставалась.

Сыпной тиф косил тогда Россию, не разбирая красных, белых, зеленых и всех прочих. Заболел тифом и Махно, од-

нако его надежно укрыли преданные люди. Долго промучился слабый телом Нестор, но жена и близкие выходили его, а чекисты так и не смогли обнаружить укрытия. Лишь к концу зимы он оправился и вновь сел в боевую тачанку.

С февраля по осень 1920 года махновцы провели в бесконечных скитаниях по Левобережью и постоянных жестоких стычках с советскими боевыми частями, тыловыми подразделениями и местными органами Советов, а особенно беспощадно с продотрядами и их опорой на местах – комбедами (на Украине они именовались «комне-замами», то есть «комитетами незаможных селян»). Пересказывать эти подробности тяжело и исторически совершенно не интересно: то они уничтожают мелкий отряд красных, то их отряд – красные. Но здесь следует процитировать обширный и ни разу полностью у нас не опубликованный документ, а именно – дневник Галины Андреевны Кузьменко, волею обстоятельств попавший в советские архивы и благополучно сохранившийся там до наших дней.

Тут следует привести некоторые подробности. Дневник этот, написанный в тетради на украинском языке, захвачен красными в одной из бесконечных мелких стычек с махновцами весной 1920-го, тогда же частично опубликован в советской печати. Сперва приписывался этот документ некой Феодоре Гаенко, называемой женой Махно, позже авторство приписали правильно – Галине Кузьменко. В чем тут дело, почему такая возникла разноголосица? Это был один из пер-

вых вопросов, с которым я обратился к Галине Андреевне, и получил от нее обстоятельную справку.

– Нестор очень хотел, чтобы история движения (так и только так именовала Г. А. махновщину. – С. С.) была записана. При штабе был один гимназист, которого специально держали для ведения дневника, потом эти материалы отдали Аршинову (возможно, он положил их в основу своей книги. – С. С.). Я тоже вела дневник, тетрадь одолжила у Фани Гаенко, она была молодая женщина, любовница Льва Задова, на первой странице тетради ее рукой была написана ее фамилия, а всю тетрадь записала я. Как-то мы с Фаней ехали по дороге в повозке, когда – не помню, но было холодно, я была в шапке, появились красные кавалеристы, нас не тронули, но выпрягли лошадей, оставив нам своих, загнанных. Чемодан с вещами был на другой повозке, его забрали, а там лежал дневник. Потом в какой-то советской газете появилась статья о дневнике жены Махно Феодоры Гаенко. Аршинов сердито опровергал, но на самом-то деле дневник вела я.

Дневник Галины Кузьменко в переводе с украинского подлинника передал автору Илья Альтман, сотрудник Центрального архива Октябрьской революции, за что выражаю ему сердечную признательность. Документ пролежал в наглухо запертом хранилище семьдесят лет. Дневник, точнее – одна его сохранившаяся тетрадь – охватывает короткий срок: с 19 февраля до 28 марта 1920 года (видимо, как раз в конце марта чемодан Галины Кузьменко и захватили крас-

ные). Всего тридцать семь дней, но какие это были дни!

«19 февраля нового стиля 1920 года. Сегодня утром выехали из с. Гусарки. Часов в одиннадцать утра приехали в с. Конские Роздоры. Тут наши хлопцы обезоружили человек 40 красных. Из этого же села к нашему отряду присоединились несколько хлопцев. Стояли тут недолго, часа три, после чего переехали в Федоровку.

20 – 21 февраля. Переночевали в Федоровке на старой квартире. Утром послали разведку в Гуляйполе. После обеда выехали из Федоровки. По дороге встретили своего посланца, который известил, что в Гуляйполе стоит человек 200 – 300 красноармейцев. Наши решили ночью сделать налет и обезоружить красных. Вечером мы прибыли в с. Шагарово, где и остановились на несколько часов. Отсюда снова была послана разведка, которая должна была выяснить расположение как начальников, так и войск (красных). Часов в 12 ночи выехали из Шагарово на Гуляйполе. По дороге нас известили о расположении вражеского войска. Быстро мы въехали в с. Гуляйполе и разместились на околице, а все пригодные к бою хлопцы пошли сразу к центру, а потом и дальше обезоруживать непрошенных гостей. Красноармейцы не очень протестовали и быстро сдавали оружие, командиры же защищались до последнего, пока их не убивали на месте. До утра почти 3/4 6-го полка

было обезоружено. Часть, которые еще оставались не обезоруженными и до которых дошла наконец очередь утром, сразу начали храбро отстреливаться, но быстро узнав, что их товарищи уже обезоружены, и сами сдали оружие. Очень замерзли и устали наши хлопцы, пока покончили с этим делом, но наградою за этот труд и мучения у каждого повстанца было сознание того, что и маленькой кучке людей слабых физически, но сильных духом, вдохновленных одной великой идеей, можно делать большие дела. Таким образом, 70 – 75 наших хлопцев за несколько часов одолели 450 – 500 врагов, убили почти всех командиров, забрали много винтовок, патронов, пулеметов, двуколок, коней и прочего.

Покончив с этим делом, хлопцы разошлись кто куда – кто пошел спать, кто домой, кто к знакомым. Мы с Нестором тоже поехали в центр. Кое-что купили, кое-кого навестили и вернулись на свою квартиру. Начали собираться обедать, когда вдруг влетает в хату Гаврюша и говорит, чтобы скорее запрягали лошадей, потому что с горы по пологовской дороге спускается вражеская кавалерия. Быстро все собрались и выехали. В центре остались Савелий Махно, Воробьев и Скоромный. Когда выезжали из села, в центре была жуткая перестрелка. Часа через два мы были уже в Санжаровке. Тут постояли часа три и вечером переехали в Вилоговку, где и переночевали.

22 февраля. Встали, позавтракали и выехали через Успеновку на Дибривку. Успеновские хлопцы обещали приехать к нам в Дибривку. В Дибривке

встретились с товарищем Петренко, который уже начал со своими хлопцами работу и начал хвастать, как обезоруживал небольшие части, которые заезжали в Большую Михайловку. Встреча была очень радостная. Петренко сразу заявил, что идет с нами. Переночевали в Дибривке. 23-го я ночью угорела, целый день чувствовала себя плохо. Утром, часов в 10, наши хлопцы схватили двух большевистских агентов, которых расстреляли. После обеда выехали на Гавриловну. В Гавриловне захватили двух агентов, которые забирали скот, а также одного инженера, который приехал устраивать ревкомы и исполкомы, а также выяснить, кто воюет с Петлюрою, с Махно и с Деникиным. Тут мы переночевали. Был митинг.

24 февраля. Кажется, сегодня выедем отсюда. Тут остается Феня. Убито двое. Из Гуляйполя приехали члены Культпросветкомиссии, которые не успели выехать одновременно с нами, и рассказывают, что коммунисты убили старого Коростылева и была перестрелка между Савкой Тыхенко и другими большевиками. Ходят слухи, что Савка убит. После обеда выехали из Гавриловен через Андреев-ку на Комарь. Тут был митинг. Греки страшно хотели видеть батько, но он отказался выйти. Они постояли возле квартиры и разошлись. Тут на квартире учительницы «цокотухи» переночевали.

24 февраля. Сегодня Феня оставила нас. Нестор сказал: «Вот Феня осталась – и жалко». Мне тоже жалко, что она осталась. Но для нее это лучше. Как

выяснилось, она нужна была только мне, и то не всегда, остальным же она была обузой, и они в большинстве относились к ней враждебно. Я в таком положении не хотела бы быть, не хочу, чтобы была в нем и она. Оставила нас – и хорошо сделала. А я?!. А мысль была остаться где-нибудь вместе с ней. Была... А почему же я не осталась? Или и правда испугалась того, что меня уже в Гавриловне видели и знают люди? Нет! Или, может, потому, что Нестор сказал сгоряча: «Если останешься, то не считай больше меня своим мужем»? Тоже нет! Напротив, тут-то непременно бы осталась... Может быть, то, что Нестор пообещал мне сменить обстоятельства? Все не так! Так что же? что? ... Да известно что. Апатия, безразличие ко всему на свете, физическое и духовное бессилие... Эх... какое занудство, какая гадость! не хватило духу довести мысль до чувства.

25 февраля. Выехали из Комаря на Большой Янисель. Тут встретили двух хлопцев. Все выжидают, пока коммунисты сильно допекут. Постояли в Большом Яниселе недолго, ибо получили известия, что туда идут коммунисты в численном большинстве. После обеда переехали в Майорское. Тут поймали трех агентов по сбору хлеба и прочего. Они расстреляны. Сегодня приезжий гуляйпольский житель подтвердил слухи про то, что Савку и еще какого-то хлопца, который был с ним, убили коммунисты. В Яниселе узнали, что Лашкевич и Кожин арестованы красными.

26 февраля. Переночевали в Майорском. Стоим

пока тут. После обеда выехали через Кременчуг на Свято-духовку.

27 февраля. Ночевали в Святодуховке. Часов в 10 утра выехали на Туркеневку. Остановились в школе Лупая. Принимали очень радушно. Только пообедали – слышим в селе стрельбу. Выскочили во двор. Выяснилось, что человек 25 кавалеристов ворвались в село со стороны Успеновки и начали стрелять по нашим. Вмиг все наши поднялись на ноги и застрочили по ним из пулемета, а человек 10 кавалеристов погнались за ними. Выбежали на село на гору и быстро исчезли за холмом. Вдруг через несколько минут на вершине показалась цепь пехоты, а между пехотой – кавалерия. Быстро на небосклоне стало появляться все больше и больше войска, которое рассыпалось в цепь и начало идти на Туркеневку. Выделилось человек 30 кавалеристов и двинулось левым флангом в обход. Наши хлопцы, увидев это, быстро возвратились. Мы стояли часа полтора и наблюдали за вражеской цепью. Она сначала шла, потом остановилась, постояла и стала неохотно собираться в кучу. Было видно, что большой охоты наступать фронтом на село не было. Много наших хлопцев были за то, чтобы дать бой, но многие были и против. Врагов было значительно больше, да и в нашу задачу не входило давать пока бои красным, если для этого не было жгучей необходимости. Мы выехали из села. Когда они увидели, что мы оставили село, снова цепью начали наступать. Мы вечером приехали в Шагарово, накормили лошадей и ночью выехали через

Гуляйполе, Варваровку на Башаул. Ужасно утомили лошадей и сами утомились. Дорога очень трудная – снег намок и почти половина его уже растаяла. Ни санками, ни тачанкою ехать невозможно.

28 февраля. Сегодня встали поздно, потому что вчера поздно и утомленными легли. Вчера вернулись хлопцы, которые оставались в Гуляйполе. Сегодня приехали к нам Данилов, Зеленский и еще несколько, своих старых хлопцев. Ночуем в Башауле.

29 февраля. На улице непогода. Вода из снега, грязь, туман. Ехать будет очень трудно. Пока еще стоим на месте. Позавтракали и выехали на Воздвиженку. Навестила Рыбальских.

1 марта. Получили известие, что в Рождественке (5 верст) – кавалерия и обоз. Ночью приезжали оттуда разведчики и побили одного дядьку за то, что тот на вопрос: «Кто в селе и сколько?» – дал ответ: «Не знаю».

. Позавтракав, выехали на Варваровку. Когда выезжали из села, увидели дедку с обрезом, который вышел для того, чтобы убить жену Кольчиенко, которая ехала с отрядом. Дедка этот был отцом Кольчиенко, у него живет первая жена последнего с тремя детьми. Обиженный поступком сына, старенький отец вместе со своей опозоренной невесткой решили, что во всем виновата «она» и что пусть лучше погибнет «она», чем погибнут четверо. Подъехали к дедку хлопцы и говорят: «Отдай, дед, обрез». – «Берите, – говорит, – я и без обреза ее, подлюку, убью». Хлопцы, смеясь, проехали. Проехал другим переулком и сын с кавалерией, и

«она» на тачанке, а дедка постоял, потоптался на месте, посмотрел нам вслед и поплелся назад в село.

В Варваровке узнали, что в Гуляйполе коммунисты. Будучи с разведкой впереди, встретили о. Стефана, который рассказал, что командир полка тот самый, который был тогда, когда мы обезоруживали 6-ой полк, и который тогда успел скрыться. Постояли в Варваровке около часа и двинулись на Гуляйполе. Приблизившись к селу, узнали, что красные делают обыски и кое-кого арестовывают. Дальше узнали, что они быстро выезжают. Выслано было вперед два пулемета и человек 10 – 12 кавалеристов, которые и погнались за красными. Мы все выехали в село и разместились в своем «уголке». Скоро приехали хлопцы из погони и известили, что ранен и пленен командир Фе-дюхин, много красноармейцев ранено, многие разбежались по полю, и человек 75 гонят пленных. Батьке захотелось видеть командира, и он послал за ним, но посланец быстро вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним, раненым, и по его просьбе пристрелили его. Пленных же, предупредив, чтобы в третий раз не попадались, ибо живыми не отпустят, – распустили.

Из документов выяснилось, что Федюхин после обнаружения своего 6-го полка сформировал снова «карательный отряд», которому поручено было «производить обыски и реквизиции», а также производить аресты подозрительных лиц в районе махновских банд. Постояли в Гуляйполе часа 2 и

вечером выехали на Новоселку.

2 марта. Переночевали и целый день простояли в Новоселке. Отдохнули немного и кони, и люди. Коммунистов близко не слышно. Часов в 10 утра сегодня поднялись было все на ноги из-за того, что внезапно поднялась стрельба. Как потом выяснилось, это наши неосторожно пробовали пулемет, так что пули ложились у нас во дворе.

Вчера с гуляйпольского лазарета вышло хлопцев 8 и поехали с нами. Сестры милосердия тоже покинули лазарет, где остались только красные, и тоже стали просить, чтобы мы их взяли с собой. Хлопцы взяли их. Ночью сегодня хлопцы взяли миллиона два денег, и сегодня всем выдано по 100 рублей.

Ночуем здесь.

3 марта. Позавтракав, выехали на Конские Роздоры. Проезжая через Федоровку, узнали, что сегодня там были 6 кавалеристов, которые попросили приготовить 50 пудов ячменя и несколько печеных караваев, а также сказали, чтобы сегодня федоровцы ждали Махно.

Прибывши в Роздоры, узнали, что тут красные отомстили невинным роздорцам за то, что нами было убито тут пять коммунистов, – они расстреляли председателя, старосту, писаря и трех партизан. В волость была брошена бомба. Хозяйку, у которой мы остановились, избили красные, и все имущество в доме пограблено. Ночевать остановились тут. На дворе ненастье. Сейчас идет дождь. Дорога теперь очень трудная.

4 марта. Печальный сегодня день. Встали под выстрелы из винтовок. Быстро собрались и приготовились. Ночью с Полог приехали красные и стали на рассвете наступать. Еще ночью враги захватили двух наших кавалеристов и арестовали человек 20 местных повстанцев. Товарищ Середа с пулеметом, как и всегда, первый вклинился своею тачанкой во вражеский стан. От него не отставал и второй пулеметчик, т. Литвиненко. Кавалерия наша еще не успела подскочить, как силы красных из пулеметов и винтовок застрочили по вырвавшимся вперед махновцам. На этот раз нашим героям не повезло: вражеская пуля попадает Литвиненко прямо в лоб, вторая пуля тяжело ранит Середу, третья убивает коня в тачанке, четвертая пронизывает плечо кучера. Тут только прискакала наша кавалерия, подоспела и пехота и вынудила врага показать пятки. Наши взяли три пулемета, человек 20 убили эстонцев и поляков, многих ранили и отбили арестованных махновцев. Далеко за врагами гнались. Скоро собрались вместе, простояли еще часа два и выехали в Федоровку. С нами выехали человек 25 роздорцев. Смерть т. Литвиненко произвела на многих тяжелое впечатление – давно уже наш отряд не имел такой утраты, как сегодня.

5 марта. Все тихо и спокойно сегодня. На улице светит солнышко и вместе с ветерком здорово сушит. Снег почти уже растаял – остался только по балкам и по лощинам, а на пригорках уже просохло и выбивается из земли молоденькая травка. Озимые в степи начинают

зеленеть. Вчера видела на поле мышь, которая уже вылезла из земли, почуяв весну.

Проведали раненого Середу. Он поправится, только ему нужен покой. Его и кучера мы оставляем тут. Навестил нас Иваненко, известив про то, что Капельгородский арестован.

Приехал Голик с Гуляйполя, напечатал обращения к крестьянам и рабочим. В Гуляйполе и окрестностях сейчас никого нет.

6 марта. Позавтракав, выехали с Федоровки на Новоселку. Остановились на старой квартире. Хозяин тут очень симпатичный человек. Сегодня он нагнал самогон и угостил нас. Нестор выпил и вел себя относительно меня очень нахально.

7 марта. Часов в 8 утра выехали из Шагарово, оттуда на Гуляйполе. Дорога невозможная. Шестеро лошадей не в силах тянуть одну тачанку. Еще с Новоселки «батько» начал пить. В Варваровке совсем напился как он, так и его помощник Каретник. Еще в Шагарово «батько» начал уже дурить – бессовестно ругался на всю улицу, верещал как ненормальный, ругался и в хате при малых детях и при женщинах. Наконец сел верхом на лошадку и поехал на Гуляйполе. По дороге чуть не упал в грязь. Каретник уже начал дурить по-своему – пришел к пулеметам и начал стрелять то с одного пулемета, то с другого. Засвистели пули низко над хатами. Поднялась паника. Тогда быстро выяснилось, что такую стрельбу поднял сдуру пьяный Каретник.

Приехали в Гуляйполе. Тут под пьяную команду

бацько пачалі вытворыць нешта немагчымае. Кавалерысты пачалі біць нагайкамі і прыкладамі ўсех бывшых партызан, такіх толькі сустрачалі на вуліцы.

Сёння воскрэсеньне, дзень ясны, тэплы, людзей на вуліцы многа. Усе вышлі, глядзяць на прыехавшых, а прыехавшыя, як бешеная дзікая орда, мечуцца на конях, налетаюць на невінных людзей, ні с таго ні с сёго пачынаюць біць, гаварыўшы: «Гэта табе за тое, што не берэш вінтовку!» Двум хлопцам разбілі галовы, загналі па плечы аднаго хлопца ў рэчку, ў якой яшчэ плавае лёд. Людзі спугаліся, разбежаліся. Сталі ворчаць тыхонька гуляйпольцы па углам, а адкрыта баяцца высказваць сваё неадольства супраць махновцаў – страх напал на ўсех... Да і праўда, як забітым, запуганым, замученым, абобраным, абессіленым ўсякімі ўладамі крэсьціянам пратэставаць супраць насілля п'яных махновцаў – іх сёньня сіла, іх і воля.

12 марта. Дні стаялі ў Гуляйполе. Сюда прыехаў Та-рановскі. Прыехалі сюды яшчэ чалавек 35 хлопцаў с лошадзьмі, толькі седла ёсць не ў ўсех. 10 марта вечаром па палогоўскай дарозе паказалася кавалерыя. Выехалі ім наўстрэчу і абстрэлялі. Со староны кавалерыстаў не было ні аднаго выстрэла. Прыехавшых ўзялі ў пален. Выяснілось, што гэта 23 чалавека красных, прысланых із Таганрога мабілізаваць лошадаў. Іх абезорузілі і адпусцілі. 11 марта вечаром был спектакль, посвященный памяти Т. Г. Шевченко. Наших там было много. Все прошло хорошо.

Все эти дни много пили. Скандалили много. Выпивши, батько становился очень разговорчивым и заинтересованным «чистотой и святостью повстанческого движения». Сегодня приехали в Успеновку.

13 марта. Стоим в Успеновке. Батько и сегодня выпил, разговаривает очень много. Бродит пьяный по улице с гармошкой и танцует. Очень привлекательная картина. После каждого слова матерится. Наговорившись и натанцевавшись, заснул.

Один успеновский дядька пожаловался в штаб на бывшего повстанца, который побил девушку – племянницу дядьки – и его сына. Дело в том, что эта девушка когда-то встречалась с повстанцем. Во время его отсутствия полюбила другого хлопца, с которым встречается и сейчас. Вернувшийся домой повстанец снова начал приставать к этой девушке, а когда она ему отказала, побил ее, а потом и ее двоюродного брата. Через некоторое время повстанец поздно вечером подошел к хате побитого хлопца и стал звать его во двор, чтобы «помириться». Из хаты никто не вышел, и попросили прийти мириться днем. Повстанец настаивал на своем и пообещал бросить в окно бомбу. Тогда дядька – отец хлопца – выстрелил в повстанца и ранил его. Теперь повстанец обещает, что после выздоровления он убьет дядьку. Наши выслушали все это и отослали всех по домам, предупредив повстанца, что если он будет мстить, то с ним в следующий приезд расправятся. В частной беседе про это дело Нестор

оправдал повстанца.

14 марта. Сегодня переехали в Большую Михайловку. Убили тут одного коммуниста. Переехали в Гавриловку. Выезжая 15 марта из Б. Михайловки, убили в лесу михай-ловского повстанца за грабежи и насилия, которые он чинил в своем селе. В Гавриловке взяли с собой Феню и поехали в Андреевку, где и заночевали.

16 марта. Утром выехали на Комарь. Только выехали за село, как получили известие, что в Мариентале есть отряд кадетов, который убил одного нашего хлопца и обстрелял остальных, которые приехали туда обменять лошадей. Наши решили сразу же пойти на этот хутор и побить кадетов. Конные сразу же отделились и пошли в обход. По правому флангу ехала и я с хлопцами. Подъезжая к хутору, увидели, как с хутора выскочили несколько конных и пеших, которые бросились бежать. Быстро вошли в хутор и начали обстреливать хаты. Убегавших догоняли и убивали на месте. Кто-то с краю поджег солому. В несколько хат бросили бомбы. Быстро со всем было покончено. Выяснилось, что тут отряда никакого не было, а была местная вооруженная организация, которая и убила нашего казака. За это необдуманное убийство Дорого заплатил Мариенталь – почти все мужчины, за исключением очень старых и очень молодых, были убиты, говорят, что есть погибшие женщины; примерно час наши хлопцы ощущали себя в хуторе хозяевами, забрали много лошадей и прочего. Выезжая с хутора, в

степи в бурьяне нашли двоих, которые спрятались тут с винтовками. Их порубали. Приехали в Комарь. Тут греки выдали нам одного немца, который, скрываясь, пересек речку и спрятался у них. Его тоже добились.

На улице было солнечно, тепло и сухо. Пообедав, наши все пошли погулять к реке. На берегу лежал убитый. Возле него собралось много людей. Когда мы появились на берегу, внимание людей было обращено на нас. Мы подошли к лодкам. Тут люди часто ездили на другой берег и не давали воде замерзнуть, в то время как с обоих боков неширокой водяной дорожки был лед. Мы сели на лодку и переехали на тот берег. Постояв там немного, вернулись назад. Под берегом подурили немного, обрызгали кое-кого водой и пошли домой. Тут мы узнали, что верст за 20 от нас в с. Андреевке Бахмутской волости есть карательный отряд большевистский. Назавтра решили помериться с ним силами.

17 марта. Утром выехали на Богатырь и дальше на Андреевку. В Андреевке действительно была 3-я рота 22-го карательного полка. Когда, выехав из Богатыря, переезжали речку Волчью, на той стороне возле мельницы на холме заметили двух кавалеристов, которые, заметив нас, очень быстро подались на Андреевку.

Наша кавалерия с батько во главе рванулась вперед. Когда мы подъехали к селу, то сразу поднялась стрельба. Застрочил и пулемет. Кавалерия бросилась в село, пехота осталась далеко сзади. Вскоре нам сказали,

что наши захватили в плен человек 40. Мы въехали в село и на дороге увидели кучку людей, которые сидели, а некоторые и стояли, и раздевались. Вокруг них крутились на лошадях и пешие наши хлопцы.

Это были пленные. Их раздевали до расстрела. Когда они разделись, им приказали завязывать друг другу руки. Все они были великороссы, молодые здоровые парни. Отъехав немного, мы остановились. По дороге под забором лежал труп. Тут на углу стоял селянин с бричкою, запряженной четверкою, на которой был взятый у красных пулемет. Тут же стояла еще одна подвода с винтовками. Вокруг крутились наши хлопцы и собралось много селян. Селяне смотрели, как сначала пленных раздевали, а потом стали выводить по одному и расстреливать. Расстрелявши таким образом нескольких, остальных выставили в ряд и резанули из пулемета. Один бросился бежать. Его догнали и зарубили.

Селяне стояли и смотрели. Смотрели и радовались. Они рассказывали, как эти дни отряд хозяйничал в их селе. Пьяные разъезжают по селам, требуют, чтобы им готовили лучшие блюда, бьют нагайками селян, бьют и говорить не дают. Постояв тут немного, поехали в центр. Тут было много селян. Им раздали листовки и провели митинг.

Остановились по дворам на один-два часа покормить очень уставших лошадей. Только мы немного перекусили, смотрим – ведут хлопцы нам во двор маленького серенького коня-стригунца. Это

возвратились хлопцы, которые погнались было за убежавшими, перебили их, убили и командира, а его конька привели нам показать. Постояв немного и покормив лошадей, двинулись на Богатырь ночевать...

18 марта. Провели тут митинг. Арестовали по доносу 3-х человек, но греки стали их горячо отстаивать, и мы их освободили. Оставили тут т. Огаркина для организации и выехали на Большой Янисель. Тут встретили т. Лашкевича. Встреча была очень радостная. Все с ним целовались, обнимались, расспрашивали. Рассказывали ему, как нам жилось, расспрашивали его, как он бежал от коммунистов. Первая радость от встречи прошла. Начали говорить о деле. Дело в том, что, оставляя рождественскими праздниками с. Гуляйполе, т. Лашкевич вывез с собой 4,5 миллиона общих денег. Его про них спросили. Он замялся, говорит, что я вам расскажу, куда дел их. А тем временем к штабу стали подходить бывшие партизаны-греки и с возмущением рассказывать, какую разгульную жизнь вел Лашкевич, швыряя деньги, как сам хотел, устраивал балы, вечеринки, делал богатые подарки любовницам, платил им по 200 000 за «визит» и так далее.

Была создана комиссия, которая бы расследовала это дело и потребовала у Лашкевича отчет. Расследование и допрос т. Лашкевича показали, что из 4,5 миллионов у него осталось только сто пять тысяч рублей. Сделав отчет, т. Лашкевич пригласил нас всех к себе поесть новое для нас греческое блюдо чир-чир, или

чебуреки. Я и Феня пошли. Нестор рано лег спать и отказался. Наши хлопцы тоже отказались. Мы пришли и застали там Старика и Буданова. Познакомились с хозяином, очень симпатичным греком. Выпили по чарке, попробовали чир-чири, которые нам очень понравились, и разошлись. Лашкевич нас провожал до дома и нес тарелку с чебуреками для батько. У нас дома еще поиграли в «дурачка» и разошлись.

19 марта. Сегодня хлопцы пошли к Лашкевичу за оставшимися деньгами и тут же хотели его арестовать. Однако он показался им таким жалким, что они решили его пока не трогать.

Нестор, Буданов, Петренко и остальные поехали в с. Времевку, которая тут поблизости, провести митинг. На улице было ясно, тепло. Мы все вышли на улицу. Вскоре пришел и Лашкевич. Он подошел сразу к хлопцам. Те холодно с ним поздоровались и неохотно отвечали на его вопросы. Он перешел на эту сторону улицы, к нам. Поздоровался. Спросил, где хлопцы. Пообещал мне достать документ и помочь устроиться с квартирой тут же, в Яниселе. Я поддакивала и давала ему поручения, зная, что этот человек будет через полчаса расстрелян. Он вежливо извинился и отошел от нас. Собрался идти домой. Его позвал Василевский, взял под руку, повел. Его арестовали и приставили патруль. Скоро приехал батько и прочие. В центре собрались люди. Лашкевичу связали руки и вывели на площадь расстреливать. Гаврик, сказавши ему за что, прицелился и взвел курок. Осечка. Второй раз –

тоже осечка. Лашкевич бросился удирать. Стоявшие тут же повстанцы дали по нему залп, второй. Он бежит. Тогда погнался за ним Лепетченко и пулями из нагана сбил его. Когда он упал, а Лепетченко подошел, чтобы пустить ему последнюю пулю в голову, он повел глазами на него и сказал: «Зато пожил...»

Через несколько минут привели еще одного повстанца, который быстро разбогател, и тут же на улице расстреляли. После этого был проведен митинг, где пояснили и про казнь этих двоих. Селяне остались довольными. Кое-кто из селян высказался: «Видно, что тут закон есть, вот чужого все-таки не трогай...» Вечером я попрощалась с хлопцами и переехала в с. Времевку, где и думаю остаться на некоторое время.

20 марта. Сегодня на новой квартире. Начинаем с Феней оседлую жизнь. Чистимся, моемся, латаемся целый день. Перед обедом вышли погулять. Пошли на речку. Ужасно потянуло к своим. Мелькнула мысль, что они еще в Яниселе. Как-то грустно и тяжело стало на душе...

Вернулись домой. Вдруг смотрим – из-под прошлогодних листьев пробился и расцвел голубенький цветочек, а там второй, третий. Мы начали собирать эти первые весенние цветочки (у нас их называют брандушами) – предвестниками скорого тепла и солнышка. Сразу сделалось как-то легче на душе и веселее на сердце. Нарвали цветов, вернулись домой... Сегодняшний день показался очень длинным.

21 марта. Встали поздно. На улице ненастье:

ветер и дождь целый день. Немного почитали, немного пописали, потом проговорили час с хозяевами. Выходит, что селяне знают, что я тут осталась.

22марта. Ненасстье. На душе игустО и грустно. Настали для меня тихие, серые, однообразные дни. Полное спокойствие души и тела, как и хотелось.

23 марта. Хорошая погода. Солнышко светит и уже немножко греет. Было бы совсем тепло, если бы не дул страшный ветер. Перед обедом пошли побегали по берегу, погуляли. Нарвали снова цветочков.

Хозяин, у которого мы живем, очень тревожится – сегодня он услышал, что в Павловке стоят коммунисты, которые забирают у селян хлеб и прочее. Янисельцы и времевцы очень встревожены и напуганы этим известием. Не сегодня-завтра нужно и сюда ждать страшных гостей, которые придут грабить добытое тяжелым трудом крестьянское добро. Павловцы послали двух мужиков в погоню за батько Махно, чтобы пришел со своим отрядом и помог селянам прогнать русских грабителей и насильников.

Учитывая, что Янисель, Времевка и Нескучное знают про то, что я тут осталась, и что коммунисты быстро могут быть здесь, хозяин советует нам выехать отсюда. На завтра на утро мы это дело и отложили.

24марта. Сегодня утром выехали одной подводой с села, за селом пересели на другую подводу в направлении Кременчика, дорогою же решили поехать в Успеновку, а потом на хутор Широкий к учительнице Лизе. Так и сделали. Лошадок в подводе было

запряжено две, и те худенькие и маленькие, как жеребята. Еле они нас тянули. А дорога трудная, да и неблизкая – верст 40 будет. Заехал наш ездовой к одному хуторянину, своему знакомому, подпряг третью лошадку, и поехали потихоньку. Было облачно, и словно бы собирался дождь. Дул холодный ветерок. Ехали часов шесть с лишним. Закутанным в платки, одетым в белые крестьянские кожанки, нам было дорогой тепло и весело. Весело было и оттого, что мы лишились своего боязливого хозяина, который боялся за нас и особенно ночью себе и нам нагонял такой паники, что сон совсем бежал с глаз, и ночь оборачивалась в бескрайнюю пытку, пытку страха прихода коммунистов. Весело было и оттого, что мы так хорошо скрыли следы направления, куда поехали, весело было и оттого, что наши кони так плохо бегут и оттого, что постромок у пристяжной лошадки разорвался, и оттого, что в своих кожанках мы так были похожи на крестьянских тетушек, что нас, наверное, и свои не узнали бы, – словом, от всего нам было весело, и мы почти всю дорогу смеялись. Да и возчик наш был веселый парень, и, как только мы замолкали, обязательно что-нибудь выкинет и снова рассмешит.

Под самым хутором Широким встретили Лизу, которая ехала в Успеновку. Она перешла на нашу подводу, и мы приехали в школу. На квартире у нее застали кавардак ужасный и холод. Сразу же мы взялись все трое наводить порядок. Эта подметает, та моет, эта топит... Хорошо, весело стало мне, и я начала скакать,

как ребенок. Вечером Лиза выпросила у крестьянок подушки, матрас, мы поужинали, постелились на полу и легли. Говорили часов до 12 ночи. Кое-кто задремал, когда Феня встает и решительно заявляет, что в хате угар и что у нее сильно болит голова. Я тоже поднялась и почувствовала, что и с моей головой не все в порядке. Мы все встали, открыли форточку и дверь, а сами вышли во двор. Погуляв на дворе около часу и проветрив комнату, снова улеглись.

25марта. Встали часов в десять все здоровые. Только в нашей комнате было очень холодно. Лиза поехала в Успеновку, а мы с Феней начали хозяйничать. После обеда приехала Лиза. В Успеновке говорят, что в Гуляйполе махновцы и что в Жеребке коммунисты выгнали селян копать окопы. Целый вечер ждали к себе Павлушу Лепетченко, который обещал вечером прийти, но его не было.

26марта. Вчера долго с вечера разговаривали и проснулись сегодня часов в 8. На улице тучи, накрапывает дождик, вставать не хочется. Провалились в постели до 10. После обеда начался дождь. Мы с Феней прибрали в хате, а Лиза все бегаёт по хутору и выпрашивает у селян то хлеба, то ведро для воды, то солому... Вечером читали, говорили...

27марта. Сегодня тоже встали поздно. Распределили работу по дому между собой. Лиза у нас главным образом по продовольственным делам. Феня прибирает в комнатах, а я топлю печь. Позавтракав, мы с Лизой пошли гулять. Вышли на улицу и увидели на

холме усадьбу. Пришли, все там облазили, наломали в садике зеленых веточек, нашли в одном хлеве пару голубиных гнездышек, побывали на всех чердаках, обследовали все комнаты, погреб, садики, словом, – все, что там было. Домой пришли уставшие, голодные. Застали Феню с тремя молодухами, поговорили про то, про се. Мы с ними немножко посмеялись, одной я погадала на картах, предупредив, что буду врать. Так-сяк пообедали. После обеда у меня сильно разболелась голова. Пролежала до вечера. Вечером возле школы собрались девчата и парни. Сильно жалела, что не могла к ним выйти.

28 марта. Воскресенье. Сегодня воскресенье. Мы были еще в постели, как уже какой-то мальчик принес нам завтрак. Мы встали. Характерно, что все хуторяне едят постно, нам же, зная, что мы едим скоромно, какая-то хозяйка напекла скоромных на яйцах блинов, наварила яиц и прислала. Сели мы завтракать, когда одна молодуха принесла нам свеженьких бубликов. Позавтракав и прибравшись везде, вышли мы к воротам. К нам подошли парни и мужчины. Поговорили с ними про то, про это. Один мужчина ехал в Успеновку, с ним села и Лиза. Погуляли мы с мужчинами часа два, замерзли и пошли в хату».

Таков вот этот дневник, редкостный документ той лютой поры, когда не до записей было, мало кто их вел, а сохранилось, дошло до нас – всего ничего.

С марта по сентябрь метался Нестор Махно по украинским степям, ускользая от погони, теряя хлопцев в боях с такими же усталыми и разрозненными частями красных. Но «чужих» хлопцев, вроде бы таких же простых, махновцы не жалели.

Приведем тут отрывки из сводки штаба Украинского фронта за лето 1920. года. Это не только добавка к страшным подробностям Галины Кузьменко, но и подтверждение ее свидетельств, с другой стороны:

«5июня. На станции Зайцево прервана телефонная и телеграфная связь, разграблен поезд, убиты коммунисты.

8июня. На станции Васильевка взорван железнодорожный мост.

13 июля. На станции Гришино разграблен склад, убиты коммунисты.

26 июля. В Константиноградском уезде за два дня убито 84 коммуниста.

12 августа. В Зинькове убито 20 членов КБ(б)У и семь работников сельских и рабочих организаций.

16 августа. В Миргороде разграблены склады, убиты красноармейцы».

Не удавалось теперь Нестору Махно создать на Левобережье своей «махновии», беспрерывно кочевали его отряды, но уже не наступая, а по большей части уклоняясь от боев. В

газете «Вольный повстанец» публиковались сводки махновского штаба за лето 1920-го (приведены украинским коммунистом Д. Лебедем в советской печати еще в 1921 году). Поражает протяженность двух описанных рейдов, один – в 1200 верст, второй – аж в 1500, причем скорость передвижения поразительна, ее можно достичь только на легких тачанках, когда часто меняют лошадей (меняют насильно, отбирая у всех, кто попадает на пути). Но еще более характерно иное: в эту пору Махно уже обходит города и крупные транспортные узлы, а ведь совсем недавно еще – легко захватывал их.

Множилась и взаимная жестокость: красные захваченных махновцев тут же пристреливали, те рубили не только командиров и красноармейцев, но и простых советских служащих, среди которых многие никакого отношения к политике не имели. Особенно круто обходились с комбедчиками. Осталось в источниках личное распоряжение самого батько: «Рекомендую немедленно упразднить комитеты незаможных селян, ибо это есть грязь». Да, комбедчики сами были не голубки, тоже кровь лили, но важно подчеркнуть иное – кровопролитию, казалось, не предвиделось конца.

Обстановка на Левобережной Украине вдруг вновь резко изменилась с начала осени 1920-го. Пользуясь тем, что главные силы Красной Армии были отвлечены на советско-польский фронт, остатки белой армии сумели в Крыму укрепиться. Деникин передал власть генералу Врангелю. Тот суро-

выми мерами навел порядок в расстроенных войсках, которые теперь назывались Русской армией, принял ряд узаконений, которые несколько смягчали прямолинейность прежних «добровольцев». 6 июня Врангель начал наступление в Северной Таврии. Белые, используя лучшие боевые качества своих войск, нанесли поражение Красной армии, быстро заняли нижнее течение левого берега Днепра и вышли к востоку на рубеж Александровск (Запорожье) – Бердянск.

Махно и его атаманы выжидали. Ослабленные полугодием преследованиями красных, они рады были передышке, но не спешили с решением. Как обычно, при любой благоприятной возможности Нестор держался со своими отрядами вблизи Гуляйполя. Аршинов утверждал, что в ставку Махно прибыл некий посланец Врангеля с предложением о сотрудничестве, ибо Русская армия идет исключительно против коммунистов с целью помочь народу избавиться «от коммуны и комиссаров». Письмо якобы подписал начальник штаба Врангеля генерал Шатилов, приводится дата и место подписания: «18 июня (1 июля) 1920 г., г. Мелитополь». Советский историк М. Кубанин, допущенный в 20-х годах к архивам ГПУ, ссылается на сохранившуюся фотокопию мандата врангелевского офицера на переговорах с Махно. О том же событии кратко, но с безусловной уверенностью свидетельствовала мне и Г. Кузьменко. Все три источника единодушно утверждают, что несчастного посланца махновцы расстреляли и разгласили об этом как можно более громко.

Видимо, посланец от врангелевцев действительно побывал в Гуляйполе: более осмотрительная политика врангелевских белогвардейцев, в противовес Деникину, подобное соглашение предполагала. К тому же многие бывшие «добровольцы» и казаки по собственному опыту могли оценить боевую силу быстрых тачанок и влияние Нестора Махно на местных селян. Так не разумнее ли приобрести в его лице союзника, нежели врага? Ясно и то, что батько и все его присные никак не могли принять союза с Врангелем: «обновленная» белогвардейщина была для трудящихся столь же неприемлема, как и прежняя, «добровольческая», в те накаленные времена оттенки программ плохо различались.

Махно не был авантюристом или кондотьером, каких развелось тогда вокруг множество, он твердо держался родной почвы, отчего и имел здесь верную опору. Связанный духовной близостью с селянством пестрого социально-национального Левобережья и низами тамошнего городского населения, он никак не мог принять посулы белогвардейцев, какими бы заманчивыми они ни казались. Учитывая все это, опять-таки Махно было выгодно публично отмежеваться от «барона Врангеля», а лучший тут выход – всенародно убить посла, потом же похвастаться этим. Ну, дело жестокое и безнравственное, но тут Махно ни первый, ни последний в те времена.

Однако возможность соглашения Махно – Врангель чрезвычайно встревожила третью сильнейшую сторону – совет-

скую. Угроза эта, случись она на деле, могла бы существенно изменить всю расстановку сил на Юге России. В августе 1920-го в центральной, а особенно – украинской советской печати появились сообщения о тайном союзе махновцев с крымскими белогвардейцами. Верили в Москве таким сведениям или нет, неважно: публикации подобного рода бросали тень на популярного батько среди украинского селянства.

В середине сентября, после поражения советской армии под Варшавой, врангелевские войска усилили наступление: 19-го они заняли Александровск, а 22-го – узловую станцию Синельниково, что поблизости от самого Екатеринослава. Махновцы оказались под угрозой прямого удара по своей опорной области, а командование Красной Армии могло ожидать развала всего своего Южного фронта в ближайшее время. Эти обстоятельства и предопределили дальнейший ход дела.

Как сообщал осведомленный Я.Яковлев, 20 сентября в ставку Махно прибыл уполномоченный реввоенсовета Южного фронта В. Иванов (кто он такой, установить не удалось, возможно, тут не имя, а кличка). Есть свидетельство, что сам батько проявлял некоторые колебания относительно союза с красными, а С. Каретников и бывший левый эсер Д. Попов прямо выступили против. Но делать было нечего, деваться некуда, махновцы сочли необходимым подписать соглашение с правительством Советской Украины. Сделали это в

Харькове виднейшие атаманы В. Куриленко и Д. Попов (сам батько благоразумно оставался в степи со своими верными хлопцами).

Предусматривались по тому договору амнистия всем махновцам и анархам, находившимся в советских тюрьмах и лагерях, возможность издания газет, участия анархистских групп на выборах в местные Советы. Главное же в военнополитическом смысле состояло в ином – отряд повстанцев включался в состав советских войск, наступавших против Врангеля (это соглашение подписали М. Фрунзе, С. Гусев (Драбкин) и бывший венгерский военнопленный Бела Кун). Особо оговаривалось, что махновцы не должны принимать дезертиров из Красной Армии в свои ряды (охотников-то находилось немало...).

Действительно, в Харькове стала издаваться газета «Голос махновца», вышло несколько номеров, красные части перестали теснить отряды батьковых атаманов, но решающим стало то, что после 15 октября в Северную Таврию выступил сильный отряд Махно. Он находился под командованием старого друга батько Каретника и состоял из конного подразделения во главе с другим его верным сподвижником Марченко, а также пехотно-пулеметной группы на тачанках: всего, как согласно сообщают очевидцы, около 3500 бойцов. То была сильная и хорошо вооруженная по тем временам группа. Махно, естественно, совместно с красными частями не пошел (и не зря; с Куриленко, Каретником и Поповым

он больше не увиделся). Сообщили красным: болеет, мол, батько... Любопытно, что Галина Кузьменко полвека спустя кратко, но твердо это мне подтвердила:

– Во время боев у Перекопа Нестор, будучи серьезно ранен, находился в Гуляйполе. (Не был он тогда ранен, но вдова его даже полвека спустя повторяла прежнее.)

И красные, и махновцы понимали, что соглашение их – до поры. Последние с присущей им политической простотой об этом даже заявили вслух. В своей походной газете «Путь к свободе», которая вновь стала выходить, Нестор Махно без обвиняков напечатал 13 октября: «Вокруг перемирия создались какие-то недоразумения, неясности, неточности; говорят о том, что, мол, Махно раскаялся в прежних действиях, признал Советскую власть и т. д. Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков», а потому не следует путать «военный контакт» с «признанием Советской власти», чего не могло быть и не будет». Ясно, что советская военная и политическая разведка быстрехонько доносила это и подобное т. Троцкому, а он и иные только дожидались подходящего часа. Вскоре он настал.

В последних числах октября Красная Армия (вместе с махновским отрядом) выбила врангелевские войска из Северной Таврии. Готовился решающий штурм крымских перешейков. 5 ноября был отдан приказ Фрунзе, согласно которому махновцы должны были наступать в составе 6-й со-

ветской армии. Те выполнили приказ и успешно перешли холодный Сиваш, а потом устремились в Крым. Следует признать, что махновцы проявили достаточное воинское умение и боевой дух.

За ними пристально наблюдали, а наблюдатели без труда заметили многочисленные случаи, когда махновские хлопцы пополняли свои седельные сумки или тачанки барахлишком из богатейших крымских дворцов и вилл. Это охотно смаковалось потом в советской печати. Было такое, только красные кавалеристы порой тоже подобным не брезговали, так что как посмотреть. А советское военно-политическое руководство смотрело холодно и просто: представился удобный случай нанести сокрушающий удар по неуловимым отрядам батько. Уже 23 ноября (недели не прошло после занятия Крыма!) Фрунзе отдал приказ включить «все части армии Махно в состав 4-й армии», что означало, по сути, их расформирование; правда, было добавлено, что советское командование «до 26 ноября будет ждать ответа от т. Махно». Из Гуляйполя ответа к указанному сроку не поступило (да и неизвестно, попал ли приказ туда и отсылался ли вообще), а махновские командиры отказались выполнять этот самоубийственный для них приказ.

Тогда же Фрунзе и Гусев подписали приказ по Южному фронту: «Войскам фронта считать Махно и его отряды врагами Советской республики и революции», а посему предписывалось махновцев разоружить или уничтожить, а далее –

«очистить территорию УССР от бандитизма». Это было объявлением войны всему махнов-скому движению, причем довольно вероломное, только что ведь сражались рука об руку. Нельзя не сказать тут, что подобные способы действий к своим недавним союзникам руководство компартии применяло не первый раз (и не последний).

Махновцы были окружены и в ночь на 27 ноября внезапно атакованы и разгромлены, Каретника убили в бою. Тогда же в Харькове арестовал «махновских представителей и вскоре расстреляли их. Однако не всех махновцев удалось истребить в Крыму. Отдельные группы конницы и тачанок во главе с Марченко сумели 7 декабря прорваться через Перекоп, теперь уже в обратном направлении, и уйти в степь. Вскоре они прибыли в ставку батько. „Махно был угрюм, – описывал позже Аршинов. – Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его“.

Но махновцы сдаваться не думали. Украинские ревкомы и комнезамы давили крестьян продрозверсткой, торговля за-прещалась, промышленность, управляемая нелепыми принципами военного коммунизма, остановилась, города замерли. Кто защитит бедного селянина от этого царства всеобщего насилия? Здесь, в Левобережной Украине, только он, Нестор Махно, народный батько, который всегда боролся с насильниками – царскими, немецкими, белыми, красными. А хорош он или плох, виноват, нет ли – неважно, больше податься некуда, а он – атаман надежный. Советская сторона не

могла не видеть этого повсеместного авторитета Махно, хотя публично это не произносилось. Но вот «для своих» информационный отдел украинской компартии сообщал: «Большая часть губернии находится в сфере действия и влияния махновцев» (тут имеется в виду район вокруг Александровска, но подобное наблюдалось и в губерниях соседних).

Советское командование, явно недооценивая военные силы Махно, а главное – его общественное влияние в крае, решило одним крупным наступлением навести, наконец, в этом крае искомый «порядок». В политическом смысле ставка опять делалась только на силу. План предусматривал сосредоточение крупных соединений, включая части Первой конной, и концентрическое наступление с трех сторон на район Гуляйполя. Теперь, во всеоружии огромного военного опыта, ясно, что умелые и боевые партизаны легко ускользают от подобных операций, рассчитанных штабными теоретиками, а сами эти операции весьма расточительны и только подрывают силы и боевой дух самих наступающих.

Так и произошло. В середине декабря это громоздкое наступление началось. На бумаге предполагалось окружить Махно с трех сторон, прижать его к Азовскому морю и уничтожить. Очень красиво, надо полагать, это выглядело на штабных картах! Махновцы, действуя, как всегда, быстро и смело, прорвали в нескольких местах неповоротливую цепь красных частей и ушли, затерялись на зимних степных дорогах. Более того, неудавшаяся операция эта вызвала раздра-

жение у многих красноармейцев, в большинстве своем состоявших из русских и украинских крестьянских сыновей, их родители ведь тоже страдали от продразверстки-, как и здешние селяне, отцы и матери махновских хлопцев. Усилилось дезертирство в советских войсках, а целая часть Первой конной во главе с Маслаковым (или Маслаком) взбунтовалась и тоже ушла в степи: к Махно они не пристали, но с «Советами» воевали полгода.

Нескончаемые мелкие стычки продолжались в начале 1921 года между махновцами и советскими частями, война приняла затяжной, исключительно кровавый характер. Обе стороны несли потери, порой весьма значительные. Так, 3 января на переходе по степной дороге махновцы совершили быстрый, как обыкновенно, марш от Умани к Днепру, чтобы перейти замерзшую реку и скрыться от преследования красных войск в Чернолесье. Здесь они внезапно для самих себя настигли преследователей: авангард махновцев налетел на группу красных конников, среди них на тачанке ехал знаменитый начдив Первой конной Александр Пархоменко – его и красноармейцев конвоя постреляли или зарубили шашками, вряд ли тогда махновские хлопцы знали, какого героя гражданской войны они прикончили.

С другой стороны, погибли в бою или попали в плен к советским войскам (то есть погибли тоже, но не в горячке сражения, а в чекистском подвале) многие махновские атаманы, а сам батько 14 марта получил тяжелое ранение в ногу, с тех

пор и до конца жизни он сильно хромал (Галина Андреевна рассказывала мне, что роковая эта пуля была разрывная). Весенняя распутица положила естественный перерыв всем этим передвижениям и стычкам.

Меж тем весна 1921-го обещала стать весьма примечательной: Ленин публично отказался от «военного коммунизма», гражданам Советской России были возвращены основные хозяйственные свободы и кое-какие гражданские. Еще повсюду свирепствовали бессудные чекистские казни, но все же некая надежда забрезжила над измученной и истерзанной Россией.

Это последнее очень важно иметь в виду, когда мы вновь подходим к последним дням махновщины. Сила и выносливость каждого отдельного человека, любой общественной группы или даже целого народа имеет свой предел, определяемый природными законами. Так вот к началу 1921-го, после четырех лет бесконечных потрясений, насилий, бесчисленных перемен властей, после бесконечных митинговых толковищ и демагогического красноречия, после лживых декретов, деклараций, программ и узаконений, у каждого отдельного человека и у народа в целом все сильнее и крепче выработывалось одно спасительное желание – дайте же нам покой! какой угодно! не мучьте, не насилуйте нас больше!...

Ленин плохо знал народную жизнь, половину взрослого своего бытия прожил вне России, интересы подлинных «рабочих и крестьян» представлял себе сугубо умозрительно,

через искаженные марксистские очки. Однако чутьем, инстинктом выдающегося политика он, безусловно, обладал, что он доказал и на II съезде своей тогда еще слабенькой партии, и в апреле 1917-го, и в дни заключения Брестского мира, но с особым блеском он проявил эти свои дарования весной того самого 1921-го. Он понял (видимо, почувствовал): кто даст народу передышку, покой и отдых хоть на несколько лет, за тем сегодня пойдет изнуренная Россия. Он круто повернул руль – и выиграл как политический лидер: коммунисты-догматики резко протестовали, но дело их было обречено – политика важнее теории.

Конечно, люди уже разучились доверять обещаниям, поэтому новые декреты поначалу не спешили принять на веру, но повседневная реальность вроде бы потихоньку

подтверждала обещания. Посыпались многочисленные амнистии – и из Центра, и от всевозможных местных властей. Вот одна из них, пожалуй, важнейшая для данного сюжета: 5-й Всеукраинский съезд Советов объявил «амнистию-прощение бандитам, которые добровольно явятся до 15 апреля 1921 года». Потом срок помилования продлили до 15 мая, потом еще и еще. Обо всем этом широко оповещала местная печать.

Конечно, к исходу гражданской войны отвыкли верить декретам и амнистиям, и не без оснований. Этим поначалу тоже не очень-то верили, но... то один, то другой хлопец возвращался в родную хату, и вроде бы ничего. А ведь сколь

многим хотелось домой, к мирному труду! Опять же, подчеркнем, многим, но не всем, и это важно иметь в виду при осмыслении последних времен махновщины.

Война всегда ужасна и разорительна, но самая страшная из всех – гражданская война. Тут нет ни законов, ни правил, жизнь человеческая висит на волоске. Однако за время многолетних войн накапливается огромное и неистребимое племя вояк, для кого нет иной жизни, кроме этой самой, которым, как гениально предупреждал Пушкин, «и чужая головушка полушка, и своя шейка копейка». За время бесконечных насилий, что тянулись в России с 1914-го, а по сути – с 1905-го, за эти долгие годы народился целый слой кондотьеров, из числа тех, о ком еще триста лет назад, во время страшной гражданской войны в средневековой Германии, сказано было, как припечатано: «война кормит войну».

С поздней весны 1921-го к Махно стекалось множество этих самых «кондотьеров войны», а мирные селяне потихоньку разбегались по домам. Но грозный батько по-прежнему оставался силен, смело и решительно передвигался, ускользая от сильных противников, и громил слабейших. И тут Нестор Махно сделал одну-единственную, пожалуй, военно-политическую ошибку. Он не учел того, что теперь политика стала заменять силу, он не почувствовал громадной усталости украинского селянства, своей социальной опоры, и решил, переоценив свои силы, пойти штурмом на тогдашнюю столицу Советской Украины – Харьков.

Операция эта произошла в середине мая 1921-го, окончилась, что можно предположить, полной неудачей (к сожалению, никаких подробностей об этом деле в источниках не сохранилось). Дальше – больше. На Полтавщине, в лесистой пойме реки Сулы, махновцы были врасплох застигнуты красными частями и потерпели сокрушительное поражение; случилось это в последних числах июля. Не раз терпел неудачи Нестор Иванович Махно, однако каждый раз пополнялся новыми силами. Теперь приток этих сил иссяк. И вот приближающийся итог: селяне, его социальная опора, устали, хлопцы разбегаются по хатам. По сведениям Д. Лебеда, к осени 1921-го (то есть в основном за летние месяцы) сдалось в общей сложности 30 махновских командиров и 2443 рядовых. Это очень много, но ведь далеко не все вернувшиеся так или иначе учитывались органами политического надзора; можно с уверенностью предположить, что «неучтенных» махновцев, бросивших оружие, было не меньше, если не больше. Окружали теперь Махно кучка старых сподвижников да те отчаюги, которым нечего ждать и нечего терять."

В 1926 г. Э. Эсбах, видимо из бывших российских штабных офицеров, опубликовал в специальном военном журнале краткую статью о «последних днях махновщины на Украине», где приведена обстоятельная и по-военному точная схема передвижений Махно и его поредевшего воинства летом 1921-го. Графика эта впечатляет. Где только не побывали запыленные тачанки Нестора Махно в ту пору! Ну, ладно,

почитай вся Украина, но ведь и далее залетали махновцы – в область Войска Донского, которую исколесили изрядно, до Волги добрались! И нигде уже надолго задержаться не смогли, а силы их таяли, а пополнений становилось все меньше, все меньше...

Известно по сводкам советских военных архивов, что в наибольшей точке удаления от родной Екатеринославщины Махно находился в августе 1921-го – сперва в районе Хопра (среднее течение Дона), а потом наведался даже в Нижнее Поволжье. Силы у некогда грозного батько оказались уже ничтожны: по данным советской разведки, на 25 июля в его отряде числилось «150 сабель» при нескольких пулеметах... И это после десятков тысяч конных и пеших войск, артиллерии, подобия правительства и гражданской администрации и многого, многого иного. Итог выразителен, но закономерен:

Нестор Махно пережил махновщину, тем более свою «махновью».

О последних неделях пребывания Махно и махновцев на Украине почти ничего достоверного не известно. Из всех старых сподвижников около перераненного батько остался только Левка Задов. Он и ушел с Махно за кордон, но уже в 1924-м вдруг возвратился в СССР. Был он еще молод – 1893 года рождения. И тут начинается самое любопытное: махновского обер-палача не только не казнили, но даже – взяли на штатную должность в Одесское – «на родине», так сказать, – ГПУ. Там он и прослужил до конца 30-х, когда в

советских верхах, в том числе и своих, чекистских, начали убивать всех без разбора. Однако сын Левки Задова, носивший подлинную фамилию отца – Зиньковский, стал офицером советского Военно-Морского Флота, уже после войны вышел в отставку в звании капитана первого ранга. Никаких данных нет, но можно предположить, что Задов был «внедрен» к Махно «органами» еще в самом начале махновского движения... Вполне возможно: ВЧК и не такие мероприятия проводила. Ныне, как сообщалось в печати, Лев Задов тоже реабилитирован...

В середине лета стало ясно: долго гулять Махно и остаткам войск его не придется. Как всегда, Нестор Иванович не колебался в принятии крутых решений. 13 августа, преследуемый со всех сторон, ведя с собой лишь сотню отпетых своих хлопцев, он из родных мест пошел к Днепру, а через три дня, около Кременчуга, переправился через реку на лодках, каким-то образом даже лошадей сумели перевести, но много оружия и имущества бросили. Здесь их накрыли красные, учинили запоздалую стрельбу, Махно вновь получил ранение, но легкое. 19 августа на реке Ингулец махновцев опять нагнала красная кавалерия, атаку удалось отбить, оторваться от преследования, но путь оставался теперь один – за кордон. Иначе – гибель.

Преследуемые по пятам, махновцы отходили в сторону румынской границы. 22 августа Махно получает новое пулевое ранение – в затылок, правда скользящее, но доволь-

но болезненное. Его кое-как вынесли из боя 26-го в стычке с красными уцелевшая махновская сотня опять понесла потери, но Махно, не утратив от боли и потери крови присущей ему твердости воли, вновь ускользает от преследований, круто поменяв свой маршрут, и 28 августа переходит Днестр – в Румынию.

Но здесь уже открылась совершенно новая глава в судьбе Нестора Махно и его молодой супруги.

* * *

Теперь самое время возвратиться к «Автобиографии» Галины Андреевны Кузьменко, уже цитированной в начале книги; автограф она отдала мне в 1968 году:

«В августе 1921 года вместе с мужем в составе небольшого отряда перешла через Днестр в районе Бельцы и попала в Румынию. Весной 1922 года из Румынии перебралась вместе с мужем и десятью (наверху слова написано – „несколько“. – С. С.) сотоварищами в Польшу, где была посажена в лагерь Шалково. Я снеслась с советской миссией в Варшаве. Здесь вскоре польские власти меня, мужа и еще двух товарищей обвинили в подготовке вооруженного

восстания в Восточной Галиции с целью отторжения таковой (Галиции) от Польши и присоединения к Советской Украине и посадили в тюрьму в городе Варшаве. В тюрьме мы просидели 14 месяцев, после суда были все освобождены. В тюрьме я родила дочь Елену 30 октября 1922 года.

По освобождении из тюрьмы мы с мужем переехали из Варшавы в город Торн (это в Восточной Пруссии тогдашней Германии. – С. С). Через несколько месяцев, в 1924 году, из Торна выехали в город Данциг с намерением через Берлин переехать в Париж. В Данциге мы были арестованы. Немцы выразили недовольство тем, что Махно с 1918 года со своими отрядами изгонял немцев-«колонистов» из Украины. Мужа заключили в крепость, а меня в тюрьму. Через несколько дней я с ребенком была освобождена и уехала через Берлин в Париж. Через год приблизительно муж бежал из данцигской крепости и тоже прибыл в Париж. В Париже он понемногу работал на разных работах, то декоратором на киностудии, то сапожником, то в редакции анархистской антимилицаристской газеты, то занимался плетением туфель, то оставался без работы. Сотрудничал в анархистском журнале «Дело труда» и писал свои мемуары. Много и подолгу болел, он был болен туберкулезом еще с царской каторги, и в июне 1934 года умер от туберкулеза.

Я в Париже также работала то на фабрике, то в швейных мастерских, то поваром, то репетитором. Работала также в 1927 – 28 году в одной советской

организации «СУГУФ» (Союз украинских граждан у Франции) в качестве экспедитора газеты «Українські Вісти», заместителя секретаря «СУГУФА», пока газета не была прикрыта и всем главным участникам организации не было предложено покинуть пределы Франции. Прожила я в Париже до 1943 года, оставаясь последние годы безработной. В 1943 году, во время второй мировой войны, я переехала из Парижа в Берлин, где жила и работала в то время моя дочь. После занятия Берлина русскими, 14 августа месяца 1945 года я с дочерью были задержаны и в конце 1945 отправлены в киевскую тюрьму. В августе 46 года я была осуждена ОСО по ст. 54, пункту 13 на восемь лет ИТЛ, которые и отбывала в Дубравлаге. По окончании срока 15 августа 1953 года меня задержали еще около девяти месяцев и освободили только 7 мая 1954 г., после чего я прибыла в г.Джамбул».

Даты и подписи в этом документе нет. Написано чернилами рукою Г. Кузьменко. Вверху листа пометка: «По возвращении для ОВИРа».

В книжном издании этот документ здесь публикуется впервые. Грустно, тяжело его читать. Трагический итог деятельности Нестора Махно как политика нам уже ясен, однако, полезно и поучительно проследить его жизненный путь до конца. Источников тут крайне мало, они скудны и не всегда достоверны, последуем же далее по канве биографии

Махно, очерченной его супругой, по сути единственным свидетелем последних лет его жизни. К счастью, ее рассказы сохранились для нас всех.

Приблизительно к концу 1923-го в Париж перебрался Нестор Махно, было тогда ему только тридцать пять, но за плечами – каторга, три ранения, тюрьма в чужих странах и бесконечное нервное и физическое изнурение. Как он выбрался из данцигской крепости, не ясно, Галина Андреевна кратко сообщила лишь (очевидно, и муж ей о подробностях не говорил по законам революционной конспирации), что побег был классическим, «будто в книгах»: простыня, разорванная на веревки, перепиленная решетка и что-то еще в том же роде. Как было на самом деле – узнаем ли когда?...

Теперь два слова о западных источниках эмигрантской жизни Нестора и Галины. Летом 1990-го со мной связался работавший в московских архивах профессор из Дюссельдорфского университета Дитмар Дальман. Оказалось, он давно уже сосредоточился на изучении махновского движения и в 1986-м издал книгу (в русском переводе

надо бы назвать – «Земля и свобода»). Книгу я вскоре получил и прочел, очень позавидовал немецкому коллеге: многие источники (пресса, в том числе махновская, воспоминания, труды западных историков и т. п.) мне были и ранее, как и теперь, недоступны. С душевной болью читал я, как он перечислил полдюжины исследований о Махно, вышедших на Западе с 1969 по 1982-й – Париж, Лондон, Милан...

Уважаемый коллега Дальман сообщил некоторые, мне неизвестные до тех пор, уточнения об эмигрантской судьбе Нестора. Во Францию он прибыл из Данцига «в середине июля 1924 года». Вскоре Махно с помощью Волина и другого именитого анархиста, выходца из России Александра Беркмана связался с анархами Запада и даже Латинской Америки. Аршинов составил от имени Махно «Организационную платформу», где повторяется все знакомое и давнее: революция... классовая борьба... Излагать этот и подобные «манифесты» ныне очень скучно. Надоело.

А в заключение от своего имени и от возможных читателей нашей книги выражу благодарность немецкому коллеге за его столь нужный и полезный для меня труд, а также за то, что он неоднократно ссылается на мою давнюю статью.

Остановимся еще на одной западной публикации на ту же тему. Впрочем, «западная» она лишь отчасти: автор ее – бывший советский гражданин П.Литвинов, внук известного ленинско-сталинского наркома. Свою пространную статью о Махно он опубликовал в Голландии в 1987 году (Международное обозрение социальной истории, т. 32). Меня он назвал почему-то «официальным историком» (вот уж непривычно!) и, естественно, оспорил некоторые положения моей давней работы. Пусть, но статья-то бывшего «диссидента» оказалась куда как слаба, и не потому даже, что новых интересных материалов не содержит, а отмечена какой-то исторической апологией Махно и его «движения». Даже Арши-

нов писал о своем соратнике сдержаннее. Есть и ошибки, даже комичные. Например, о периоде с «конца января – начала февраля 1920 года» он говорит как о «борьбе с Врангелем», хотя даже из учебников известно, что во главе белых оставался еще Деникин, а Врангель пребывал в Константинополе. Ну, ладно уж... Главное в ином: Литвинов, не стесняясь, пишет, что в разгроме Деникина, а потом и Врангеля заслуга Махно «была решающей». С этим даже спорить не стоит. Впрочем, политическая сторона дела тут проглядывается: бывший «диссидент» как бы опять приглашает народы нашей страны развернуть черное знамя мятежей, уже в условиях «перестройки»...

...Поселились Нестор с Галиной и крошечной Леной в Париже. Французского они, разумеется, не знали, практических профессий не имели (преподавать украинский язык тут было некому, а для учительницы русского языка у Галины Андреевны не имелось диплома, напомним, она очень рано покинула Университет Святого Владимира, ныне Киевский). И началась мученическая жизнь, как у великого множества иных российских эмигрантов, а насчитывалось их к началу 20-х годов ни много ни мало около двух миллионов – целая европейская страна! Конечно, это были пустяки в сравнении с теми муками, которые впоследствии пришлось терпеть жене и дочери Махно на своей родине.

Чем-то помогали им местные организации анархов – русские, французские, даже американские, они-то все уж были

подлинными интернационалистами, принципиальными, так сказать. Относительно этих связей Галина Андреевна рассказывала мне очень скупо, и понятно – разговоры наши шли в 1968 году, время не либеральное, а она не была реабилитирована, поэтому, естественно, находилась под «наблюдением». Однако косвенно эти связи проявились в подробном рассказе ее о деле и судьбе бывшего российского гражданина Шварцбарда. Напомним эту когда-то очень громкую историю.

25 мая 1926 года в Париже на улице тот самый российский еврей-эмигрант застрелил Симона Петлюру, бывшего главу украинских националистов, считая его главным виновником еврейских погромов на Украине. В Советской энциклопедии издания 1931 года он назван «еврейским националистом». Галина Андреевна дала тут совершенно иную версию, приводим ее по записи:

– Убийца Петлюры Шварцбард был анархист и знаком с Махно, болел туберкулезом, часовых дел мастер. Он входил в еврейскую анархистскую группу, собирались по праздникам в кафе, Махно и я это кафе посещали, там же и познакомился с ним. Он был из русских евреев и хорошо говорил по-русски. После убийства еврейская общественность, даже не анархистская, ему очень помогла. Защищал его знаменитый адвокат Торез (он, кстати, помогал мне уладить конфликты с французской полицией). После оправдания он вернулся к профессии часовщика. Махно все это не нравилось,

он говорил, что сам Петлюра, безусловно, не был погромщиком, а если его отряды этим и занимались, то сам Петлюра это вряд ли бы одобрил. Махно писал об этом либо в «Деле труда», либо в «Рассвете» (анархистские издания в Париже. – С. С). Знакомы они лично не были, Махно не любил Петлюру. До войны Шварцбард дожил, дальнейшая судьба его мне не известна.

Не говорила мне прямо Галина Андреевна, даже не намекала, но полагаю, и имею основания это предполагать, что семейная жизнь их распалась. Жили они врозь, Елена воспитывалась в семьях знакомых анархов, училась во французской школе, украинского языка не знала вовсе, русский быстро забылся.

Связи с родиной у них почти не было. Махновское движение никаких плодоносящих ростков на Украине не оставило. Один из видных махновских атаманов Лепетченко в двадцатых годах мирно торговал мороженым. О Задове уже говорилось. Теперь о третьем уцелевшем командире Махно – Викторе Белаше. Из него, видимо, выудили в ГПУ все нужные данные (агентура – вещь бесценная для подобных учреждений), а потом до времени отпустили.

В тюрьме В.Белаш написал свои «воспоминания» об истории махновского движения. Объемистый этот труд опубликован лишь частично (В. Ф. Белаш. «Воспоминания о гражданской войне». Харьков, 1930), до сих пор ценнейшее свидетельство ближайшего сподвижника Махно у нас плохо ис-

пользовано и недостаточно оценено. Как я слышал, на Украине вскоре готовится полное издание этого весьма примечательного исторического источника.

...Прошли годы, десятилетия. И вот в Москве, прочитав мою статью, в 1976 году ко мне пришел сын Белаша – Александр Викторович, рассказал: отец был 1893 года рождения, после окончания гражданской переехал на Кубань, в тридцатых годах проживал в Краснодаре, работал механиком при мастерской союза охотников, там его арестовали, и 30 декабря 1937-го приговорили к расстрелу; 29 апреля 1976 года Белаша Виктора Федоровича посмертно оправдали «за отсутствием состава преступления».

Полон драматизма и рассказ Галины Андреевны:

– Летом 1919 года расстреляли моего отца (это когда Махно объявили «вне закона». – С. С.), мать просила его скрыться, но он сказал, что не может отвечать за дочь, которая без его согласия сошлась Бог знает-с кем. Расстреляли его после митинга вместе со священником и учителем, который преподавал махновцам атеизм, – всего их было семь человек. Мать моя умерла от голода на Украине в 1933 году.

А вот судьба и старшего брата Галины Андреевны (цитирую ее письмо ко мне от 22 декабря 1968 года): «Приблизительно в 1935 году брат Николай, высланный из Киева в село Песчаный Брод, писал мне, что приехал он туда с семьей – женой Юзефой (Юзей) и тремя детьми – двумя мальчиками, Сережей и Женей, и девочкой Галей. Поселились они там

в нашей хате. Жить было невероятно тяжело. Все они были очень ослаблены и истощены. Не в силах были даже засадить и обработать огород. Дети буквально умирали с голоду. Посоветались с женой, брат решил „разойтись“ с ней до лучших времен. Юзя с Галей должны были вернуться в Киев и там как-нибудь устраиваться. Мальчиков решили оставить на вокзале в Кировограде в надежде, что их подберет милиция и устроит в детдом. Отец усадил их на скамейку на вокзале и ходил вокруг и наблюдал за ними до тех пор, пока их наконец подобрала-таки милиция».

Галина Андреевна передала мне два письма к ней племянника Жени, оба от 1959 года. Сергей, сообщает он, перед войной куда-то исчез – «он был связан с преступным миром». С началом войны, пишет далее Женя, «наш детдом в количестве 600 человек пешком начали эвакуировать в тыл. В Днепропетровске мы сели в поезд и доехали до Сталинграда. Оттуда Волгой в Саратов. На место прибыло нас 150 человек, остальные погибли от бомбежек и обстрелов с воздуха и от болезней. Потом наш детдом превратили в ремесленное училище, через год мы были уже рабочими... Отец (брат Галины Андреевны – Николай. – С. С.) замерз на пути между Песчаным бродом и Помошной (железнодорожная станция за девять километров. – С. С), и никто из родственников даже не хотел его похоронить, никто не знает и где похоронили. Это было в 1937 г... Мать искала нас, но ей сообщили, что нас нет в живых, и когда я пришел к ней, она узнала меня

и упала в обморок... Сейчас я – Кузьменко Николай Иванович, так меня перекрестили в детдоме» (однако оба письма к тетке он подписал «Женя»). Ну, добавить к этому простому рассказу тоже нечего...

Еще Галина Андреевна сообщила про одно обстоятельство, меня поразившее: в 30-х годах Аршинов-Марин переехал в Москву, причем даже, кажется, с семьей. Что случилось в советской столице со всеми ними, нетрудно предположить, но ни малейших сведений на этот счет у нас нет, как и о том, что же толкнуло его на такой безумный шаг.

Нестор Махно прожил во Франции более десяти лет, но так и не прижился. Политической деятельностью почти не занимался. Посещал небольшой кружок анархистов, таких же одиноких и нищих, как и он сам. Чего-то пописывал в самодельном анархистском журнальчике «Дело труда», выходившем в Париже на русском языке ничтожным тиражом.

Вот, однако, единственный интересный эпизод из журнальных занятий Махно. Летом 1928 года в Москве и Одессе одновременно появились в газетах «воспоминания» некоего Леглера, бывшего помощника свирепого Белы Куна в годы гражданской войны. Публикация имела главной целью дать очередной «разоблачительный» материал о Махно, а попутно – возвеличить тогдашнего коминтерновского деятеля, который, согласно тем же «воспоминаниям», и был вершителем победы над Врангелем. Махно как-то узнал об этой публикации и напечатал протестующее письмо в том самом «Де-

ле труда» (№ 37 – 38).

Заметка написана, видимо, им самим – тяжело, неумело, цитировать ее скучно. Характерен, однако, перечень тех, кого Махно, помимо Леглера, обвинял в клевете на себя: «деникинско-врангелевского, а теперь большевистского генерала Слащева и французского писателя-коммуниста Барбюса», а также, по его выражению, «хорошо пристроившихся к большевистской власти писателей: Вересаева, А. Толстого и Б. Пильняка». Да, «воспоминания» Леглера – пропагандистская липа, тут Нестор был прав, но в сочинениях Слащева и трех поименованных писателей Махно изображен, конечно, в отрицательном свете, и осудить их как заведомых клеветников все же никак нельзя.

Так вот доживал недавно знаменитый батько свои дни в многоликом и шумном Париже – одинокий, заброшенный, никому уже не нужный, почти забытый.

В журнале «Огонек» за 1928 год была помещена небольшая статейка о Махно, написанная только что вернувшимся из Парижа Львом Никулиным (этот литератор исполнял за границей весьма многообразные поручения). Описывает его внешность он так: низкорослый, угловатый, сильно хромает, глубокий шрам на лице, с усами, но бывших длинных волос теперь уже нет. Тут же фотография Махно с девочкой на руках (снимок, видимо, 1927 года). Грустно, очень грустно смотреть на этот неприхотливый снимок. Прелестное дитя всего лет пяти прижимается к отцу, а у того вид изможденный,

глаза смотрят печально и отрешенно. Он, проливший столько людской крови, кажется, чувствовал в тот миг, что жуткие вихри, развязанные многими и им тоже, скоро втянут в свой беспощадный поток нежное создание, которое сейчас прильнуло к нему.

Когда Нестор Иванович Махно скончался, его вдове минуло всего тридцать семь лет. Новой семьи она не завела, хотя многократно по разным поводам вспоминала офицера-эмигранта по фамилии Карабань, вспоминала с подробностями, которые говорят о симпатии к человеку, но ничего не уточняла, а я не спросил (западные приемы репортажа тогда еще не были у нас в ходу...). Весьма характерно, что Галина Андреевна с юности до конца жизни оставалась убежденной атеисткой, страдания и потери, ею перенесенные, не обратили души к Богу, вот уж истинно революционная закалка!

Началась война, в Париж в июне 1940-го пришли немцы. Галина Андреевна кратко пояснила, что ей приходилось скрывать свое супружество, имя Махно германская контрразведка помнила очень хорошо. Напомним, что в 1943-м немцы вывезли Елену Махно в Берлин на работы, мать поехала за дочерью, обе трудились там на каких-то фабриках, помню страшные рассказы Галины Андреевны о бомбежках города англо-американскими самолетами. Нацистская Германия терпела крах, и тут новая буря подхватила вдову и дочь Нестора Махно, занеся их в самые страшные круги зем-

ного ада. Об этом она рассказала мне подробно: убежден, что повествование ее содержит немалый исторический интерес. Излагаю запись:

«В 1945 году перед приходом наших (за полгода) мне стало ясно, что русские придут сюда. Для меня победа России всегда была желанной, но встреча с Красной Армией меня пугала. Я была знакома в Берлине с одним пожилым калмыком-эмигрантом (из Франции), он был связан с какой-то калмыцкой организацией, сотрудничавшей с немцами. Он уехал из Берлина, а я не проявила достаточной энергии и осталась. Лена встречалась с русскими солдатами и офицерами, офицеры заходили к нам. Я все собиралась посоветоваться о своей легализации и возможности отъезда в Россию, но так и не собралась.

Так мы дожили до августа, когда началась поголовная проверка населения и выдача документов. Ко мне пришли двое – немец и русский (Лены дома не было, она ушла с офицерами, она часто бывала у них переводчицей – неофициальной, конечно). Они посмотрели документы, ушли, но через минуту вернулись и пригласили меня в комендатуру. Я пошла, хотя понимала, что дело скверное. Но убежать было поздно. В комендатуре я сказала о себе все, что я жена Махно. Меня задержали, оставили ночевать. Ночью ко мне подошел солдат, предложил меня вкусно накормить и переспать с ним. Я накричала на него, и он смиренно ушел.

На другой день меня перевели в какое-то другое военное

учреждение, там мне дали бумагу и ручку, заперли в отдельной комнате и предложили написать все, что я знаю. Через месяц меня перевели в общую камеру, сделанную из обычной квартиры, там было несколько женщин. Потом перевели в подвал какого-то здания, и там я встретилась с Леной. Как-то меня вызвали к какому-то начальнику и предложили поехать с ним во Францию и там указать ему на тех из эмиграции, кто работал против нас. Я отказалась, я плохо знала белогвардейцев, а главное, роль предательницы эмиграции, какая бы она там ни была, была мне противна. Меня и Лену потом допрашивали, не шпионка ли я, но вскоре убедились сами, что это не так. Затем меня привезли в квартиру за вещами, многие из которых уже пропали. Кое-что я вывезла с собой, но теплой одежды не было, три пальто мои пропали, я взяла только резиновый плащ. У нас было много одежды, я ездила в отпуск в Париж, а там нами заработанные марки выгодно обменивались на франки. Я покупала вещи со смутной надеждой, что мне они пригодятся в Москве. Меня перевели в пригородный лагерь, обычный лагерь с двухэтажными нарами, там я опять соединилась с Леной.

Нас повезли в Киев в поезде. В Киеве нас на перроне посадили в «черный ворон», о котором мы так много страшного слышали. В Киеве меня допрашивали о моем участии в движении, не пробовал ли Махно организовать чего-либо во Франции. Настроение было такое, что готова была на все что угодно, наговорить на себя, лишь бы выбраться отсюда

куда угодно. После следствия нас с Леной поместили в общую камеру с уголовницами, страшные девчата! Все они зарились на наши заграничные тряпки, в особенности белье. В начале или в середине декабря (1945-го. – С. С.) нас вызвали и зачитали ОСО, мне дали 8 лет лагерей, Лене – 5 лет ссылки. С окончанием следствия мы сидели в одной камере, там и простились, ибо ее вскоре отправили в Казахстан. Но мы тогда не знали еще места ссылки.

В самом конце декабря меня перевезли в Мордовию (старейшие, так сказать, политические лагеря в СССР. – С. С.). Там было много немцев и галичан (то есть западных украинцев. – С. С.). В лагере я шила тапочки, клеила коробочки и прочее, так что всегда имела дополнительный заработок. Находилась я в инвалидной команде, нас лишь изредка выгоняли то на уборку территории, то на прогулку и т. п. Затем я работала на швейной фабрике, сперва на вычистке, потом контролером в закройном цехе. Потом меня перевели в инвалидный лагерь, где мне уже почти не приходилось работать. Там я делала цветы бумажные, делала их неплохо, например, сплела венки для девушек из украинского хора. У меня тогда обострилась гипертония.

Свой срок я пересидела на девять месяцев. Ни к кому не обращалась, так как бесполезно, у многих срок кончился три года назад, но все они сидели. Дочь я нашла через Киев, она писала ужасные письма. Меня выпустили утром 9 мая 1954 года, сама себе не поверила. На вокзале я и дочь друг друга

не узнали и разошлись. Со мной в лагере находилась жена Якира, еврейка, была бригадиром, держалась заносчиво. Там же была жена генерала Власова, моложавая (35 – 40 лет), интересная женщина, скромная, сдержанная, интеллигентная, работала швеей».

В трагической этой исповеди ничего не надо пояснять. Но невозможно, немыслимо не привлечь внимания к одной коротенькой фразе Галины Андреевны: «На вокзале в Джамбуле я и дочь друг друга не узнали».

Приведем то самое письмо Галине Андреевне от дочери, дата примечательная – 20 июля 1953 года (ясно, что это было за время):

«Дорогая мамочка!

Письмо твое получила. В июне я тебе послала маленькую посылку, в основном лекарства, которые ты просила. Я посадила зерна, но только вырастила дикий мак. С экзаменами я покончила благополучно. Теперь у меня на руках свидетельство об окончании семилетки. Я жду твоего приезда с нетерпением, я уже сказала, что беру старушку мать на иждивение. При твоём выезде телеграфируй, каким поездом ты приедешь. Я тебя встречу на перроне, если все выйдут на вокзале и меня по какой-нибудь причине не будет, то садись на автобус, который едет в «город», и выходи до станции «Гостиница», и дойдешь до Малой Корабжурской, 43.

Еще осталось месяц ждать. Надеюсь, что к 1-му

сентября увидимся.

В начале августа вышло денег.

Жду с нетерпением и крепко целую. Люся».

Как существовали долгие годы Галина Андреевна в Джамбуле, многого не скажешь. Как-то с дочерью сняли угол, обе кое-что подрабатывали, а главное – окружающая жизнь резко изменилась к лучшему. Через несколько лет Галина Андреевна даже получила крошечную пенсию по старости – за пятнадцать лет пребывания в Советском Союзе это был ее первый «твердый заработок». А если учесть, что и в Париже подобного не случилось, то вообще – невысказанное счастье! В начале 60-х съездила в родные места, но близких уже не нашла; ее племянницу Галю (дочь Николая) немцы во время оккупации угнали из Киева на работы, она оказалась в Дрездене и погибла во время печально знаменитой бомбежки города американо-английской авиацией в феврале 1945-го. О судьбе Сергея и Жени уже говорилось.

Говорят, старость сходится с детством, дряхлость – с младенчеством. Поэтому жизнеописание Галины Андреевны Кузьменко, вдовы знаменитого Нестора Махно, хотелось бы закончить отрывком из ее письма ко мне от 28 октября 1968 года, где она повествует о своем детстве, проведенном с родителями в Могилеве. Как нам кажется, тут можно усмотреть прямо-таки трагический образ в будущей судьбе нашей героини.

Она писала, не понимая, надо полагать, какие силы ведут ее ослабевшей рукой: «Припоминается мне, как однажды, когда мне было лет десять, мы, пять-шесть девочек, выйдя из железнодорожной школы по окончании занятий, отправились в железнодорожную баню. Здесь мы вдоволь намылились, попарились и разошлись по домам. Одета я была еще в летнее легкое пальтишко, и меня во время довольно длинной дороги домой хорошо продуло. Я сильно простудилась и вскоре расхворалась воспалением почек. Я слегла надолго... У меня были пролежни. Я сильно ослабла и исхудала. Ходить была не в силах. И намучились же тогда со мною моя бедная мама и мой брат Николай. Они несколько месяцев подряд, до весны, часами, бывало, носили меня на руках по комнате... А когда стало тепло на дворе, я стала медленно поправляться...

А когда я уже совсем поправилась, тогда мне рассказали, что я была совсем уже безнадежна, врачи мне помочь уже ничем не могли, и родители купили мне уже досок на гроб, мешок муки на поминки и приготовили всю одежду на погребень...

Вероятно, они в 1918 году вспоминали, как они выходили меня тогда, и пожалели о том, что я не умерла тогда... Сколько горя и несчастья я им принесла...»

Скончалась Галина Андреевна 23 марта 1978 года в Джамбуле, там и погребена, за тысячи верст от родных мест. И вот через одиннадцать с половиной лет пришло на ее имя,

наконец-то доброе известие, цитируем документ:

«Прокуратура Украинской Советской Социалистической республики. Михненко Елене Несторовне.

Сообщаем, что на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года уголовное дело, по которому вы были репрессированы, прекращено, и в настоящее время вы реабилитированы. Член коллегии Прокуратуры УССР В. И. Лесной.

13.09.89 г.»

Точно такое же известие пришло в адрес и Галины Андреевны. Вдова Нестора Махно, изнуренная двумя войнами, бегствами, лагерями, нищетой и бесправием, уже не узнала о том, чего столь долго добивалась. Однако приятно все же закончить данный тяжелый сюжет на доброй вести.

Теперь последний краткий сюжет – о Елене Несторовне Михненко. Конечно, договорившись с Галиной Андреевной о встрече в Джамбуле, я понятия не имел, что там обитает еще и дочь Нестора Ивановича. Тут, посреди азиатских степей, довелось с ней познакомиться. Но прежде, чем поведать свое личное впечатление, приведу письмо, которое она отправила матери из ссылного для нее Казахстана в мордовский политический лагерь.

Намеренно не исправляю орфографию: тогда Елена

Несторовна русский знала совсем плохо, грамматические и всякие иные ошибки ее, недавней парижанки, дают дополнительный оттенок к ее образу и несчастной судьбе. Ее письмо, уже цитированное, отправленное матери три с лишним года спустя, написано по-русски вполне грамотно и графически четко. Добавим еще для современного читателя, что лагерной переписки той поры у нас почти не сохранилось, поэтому письмо ссыльной дочери в адрес матери-каторжанки уже само собой представляет большой исторический интерес. Характерен сам вид этого письма: тетрадная страничка, исписанная химическими чернилами с обеих сторон самым мельчайшим почерком, автор эпистолии явно должна была беречь бумагу. Итак, воспроизводим письмо Елены Михненко от 25 апреля 1950 года:

«Дорогая мамочка

Письмо от 7 февраля получила. Пиши теперь на следующий адрес Каз. ССР – Джамбульск... об. – ст. Луговая (Село Луговое) Октябрьская ул. № 17 Швейный цех. Е. Н. Михненко. На Розу Котлер не пиши, она уехала, только указывай мою фамилию и все. Вот кратко как я жила с мая м-ц 1948 г. я поступила через один м-ц в райпотреб-союз, буфетчицей. Работала один месяц и закрыли столовую, и через месяц была снова без работы, тут меня поддержал сапожник, я в скоре заболела тифом и лежала два м-ца в больнице (август-сентябрь 48 г.). Пока я лежала в больнице

мне этот сапожник носил кушать, а когда я вышла из больницы я узнала что это все он носил мне за деньги приобретенные продажей моих вещей, я осталась без ничего и он скоро уехал оправдываясь тем что у него денег не было а видал что мне голодно, ему было жалко меня и он решил распорядится и мне сказать правду только когда я выздоровлю. Он рассуждал так: лиж бе здоровье, а остальное все будет, и по неволе мне пришлось мериться незная до сех пор сердиться или нет. Когда я вышла из больницы у меня было осложнение на печень и уши. Сейчас печень нормально а слух средний.

В октябре 48 г. я поступила на железно-дорожный ресторан посудомойкой. (Если бы я хотела быть официанткой в этот момент я бы не могла из-за одежды) работала сутками и двое отдыхала. Жила в чеченской семье. В декабре я была уволена по сокращению штата, в январе я поступила посудомойкой в ОРС железнодорожная организация, работала в паровозном депо. В марте была уволена из-за документов. Если бы не это то во всех организациях можно быстро продвинутся посылают на курсы поваров и т. д. в каждой отрасли можно продвинутся но не мне с моей фамилией и происхождением. При каждой перемены работы у меня была перемена с квартирами. Единственные друзья фотографы уехали на Украину. В период моей работе в ресторане зимой 48 г. я побрила голову, волосы выросли через 6 месяц, кудрявые, а теперь эти кудри отходят, прямо жалко.

Но я продолжаю насчет работы. Перед отъездом фотографа в марте м-це меня устроили домработницей о одной врачихи, одинокая с девочкой. Я у ней поработала до мая м-ц 49 г. И вот как прожила эту зиму с 48 на 49 г. раздетая и босая с переменами каждые три м-ца. Это самое жуткое воспоминание моей жизни. И когда я еду с села на станцию у меня остается тяжелые впечатления от этой станции. Даже как на зло развалился дом где жили фотографа и если я хочу припомнить несколько приятных минут в этой семьи то только смотришь на кучи кирпичей. В эту зиму 48 г. на 49 г. я лазела по поровозам и тендерам и выпрашивала у машинистов уголь. Таскала его, грязная, потная. Я с дрожью вспоминаю эту зиму. Весной я в мае 49 г. поступила на сырзавод, меня взяли на пробу один месяц. Потому что работа тяжелая физическая, и мне сказали что я врядли справлюсь. Но я старалась и кое как выдержала меня оставили. Через три м-ца в августе завода разделили и дня часть перекочевала со скотом в горы 20 км от района. Я тоже перекочевала в горы – я принимала молоко, топила, мыла и таскала фляги и кроме этого я была свиаркой, была на двух окладов у меня было шесть казенных свиней – огромные до двух годичных. Ездил в район три раза в месяц, возила сливки на быках. Работала все лето, поступила в члены профсоюза, добилась трудовой книжки. К осени я уже искала себе работу каждый раз как ездила со сливками, бегала по организациям и мне в Потребсоюзе обещали работу на официантку, я предупредила своего майора

на отметки что осенью я останусь без работы потому что сезон молока кончается и всех увольняют. Майор обещал меня устроить. Работа была тяжелая на заводе, к осени я уволелась потому что работа зимняя мне не по силам, хоть меня оставляли но надо была перейти на хозяйственные работы как копать мазать, белит, лед заготавливать, ледник копать, это не в моих силах, и я так летом ели выдержала, а в холод раздетой никак невозможно. Вот так я жила до октября 1949 г. В следующем письме дальше напишу. Пока крепко при крепко целую

Люся».

Встречаться со мной Елена Несторовна соглашалась не очень охотно. Раздражена была, обижена, никому не верила. Ну, что ж... От матери я еще узнал, что детей и семьи у нее нет, что сейчас живет с летчиком гражданской авиации, оценку этим отношениям сдержанная Галина Андреевна, естественно, не давала. И все же мы повстречались, однажды ранним вечером мать и дочь пришли на свидание со мной вместе.

В тесную, бедноватую мазанку на окраине Джамбула (там жили потомки украинских переселенцев, приютившие меня) вошла вдруг элегантная, моложавая женщина, как будто припорхнула из чужого мира в эти пыльные степи. Среднего роста, кареглазая и темноволосая, она была поразительно похожа на отца. И сразу стало ясно – вот Париж; пари-

жанка (автору довелось побывать во множестве экзотических мест, но только в этом городе есть для русского человека особое обаяние). Легкая фигурка, быстрые, изящные движения, поразительная непринужденность манер – и все это вдобавок к сильному французскому акценту в русском языке и даже, мне показалось, французской фразеологии. Уж как она умудрилась оставаться изящной и обаятельной в городе Джамбуле Казахской ССР, объяснить это диво не в моих силах. А было тогда ей (скажу уж для истории) ровно сорок шесть лет. Конечно, записывать так или иначе разговор с ней было некстати, я этого и не делал (замечу, что и ее суровая мать за всю нашу недолгую беседу не проронила, кажется, ни слова). Передам речь единственной наследницы Нестора Махно по записи, которую я сделал непосредственно после нашей беседы:

– Ненавижу политику с детства. Хорошо помню отца. У нас дома всегда было полно народу, масса газет. И я тогда уже поклялась себе, что никогда не стану интересоваться политикой и газет не читать. У меня нет родины. Францию я родной не считаю, Россию тоже. Да, я говорю с сильным французским акцентом, когда я говорю по-немецки, то тоже считают, что я француженка. Да, тут очень многие мужчины мною увлекались, но когда узнавали, чья я дочь, шарахались в сторону. Одни это делали корректно, другие трусливо или даже грубо. Люди при этом хорошо раскрывались. Детей я не хотела. Плодить нищих? И чтобы у них была моя судьба?

О роли своего отца в вашей истории я во Франции совсем не знала. Когда меня поместили в киевскую тюрьму, одна сокамерница, узнав, чья я дочь, спросила – того самого бандита? Я оскорбилась и ударила ее. Если можно, пришлите мне из Ленинграда французские издания, здесь их нет.

* * *

Покидал я Джамбул в теплый, без осадков октябрь. Воспоминания остались самые лучшие. В небольшом малоэтажном городке на каждом углу дымились шашлычные. Шампур свежей, добротной поджаренной баранины стоил, хорошо помню, тридцать пять копеек, к нему полагался свежий белый хлеб и сладкий среднеазиатский лук крупными кольцами. Сухого вина было в избытке, я покупал обычно красное, стоимостью, кажется, рубль восемьдесят за бутылку. А тамошние дыни – это чудеса природы! Никогда более не довелось мне вкушать ничего подобного, хоть пробовал я эти плоды во многих местностях, даже в Японии. Словом, неплохо было.

Уезжая в осенний Ленинград, я, конечно, захотел увезти с собой дыни. Выбирать их взялась со мной на базар Галина Андреевна. Она, привыкшая беречь любую копейку, выбирала плоды очень придирчиво. Сосредоточенно, не торо-

пясь, ощупывала каждую, целиком углубясь в это занятие. Ну, а я, оказавшись на необычном для меня месте, глазел по сторонам.

Напротив, рядом, находился мясной ряд, и я увидел довольно высокую пирамиду из отрубленных бараньих голов. Это привычное для азиатских базаров зрелище сильно потрясло меня. Так и вспомнились картины Верещагина, хроники кровавого завоевателя Тимура...

...Вдова Нестора Махно не обращает внимания на поразившую меня пирамиду, здесь это зрелище привычное. Цепкими пальцами она ощупывает дыни, выбирая подходящую. Дыни уже тоже мерещатся мне чьими-то головами.

Прости, Господи, несчастных рабов Твоих Галину и Нестора, ибо не ведали, что творили!

Когда настоящая книга уже готовилась к выходу, прислал мне коллега из Алма-Аты статью местной газеты «Казахстанская правда» от 1 декабря 1990 года. Тамошний журналист А. Вотчель опубликовал репортаж «В гостях у дочери Махно». Материал этот столь исторически интересен, а помимо прочего – так совпадает с моими Яичными впечатлениями двадцатилетней давности, что нельзя не воспроизвести его в нашей книге. Цитируем репортаж:

«О том, что в Джамбуле живет семья батько Махно, я узнал лет двадцать назад. Однако говорить и писать в ту пору об этом было не принято – как-никак „враги народа“. Но весной нынешнего года я отправился в дом на окраине го-

рода. На стук вышла пожилая, ростом чуть выше среднего, женщина с глазами, из которых давно уже ушла радость. Я представился, объяснил цель своего визита.

– Вы не первый, – сказала Елена Несторовна. – Ко мне приезжали работники прессы из Москвы, Ленинграда, сотрудники краеведческих музеев. И всех я просила покинуть мой дом, не теряя напрасно времени, потому что беседовать со мной нужно было несколько десятилетий назад, когда жива была мама. Не тратьте времени и вы.

Я не настаивал.

Но вот недавно в пятом номере «Совершенно секретно» увидел материал «Из дневника „матушки“ Галины». Через час я уже входил в дом Елены Несторовны.

– Все, что здесь написано, все верно, – сказала Елена Несторовна. – Об этом мама много раз рассказывала. Да и портреты мамы и папы нормальные, такие, какими они были в жизни, а не карикатурные, какими их изображали, и особенно папу, в кино.

Беседа была трудной. Елена Несторовна то и дело прижимала к глазам платок...

– В Дамбуле очень долго скитались по частным квартирам, – вспоминает Елена Несторовна. – Стоило хозяевам узнать, кто мы такие, от нас старались побыстрее избавиться. Много раз мама писала в Москву, и даже обращалась лично к Ворошилову. Наконец пришли в горисполком бумаги, и нам выдали однокомнатную благоустроенную квартиру...

Я спросил Елену Несторовну, пользуется ли льготами, как реабилитированная. В ответ она устало махнула рукой и вновь прижала мокрый от слез платок к глазам».

Простите, Елена Несторовна, все наши вины перед вами...

От автора: 16 января 1993 года на 71-м году жизни умерла Елена Несторовна Махно.

НЕСТОР МАХНО. БИБЛИОГРАФИЯ

(В данном перечне учитываются только книжные издания)

М. Равич-Черкасский. Махно и махновщина. Екатеринослав, 1920

Я.Яковлев. Русский анархизм в великой русской революции. Петроград, 1921

К.Н.Соколов Правление генерала Деникина. (Из воспоминаний). София, 1921

Р. Эйдеман. Очаги атаманщины и бандитизма. Харьков, 1921

Д. Лебедь. Итоги и уроки трех лет махновщины. Харьков, 1921

Я. Слащев. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний.

М. – Л., 1923

П. Аршинов. История махновского движения (1918 – 1921). Берлин, 1923

И.Тепер. Махно. От «единого» анархизма к стопам румынского короля. Киев, 1924

Н.Какурин. Как сражалась революция. Т.П. М. – Л., 1926

М. Кубанин. Махновщина. Л., 1927

Н. В. Герасименко. Батько Махно. Мемуары белогвардейца. М. – Л., 1928

В. В. Руднев. Махновщина. Харьков, 1928

А. И. Егоров. Разгром Деникина. М., 1919. 1931

В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. Т. III. М. – Л., 1933 С.Черномордик. Анархисты за «работой». Махно и махновщина. М., 1933 Н. И. Махно. Воспоминания, материалы и документы. Киев, 1991

СОЧИНЕНИЯ НЕСТОРА МАХНО

Русская революция на Украине (от марта 1917 г. до апреля 1918г.). Кн. I. Париж, 1929 Под ударами контрреволюции (апрель – июнь 1918 г.), т. II. Париж 1936